

Индекс **П8643**

1
2020

РОССИЯ XXI 2020 1

РОССИЯ XXI

1.2020 январь-февраль

Геоглобалистика

Виктор Мальков

«Кислотный тест» для дипломатии США.
Президент В.Вильсон и его консулы ищут решение
«русской дилеммы» (окончание) _____ **6**

Россия в мире

Владимир Дегоев, Ирина Стамова

Русско-европейские отношения как предтеча
Северной войны. Ч. II. Россия и Саксония–Польша _____ **30**

Страницы истории

Наталья Черникова

Высший суд Российской империи:
эволюция Гражданского департамента
Государственного совета _____ **46**

Игорь Татаринов

К вопросу о границах Всевеликого Войска Донского
и Украинской Державы в 1918 г. _____ **74**

Ярлыки и мифы

Владимир Лапин

Память о «Покорении Туркестана». Войны дореволюционной России в символическом измерении _____ **96**

Актуальный архив

Нина Хайлова

«Извлечь из пучины забвения старый лозунг: "В единении – сила"»: надежды и тревоги либералов-центристов накануне созыва I Государственной думы _____ **120**

Редакционная почта

Рой Медведев

«Мир когда-нибудь будет единым, но при этом – многоцветным...» _____ **156**

Contents in English look at the page 184

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постагыйный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

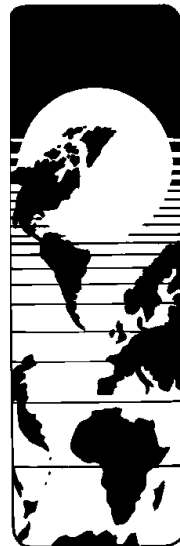
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

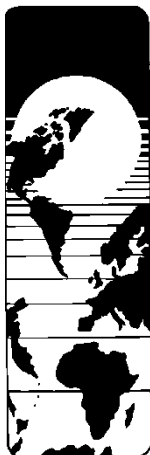
Я сам был свидетелем того, как американские разведывательные власти раз за разом проводили или пытались проводить операции, которые не только прямо подрывали советско-американские дипломатические отношения, но и сами возможности достичь лучшего взаимопонимания между правительствами.

Джордж Кеннан

Последнее движение политика –
рука, протянутая к кобуре револьвера.

Бакминстер Фаллер

Виктор Мальков

**«Кислотный тест»
для дипломатии США**

**Президент В.Вильсон
и его консулы ищут решение
«русской дилеммы»¹**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
94(73+470)

Автор рассматривает весьма запутанную роль американской дипломатии и высадившихся на Севере и Дальнем Востоке России американских войск, инженерных частей и др. в контексте катастрофических событий большевистской революции и гражданской войны. Политика «невторжения», о которой президент В.Вильсон говорил первоначально, трансформировалась в империалистическую акцию, осуществляемую милитаристскими кликами, с участием военных формирований США, а также японцев и чехов. Это еще более затруднило решение «русской дилеммы».

The author traces the intricate role of the United States diplomacy and a contingent of US Army within the context of many cataclysmic event of the Bolshevik revolution across Siberic and the far Eastern provinces of Russia. President Wilson initial policy of nonintervention which he declared on the eve of Civil war transformed into the imperia list design of different military cliques (including Japan) further confused the question of American search for “Russian dilemma”.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки и гражданская война в Советской России; Вудро Вильсон; американская дипломатия и ситуация в регионах России в 1918 г.; антибольшевизм.

Key words: the United States and the Civil War in Soviet Russia; Woodrow Wilson; American diplomacy and the situation in the regions of Russia in 1918; Anti-Bolshevism.

E-mail: vic.malkov@mail.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. №6. 2019. Иллюстрации взяты из американского журнала “Prologue”. Quarterly of the National Archives and Records Administration. Fall 1998. Vol.30. No.3. P.180–191.

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

Хмурые раздумья консула Э.Харриса

Вся гамма опасений в связи с японской угрозой отражена была в обстоятельной записке консула США в Иркутске Э.Харриса Лансингу, датированной 1 ноября 1918 г. Она была

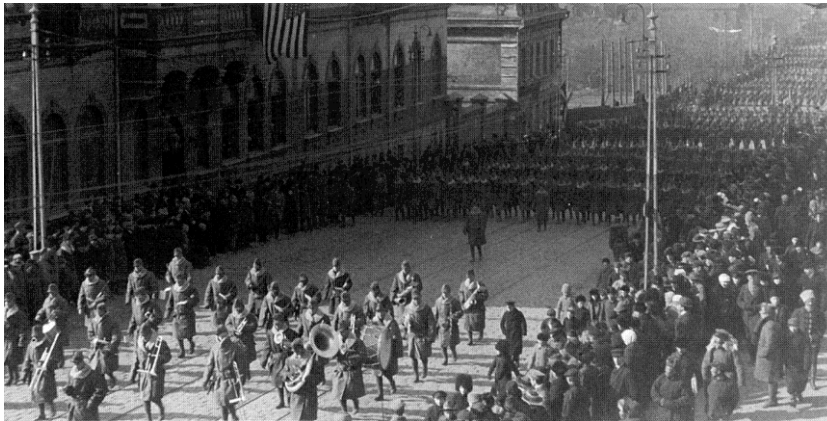
выполнена в виде анализа всех «за» и «против» признания возникших в Сибири так называемых самоуправляемых территорий правительства Соединенных Штатов. В мае 1917 г. в Томске состоялось автономное краевое собрание. Созданные, в основном, местными эсерами законодательные и исполнительные органы власти, включая Временное правительство автономной Сибири (ВПАС), не нашли поддержки в деревнях. Вскоре они рассыпались под давлением самых разных сил, недовольных призывами возобновить участие России в войне против Германии и зависимостью автономистов от поддержки иностранцев. Лозунги борьбы с «германо-большевистским» врагом не нашли понимания у главной опоры местных «автономистов» – крестьянской массы. Не вызывало симпатий и Временное правительство Сибири, перехватившее власть в июне 1918 г. в Омске. Мнение Харриса менялось, но он отдавал предпочтение «сильной руке». Временное правительство казалось Харрису более прочным и консервативным по составу, нежели его предшественники.

Тем не менее Харрис решительно высказывается против признания не успевшего еще доказать свою устойчивость Временного сибирского правительства в Омске, которое «только усилит дюжину местных правительств в их желании добиться признания» и таким путем будет способствовать «раздробленности» России. А это станет помехой в борьбе с главной угрозой – большевизмом. Между тем, констатировал Харрис, все держится на иностранных штыках. «Там, где в Сибири чехи перестают быть фактором обстановки, – писал этот знаток местных нравов, – к власти немедленно приходят большевики... Не чувствуется спонтанно выраженного энтузиазма в пользу воссоздания устойчивости со стороны людей, представляющих интеллигенцию и способных вернуть стране порядок и уберечь ее от большевизма».

Харрис не видел проку и от других местных образований, лидеров которых отличало «от большевиков только одно название». Консул, хорошо осведомленный о сложностях отношений между Вильсоном и союзниками в связи с положением в Сибири, благоразумно встал на сторону президента, тем более что последний еще в июне 1918 г. озвучил

«некое подобие плана». План предусматривал создание единого правительства Сибири при поддержке японцев, чехов и американцев, выполняющих полицейскую миссию (преимущественно для оказания помощи чехам), согласованную с Парижем и Лондоном [17]. Никто не знал, что могло из этого выйти, но Харрис думал, что в этой комбинации есть резон.

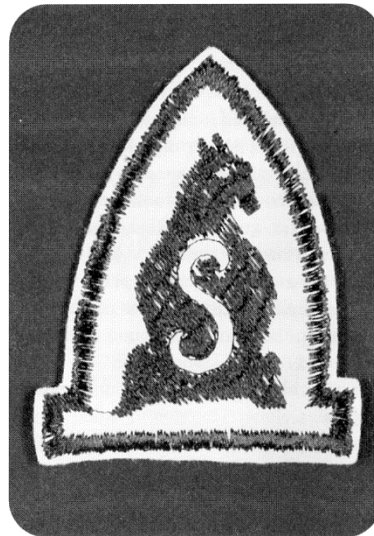
Многое из того, что затронул в своих рассуждениях Харрис, к моменту написания записки осталось в прошлом, хотя не только не исчерпало себя до конца, но повлекло за собой целый шлейф событий, которые требовали все новых неординарных решений. Его анализ положения в Сибири и взгляд на будущее вооруженной борьбы с большевизмом были пессимистическими. Странная коалиция, ориентировавшаяся на внешнее вмешательство («военную акцию») в Сибири, сложившаяся после высадки 1 августа 1918 г. американского десанта во Владивостоке, а еще раньше, 5 апреля того же года, – почти ста тысяч японцев и сорокатысячного чехословацкого корпуса, потерпела крах. К началу ноября 1918 г. Эрнесту Харрису стало ясно, что военной инициативы чехословацкие части не удержат, настолько сильным стало возмущение их пребыванием со стороны населения Сибири. Они не могли надеяться и на прикрытие со стороны союзников и японцев, «которых они боялись и ненавидели» [17]. Расхваливая по обычаю дипломатию президента, консул в Иркутске Э.Харрис не верил в счастливый исход операции, хотя не испытывал и большого оптимизма по поводу героев-одиночек, берущихся преобразовать хозяйственную жизнь Сибири [8].

«Парад мира» во Владивостоке 15 ноября 1918 года,
в котором участвовал американский оркестр вооруженных сил 31-го полка

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

Генеральный консул в Иркутске стремился быть ближе к внутренней жизни различных местных территорий, политических течений, военных группировок и отслеживать их взаимодействие с чехословацким легионом. По-видимому, совсем никто не ждал совершенного адмиралом Колчаком 18 ноября 1918 г. в Омске переворота, изменившего отношения чехословаков с белым движением и усилившего тягу чехов к эвакуации из России. Случившееся было неожиданным и для Харриса, хотя он, вопреки своим собственным убеждениям, обнаружив Колчака в роли Верховного правителя, превратился в сторонника признания его правительства. Удивительнее всего, что поначалу его противником оказался Р.Лансинг, по мотивам, более чем основательным, – омское правительство не пользуется поддержкой народа, оно реакционно и коррумпировано. И Харрис, открывший для себя, что Колчака в его борьбе с большевиками могут поддержать чехословаки, в очередной раз изменил свое мнение. На его стороне оказался и занявший летом 1919 г. влиятельный пост заведующего русским отделом Госдепартамента, бывший генеральный консул в Москве Девиит Пул. Консул в Иркутске, в сущности, поддержал сценарий Пула и посла Фрэнсиса, предполагавший удушение большевизма всеми силами, не исключая и японцев, несмотря на все сложности, которые их участие в реализации этого плана сулило Америке, белому движению и чехам² [18, р.331, 332]. Но вскоре выяснилось, что самым уязвимым местом у Колчака были его тылы и нежелание чехословаков быть участниками многочисленных преступлений колчаковских «мстителей». Диплома-

Отличительный знак на накидке солдат этого же 31-го полка

² В дневнике генерала А.П.Будберга (за 1919–1920 гг.), опубликованном в книге А.В.Ганина, это состояние усиливающейся взаимной неприязни отражено убедительным образом [3, с.606, 615 и др.].

тия США вскоре же потеряла интерес к Верховному правителю российского государства. Государственный секретарь Роберт Лансинг, окруженный ореолом последовательной и благородной внешней политики США, в порядке объяснения этих шатаний, сделал следующее признание в письме Чарльзу Валентайну от 22 января 1920 г. Вильсон болел, и Лансинг не опасался быть откровенным в письме частному, но хорошо известному ему лицу:

«Начиная с осени 1918 г. до октября 1919 г. война между вооруженными силами Колчака и большевиками шла с переменным успехом – и до определенного времени существовало даже общее мнение, что Колчак окрепнет и сможет осуществить успешное наступление в западном направлении. Первоначально сведения о его решительных действиях были столь обнадеживающие, что все мои советники из Государственного департамента, русский посол Б. (Бахметев. – *В.М.*) и многие другие из различных сфер, которые, возможно, были заняты русскими делами, настаивали на признании его (Колчака. – *В.М.*) правительства администрацией Соединенных Штатов. Изучив всю информацию и письменные отчеты, я убедился, что реальную силу Колчака составляла только чехословацкая армия (так в тексте. – *В.М.*), но она не пользовалась поддержкой со стороны русского населения по причине коррумпированности и неэффективности гражданского и военного руководства, осуществляемого правительством Колчака. Именно поэтому я не соглашался на признание Колчака, пока он не добьется создания стабильного правительства, опирающегося на земство и кооперативы. Многие не разделяли мои взгляды, и, признаюсь, я сомневался в правильности моего решения, видя, как единодушно его осуждают другие» [15]³.

В цитируемой нами «отчетной исповеди» Лансинга важное место было уделено тому, что происходило на территории, которая оказалась на «попечении» омского правителя, и отношению к нему местного населения. Фактически же он вынужден был признать ложность всех оптимистических прогнозов и, напротив, подтвердить пессими-

---

³ Лансинг, конечно, не первый раз испытывал состояние цугцванга как, впрочем, и Вильсон, когда ему приходилось принимать спорные, не согласуемые с его собственными ощущениями решения по «русскому вопросу». «Я не вполне убежден в благоразумии интервенции в Сибири», – писал он в письме Джорджу Кеннану-старшему в мае 1918 г. См.: [13]. Разгром Колчака заставил отказаться не только от планов признания его правительства, но и от продолжения сибирской «экспедиции».

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

стические оценки, к которым ранее пришел Харрис. Сибирь, в целом, отказалась поддержать Колчака, а, рассорившись с чехами, адмирал лишился даже надежной личной охраны. Единственное, что оставалось Соединенным Штатам, писал Лансинг, чтобы «остановить» большевизм, – это продолжение экономической блокады и согласие не претендовать на увеличение японского контингента, достигшего примерно 60 тыс. солдат, поскольку они доказали свою непримиримость к большевикам. Отрицательную реакцию Лансинга вызывала только их установка на отделение Сибири от России. Он заканчивает свое письмо-размышление весьма показательным для вашингтонской элиты выводом о судьбе России. «Сибирь, – писал Лансинг, – вполне вероятно может уйти из России, но я, впрочем, не считаю разумным превращение в суверенное государство этой огромной и малонаселенной территории». Ранее государственный секретарь высказался за предоставление независимости Финляндии и Польше, но против «подталкивания» к выходу из состава России Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Армении и Грузии, добавив к этому перечню сакральное «etc.» [15].

Дипломатия и армия в Сибири и на Дальнем Востоке: вместе или порознь?

В разгар событий главным информатором Лансинга о положении в России оставался генеральный консул США в Москве Девитт Пул, о настроениях которого говорилось выше⁴. Более жесткой негативной оценки происходящего в России после октября 1917 г., к которой пришел Пул, нельзя было найти ни у одного другого консула. Уже покинув Россию осенью 1919 г. с тем, чтобы стать у руля «русской политики» Государственного департамента, Пул переполнил почту Белого дома антибольшевистскими посланиями с изобличениями заговора Москвы против «обновленного» мира и демократического порядка [16].

Но сегодня очевидно, что Лансинг, вопреки непрекращающейся ссоре с больным Вильсоном, стал склоняться к той же кажущейся многим маловразумительной, невнятной позиции президента в русском вопросе, хотя желания общаться с раздражительным президен-

⁴ См.: Мальков Виктор. «Кислотный тест» для дипломатии США. Президент В. Вильсон и его консулы ищут решение «русской дилеммы» // *Россия XXI*. 2019. №6. С.6–39.

том, утратившим контакт с собственным окружением, у государственного секретаря не было [5, p.10]. У многих вызвало удивление негласное распоряжение Вильсона воздержаться от каких-либо возражений против продвижения японцев в глубь Сибири. Морализму и универсализму Вильсона Лансинг противопоставил свое понимание «реальной политики» с креном в сторону разновидности имперства. Уйти из большевистской России, одарив ее непризнанием и экономической блокадой, – таков был заключительный лейтмотив принятия Лансингом решений в качестве негласного исполняющего обязанности президента в начале 1920 года.

Уже в сентябре 1919 г., не внемля призывам Пула и ему подобных, Лансинг сблизился с военным министром Ньютоном Бейкером, и особенно тесно по вопросу о возвращении войск домой при первой же возможности. Окончательно стало ясным, что высшее воинское начальство больше, чем угроза большевизма, занимала мысль о том, как избавиться от японского присутствия в Сибири и на всем Дальнем Востоке. Военные оказались более открытыми к самокритике в большой прессе и к ответу на протесты общественных движений. Опасения вызывало и брожение среди солдат 339-го полка, оказавшегося на севере России [4, с.252–279], и десанта, высадившегося 15 августа 1918 г. во Владивостоке с целью присоединения к «экспедиции» японцев, англичан и чехословаков. Самое же важное состояло в том, что сведения, получаемые военным ведомством, а в последующем Лансингом от профессиональных разведчиков командующего американскими частями генерала Грейвса в Сибири, по уровню аналитического прогнозирования и экспертной достоверности были выше во многих случаях, чем наблюдения дипломатов, скованных инструкциями и порой выдававших желаемое за действительное.

С самого начала пребывания на российской земле генерал У.С.Грейвс и его подчиненные обнаружили, насколько сильно данные им в Вашингтоне ориентировки не совпадают с реальным положением дел в сибирских деревнях – на огромной территории, удаленной от городов, где бурлили страсти, сменялась власть и где интервенты могли чувствовать себя в относительной безопасности. Консул Харрис был уверен в успехе Колчака, о чем он информировал Государственный департамент, а между тем американские военные разведчики, свободно перемещавшиеся по Сибири, полагали, что ситуация была

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

«драматически противоположной» той, которую рисовал во многих донесениях и записках Харрис [18, р.333].

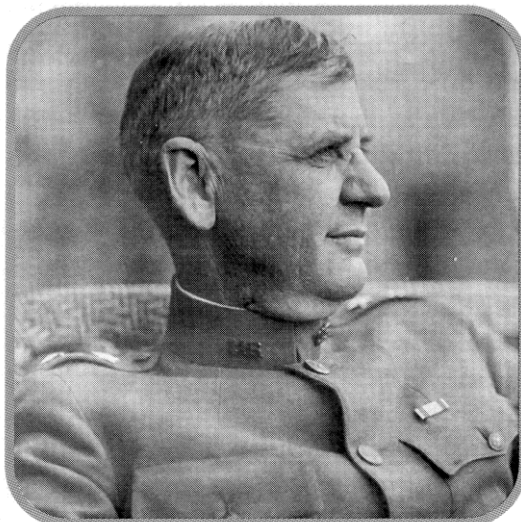
Генерал Уильям С.Грейвс с основным контингентом американских войск на транспорте «Томас» прибыл во Владивосток 1 сентября 1918 г., и с этого момента десант американцев в Сибири увеличился до 10 тысяч солдат. Тем не менее их командир спустя некоторое время понял, что они не оправдали возлагавшихся на них надежд (в смысле «наведения порядка» в России), а армию интервентов ожидают трудные испытания с непредсказуемым исходом.

Союзные силы в Сибири состояли из британских, французских, американских, японских и чешских войск. Многие из них надеялись на победу над коммунистами в России

Хуже всего было то, что, как считали и сам генерал, и его профессиональные разведчики, жестокость интервентов и находившихся под их прямым контролем белых генералов и казачьих атаманов вызывала негодование населения в городах, деревнях, рабочих поселках, зимовках и на приисках. Это происходило повсюду от Владивостока до Самары, где бы ни оказывались японские, английские, американские солдаты и «спасаемые» ими чехословаки. Нужно отдать должное генералу Грейвсу, который раньше других участвующих в сибирской авантюре понял, что грубое вмешательство во внутренние дела народов России не принесет лавров Соединенным Штатам и рано или

поздно им придется убраться из Сибири. Общение с «умиротворителями» вроде японцев или с атаманом Семеновым убеждало его в этом все сильнее и сильнее. Предчувствие провала всей «сибирской экспедиции», несмотря на временные успехи осенью и зимой 1918 г., привело Грейвса, так же как и многих военных вокруг него, в мрачное состояние духа. Уже в начале октября 1918 г. он констатировал, что признание интервентами субъектности тех или иных местных автономий сделает их абсолютно неуверенными в своем положении и вынужденными полагаться на разрозненные вооруженные формирования враждующих кланов, состоявших на содержании интервентов [9].

Генерал-майор Уильям С. Грейвс, командующий американскими экспедиционными силами в Сибири с 1918 г. по 1920 г.

Менее чем через год Грейвс, вполне освоившийся с ситуацией, обнаружил неприятие, как он писал, «практически всеми крестьянами» деятельности многочисленных кланов сибирской контрреволюции. Он посчитал нужным высказаться так же категорично и по принципиальному вопросу, касающемуся присутствия американцев в стране, с которой Америка никогда ранее не вступала в конфликты: «...В соответствии с моими убеждениями... я бы попытался избежать вмеша-

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

тельства во внутренние дела русского народа» [10]. Что бы ни сулили ему будущая карьера или даже ее крах, генерал У.Грейвс был одним из первых в Америке, кто произнес: «Нужно выходить из игры».

Основанием для таких безоговорочных выводов послужила информация от специально подготовленных опытных разведчиков-анализаторов, а также порой раскрашенные в оптимистические тона рассуждения посланцев «туманного днища» (Госдепартамента) [6, р.225]. Донесения военных наблюдателей строились в ином ключе. Касалось ли это диких расправ в русских деревнях (на Севере и на Дальнем Востоке), или речь шла о реальном взаимодействии с пестрым составом интервенционистских сил, либо это касалось ближайшего или более отдаленного будущего России – исхода гражданской войны и места страны «темных людей» в созидании нового мироустройства. Кровавые сцены отсечения «дружескими» японскими офицерами голов большевиков или красных партизан в присутствии американцев перемежались откровенными картинами разброда в рядах антибольшевистского сопротивления, деградации его политического и командного состава, хаоса в администрировании и организации совместных операций⁵ [11]. Все это создавало, как признавали многие знаковые фигуры в Белом движении, невозможность «какой-нибудь устроительной государственной работы» [3, с.676].

Нараставший кризис и, в конечном счете, провал политики интервенции с некоторых пор отразились в предчувствиях и проявлениях нервозности у Вильсона и Лансинга. В полную силу они были выражены в депешах генерала У.Грейвса и отчетах его разведывательной службы, «окормлявшей» Дальний Восток и Сибирь⁶. Эти люди были близки к открытой конфронтации с политическим руководством страны. Сомнения в правильности решения воевать «плечом к плечу» с японцами в Сибири укоренились в сознании американских морпехов. В одном случае ведущий офицер разведки, помощник начальника штаба генерала Грейвса, без всяких обиняков обвинил руководителя английской военной миссии в Сибири генерала Нокса в помощи

---

⁵ *Едва ли можно отыскать более убедительное подтверждение той дезорганизации и неразберихи в повседневной жизни населения Сибири, которую принесли интервенты, чем это сделал генерал Грейвс в своих воспоминаниях. См.: [7].*

⁶ *Многие документы из этого кластера были рассекречены не ранее семидесятых годов XX века.*

Колчаку в организации переворота в Омске, зная, что огласка этого факта способна вызвать взрыв возмущения в общественном мнении США и в Конгрессе. Правительство Вильсона вновь поспешно заявляло о своем невмешательстве в русские дела, а цель пребывания американского контингента в Сибири объясняло материальной и технической помощью по договоренности с союзниками. Действия англичан коробили их американских партнеров, видевших в Колчаке и его сторонниках крайне непопулярных в США монархистов – поклонников старого режима⁷.

Свидетельство подполковника Р.Л.Эйхельбергера

К моменту поступления в Вашингтон достоверной разведывательной информации о положении в Сибири весной и летом 1919 г. Вильсон физически уже не был способен уделять ей серьезное внимание. 22 марта 1919 г. полковник Э.Хауз предвосхитил общемировой катаклизм: «Судя по положению вещей, скоро наступит кризис... Большевизм повсюду захватывает новые позиции» [1, с.306]. Участвовавшие серьезные недомогания мешали президенту адекватно реагировать на прямые признаки провала мер, принимаемых для «русской стабилизации»: дипломатических, военных, экономических, а кое-где фактически сводящихся к ручному управлению. И несмотря на то, что, как пишет Беата Антербергер, Соединенные Штаты стали «активным соучастником гражданской войны в России» [18, р.324], даже этот факт не смог остановить процесс деморализации и разложения Чехословацкого легиона и многих белых формирований, которые были распущены и искали убежище в Китае и США.

Скепсис Вильсона в отношении перспектив сибирской операции все усиливался. Главный советник президента, полковник Хауз, и военное руководство страны все больше опасались присутствия в Сибири 72 тысяч японских солдат. Военному министру Ньютону Бейкеру, генералу Таскеру Блисссу и начальнику Комитета начальников штабов генералу Пейтону Марчу удалось убедить государственного секретаря Роберта Лансинга в том, что эмоционально-личностные послания таких консулов, как Э.Харрис, не являются в информатив-

---

⁷ Именно по этому поводу идеолог «сменовеховства» Н.В.Устрялов высказался следующим образом: «Строили Наполеона, а строился разжиженный царизм». Цит. по: [2, с.238].

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

ном отношении заслуживающими доверия. Предпочтение на заключительном этапе сибирской эпопеи было отдано донесениям разведчиков генерала Грейвса, по-деловому в меру конкретным и аналитичным в соответствии с нормативами службистов-буквоедов военного министерства. Военные острее, нежели дипломаты, ощущали двойственность своего положения. Надлежало вести войну без ее объявления, методом тайных операций, против страны и народа, настроенных лояльно к великой державе, слова и дела руководителя которой решительно разошлись. Летом и осенью 1919 г. уже нельзя было сказать, что военные наблюдатели запоздали с прогнозом провала интервенции и признанием ошибочности всех расчетов Вильсона на принуждение большевистской революции и советского режима к «сдаче оружия» и присоединение России к семье «настоящих демократий».

Логично предположить, что именно информация специальных служб легла, в конце концов, в основу суждений в пользу ускорения вывода американских войск из России и разворота в сторону неохотного признания Советской России *de facto*, сочетавшегося с эмбарго на торгово-экономические и культурные связи двух народов за исключением продовольственной помощи. О сворачивании всех зарубежных операций говорится в дневниках полковника Э.Хауза [1, с.365]. По молчаливому уговору в вашингтонских верхах сформировалось решение о непризнании омского правительства Колчака. Открыто признавалось, что оно уж очень «запоздало». Военный министр Н.Бейкер одним из первых в правительстве Вильсона после прихода к власти в Омске адмирала возвысил свой голос против поддержки режима нового «правителя России» [18, р.323]. Вслед за ним, несмотря на сильное давление своих сотрудников, Роберт Лансинг уклонился от упорных попыток людей вроде Эдварда Харриса добиться признания правительства Колчака. Он, как и Хауз, пережил нечто похожее на просветление, хотя временами вновь возвращался к убеждению в непотопляемости адмирала и конце большевиков. Однако сомнения не оставляли его при чтении секретных материалов по линии военного ведомства. В их перечне должен быть назван, в первую очередь, главный документ, дошедший до нас, – служебная записка (в форме меморандума о реально происходящем в Сибири) Р.Л.Эйхельбергера, руководившего разведслужбой американского контингента генерала

Грейвса. Она приводится ниже без всяких изъятий и сокращений⁸ [12].

Секретно

7 ноября 1919

*Офицер разведки Директору Отдела военной разведки
Вашингтон, округ Колумбия.*

Правительство Колчака

1. Командующий экспедиционными силами США в Сибири распорядился, чтобы это письмо было отослано непосредственно в адрес руководства без ссылок на него или на начальников его штабов. Таким образом, я готов взять на себя полную ответственность за высказанные здесь суждения и оценки.

2. Поддержка, оказанная правительству Колчака со стороны Соединенных Штатов, я убежден, своим побудительным мотивом имела искреннее желание помочь правительству, которое могло бы с успехом быть использовано в борьбе с большевизмом.

Однако я пришел к выводу, что механизм такого рода, каким является колчаковское правительство, успешно бороться с большевизмом не в состоянии.

3. Весь мир информирован о том, что колчаковское правительство представляет собой сплоченную команду патриотов, защищающих мир от распространения большевизма. Тем более очень многим кажется странным, что Омское правительство, поддержанное всемерно Англией и в несколько меньших масштабах другими союзниками, имеющее контакты с внешним миром и располагающее большим золотым резервом, оказалось бессильным противостоять наступлению Красной Армии.

4. Те, кто призывает к поддержке Омского правительства, в качестве главного аргумента ссылаются на личность самого адмирала Колчака. Это сильнейший фактор в их агитации, хотя в

---

⁸ *Роберт Эйхельбергер воевал на Филиппинах, в Мексике и вслед за тем оказался в Сибири. Руководил военными учебными заведениями. В годы Второй мировой войны воевал на Тихоокеанском фронте, командовал крупными воинскими соединениями. Участник процедуры капитуляции Японии.*

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

ней есть много слабых мест, а именно – казачьи атаманы (Дутов, Иванов-Ринов, Семенов и Калмыков), а также то, что значительное большинство офицеров и политиков, связанных с Омским правительством, являются монархистами и придерживаются реакционных убеждений. Следует иметь в виду, что именно колчаковского правительства атаманы Калмыков и Семенов убивали, пытали и грабили в Восточной Сибири и что именем колчаковского правительства такие, как Розанов и Анненков, совершали убийства в Западной Сибири. Конечно, есть ряд честных людей, связанных с Омским правительством, горстки людей, которые хотели бы строить свои отношения с народом на принципах, соответствующих нашим американским идеалам, но число этих людей безнадежно мало.

5. Самая значительная слабость Омского правительства состоит в том, что подавляющее большинство населения находится в оппозиции к нему. Грубо говоря, примерно 97% населения Сибири сегодня враждебно относится к Колчаку.

6. Подход реакционной группировки к ситуации, возникшей в период деятельности Омского правительства, характеризуется непримиримостью: все, кто находится в оппозиции, объявляются большевиками. Делая следующий шаг, эта группировка, ссылаясь на преступления, совершенные большевиками в России, заявляет, что все большевики должны быть физически уничтожены.

7. Русский крестьянин после того, как колчаковское правительство просуществовало год, наставляя своего сына, мобилизованного насильно в колчаковскую армию, говорит ему: наши деревни сожжены, наше добро разграблено, сбыт нашей продукции стал невозможен. У него перед глазами поезда, набитые битком женщинами, больными или ранеными солдатами, возвращающимися с фронта, скитающимися из города в город, беспомощными и неприкаянными.

8. Точно так же, как в прошлом, царское правительство довело массы до последней черты, что и породило большевизм со всеми его ужасами и иррациональными теориями, точно так же и сейчас колчаковское правительство способствует росту большевизма и вызывает озлобление масс по отношению к Омскому

правительству и союзным правительствам, которые его поддерживают. Год назад в Сибири большевизм переживал период спада, русские устали от войны, и, если бы в этот момент группа добропорядочных людей сумела бы дать людям твердое и справедливое правительство, большевизм в Сибири умер бы естественной смертью. Сегодня, я полагаю, большевиков в Сибири стало в десять раз больше, чем год назад.

9. Многие сведения о достоинствах колчаковского правительства, которыми питается мировое общественное мнение, исходят от английского правительства и в большинстве случаев поступают от генерала Нокса. Я видел некоторые донесения генерала Нокса и имею достоверную информацию о содержании других.

10. Многие люди могут быть удивлены, обнаружив, как сильно отличаются друг от друга доклады о положении в Сибири, исходящие от представителей Англии и США. Истинное же положение вещей состоит в следующем:

а) На генерала Нокса может быть возложена почти прямая ответственность за военный переворот, в результате которого адмирал Колчак пришел к власти. Многие люди в Сибири называют колчаковское правительство «правительством Нокса».

б) Такие люди, как м-р О'Рейли, исполняющий обязанности британского верховного комиссара, и полковник сэр Эдвард Гроган, он одно время был главой здешней британской миссии, освобождены от своих обязанностей и получили указание без промедления покинуть Сибирь, поскольку не разделяли взгляды Нокса.

в) Только после многих бесед с английскими офицерами, приезжающими с фронта, можно убедиться, что взгляды генерала Нокса не разделяются британскими офицерами среднего ранга, которые видят, что Омское правительство не является таким, каким его изображает генерал Нокс в своих докладах, предназначенных для британской публики. Один пример. Полковник Уикхем, в настоящее время он является главой британской военной миссии во Владивостоке, говоря об английской поддержке Колчака, сказал: «Я знаю, что мы играем гнусный спектакль. Английское правительство надеется использовать

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

колчаковское правительство с целью уничтожить большевизм, но это слишком слабый инструмент, чтобы на него можно было положиться».

г) Генерал Нокс является монархистом, и свои убеждения он выразил в разговоре с командующим американскими экспедиционными силами в Сибири следующим образом: «Русские – свиньи».

11. Это правда, что колчаковское правительство время от времени провозглашало демократические лозунги и демонстрировало в малых дозах демократические тенденции. Когда складывалось впечатление, что колчаковское правительство укрепляет свое положение, приходилось слышать следующее заявление: «Созыв Учредительного собрания невозможен, пока не утвердилось сильное правительство». Когда же наступал кризис, сразу же распространялись слухи, что Учредительное собрание в критические сроки будет созвано. Все это привело к тому, что средний русский, настроенный демократически, не доверяет заверениям Омского правительства о его верности демократии.

12. Омское правительство сформировано из многих и различных по своему характеру групп или клик. В него входят офицеры прояпонской ориентации, прогермански настроенные военные, группа казачьих предводителей, монархическая группа и так далее. Некоторые же военные, конечно же, могут быть отнесены сразу к нескольким из вышеназванных групп.

13. Прогерманская группа очень быстро растет как во Владивостоке, так и в Омске; состоялась секретная встреча монархической группы, на которой обсуждался вопрос о союзе с Германией. Во Владивостоке существует группа прогермански настроенных военных, эти военные и монархисты часто организуют свои совместные встречи. Генерал Розанов, губернатор Приморья, принадлежит к монархистам. Мы имеем сведения, что японцы бывают представлены на этих встречах.

14. Противоречивые интересы этих различных клик составляют самую большую слабость Омского правительства. Пример с генералом Розановым является показателем слабости Омского правительства:

а) До того как генерал Розанов получил свое назначение во Владивосток, он был хорошо известен как монархист и убийца. Своей славой он был обязан умиротворению Красноярской губернии. Он умиротворил губернию тем же способом, как это делаем мы, когда стремимся добиться прекращения стачки в угледобывающих районах в Америке: путем задействования регулярных войск, которые стреляют в бастующих рабочих и сжигают деревни.

б) Розанов, как только прибыл во Владивосток, немедленно пошел на установление сотрудничества с японцами, стал применять методы террора и сознательно конфликтовать с некоторыми из союзников, в особенности с американцами. После инцидента на станции Иман, во время которого американский солдат был высечен розгами казачьими офицерами, командующий американскими войсками генерал Грэйвс направил Розанову письмо с требованием провести расследование и принести извинения. Несмотря на то, что русский представитель в Вашингтоне, а позднее и министр иностранных дел Омского правительства принесли извинения, генерал Розанов даже не ответил на письмо генерала Грейвса.

в) Когда случился инцидент в Имане, майор Слоутер сделал представление министру иностранных дел Омского правительства Сукину. Последний никак не ответил на это, но, когда наш Государственный департамент сделал ему представление и он осознал, что колчаковское правительство может лишиться поддержки Америки, он немедленно осудил инцидент в Имане как недопустимое явление, принес извинения и заявил, что он никогда о нем не слышал.

15. Я хорошо понимаю, что многие сведения, поступающие в США от американцев, находящихся здесь, в России, могут быть очень доброжелательными по отношению к Омскому правительству. Я хотел бы в связи с этим честно высказать свое мнение о том, как некоторые американцы становятся оптимистично настроенными к Омскому правительству. Русские, с которыми мы здесь имеем социальные и официальные контакты, принадлежат к тому небольшому проценту, который поддерживает Омское правительство. Некоторые из наших представителей про-

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

вели многие годы в России, и их друзья целиком принадлежат к интеллигенции. Все разговоры на обедах и в собраниях (многие из них я посетил) вращаются вокруг свирепости большевиков и добропорядочности Омского правительства. Нашим представителям часто демонстрируют трупы русских, убитых, как говорят, большевиками. После частых бесед с русскими этого рода очень легко изменить свои взгляды с недружественных по отношению к большевикам на дружественные по отношению к тем, кто является их противниками, особенно если учесть, что русские очень гостеприимные люди и очень приятны в общении.

16. Если представитель США ограничивается информацией, поступающей из русского штаба (речь идет о штабе Колчака. – *В.М.*) и содержащейся в заявлениях его друзей среди русских чиновников, он вскоре начинает искренне думать, что Омское правительство следует поддерживать потому только, что оно является антибольшевистским правительством.

17. Русские чиновники жалуются, что командующий американскими экспедиционными силами в Сибири отказывается полагаться исключительно на информацию, поступающую из русского штаба, и выносит свои суждения о ситуации, черпая сведения из разных источников. Когда история в будущем даст нам возможность познакомиться с подлинными фактами о сибирской ситуации, я уверен, что число людских потерь, вызванных правлением омских чиновников в Омске и Екатеринбурге, и приходом большевиков в Казань и Уфу, сравняется. Во время последнего обеда генерал Семенов-Мерлин, первый заместитель генерала Розанова, улыбаясь, сказал мне: "Семенов (речь шла об атамане Семенове. – *В.М.*) оригинальным образом очищает свои тюрьмы, он как-то сразу казнил 370 заключенных с тем, чтобы освободить помещение для новых". Такое отношение к политическим заключенным будет иметь, по моему убеждению, фатальные последствия для любого правительства. Я не буду здесь упоминать снова о сотнях и тысячах случаев арестов и казней в связи с политическими убеждениями – об этом говорилось в представленных ранее докладах.

18. В заключение я со всей уверенностью заявляю, что Омское правительство ведет борьбу против демократии. Прави-

тельство в России, которое хочет успешно противостоять большевизму, должно добиться того, чтобы большой процент населения Сибири разорвал с идеей Советов. Как мне представляется, для колчаковского правительства в его нынешнем виде нет иной перспективы, кроме одной – своей деятельностью оно только способно увеличить число сторонников большевиков.

*Р.Л.Эйхельбергер
Подполковник
Военная разведка, США⁹*

Легко представить себе, какие горы документов хранятся в архивах разведки США. Лишь малая их часть сегодня доступна исследователям. Впрочем, можно вообразить, о чем там шла речь и что приходилось читать хозяевам высоких кабинетов в Белом доме, военном ведомстве и Госдепартаменте США. Бесспорно вместе с тем, что Эйхельбергер, также как и его коллеги по разведке, оказавшиеся в России в годы гражданской войны, и их прямой начальник генерал Грейвс, утверждавший доклады подчиненных, отсылаемые в Вашингтон, были правы в главном. Вторжение в Сибирь обернулось испытанием для американской дипломатии, которое она провалила. Будучи свидетелями событий и находясь в самой их гуще, они оказались правы еще раз, когда признали, что большевизм не был всего лишь само-

---

⁹ *Никак нельзя считать случайным совпадением, что русский генерал и патриот барон А.П.Будберг, оказавшись в это трагическое время в Сибири и на Дальнем Востоке, оценивал положение на этой огромной территории в том же пессимистическом духе и в том же бесповоротно безнадежном тоне, что и один из высших офицеров американских интервенционистских сил, военный разведчик Р.Л.Эйхельбергер. Вот отрывок из дневниковой записи Будберга от 22 декабря 1919 г., передающий атмосферу «бега» белого движения: «Распроцался с Владивостоком. Накануне отъезда узнал от Смирнова, что от разведки получены сведения, что так называемый комендант крепости полковник Томилко, "освобожденный" Розановым от выше указанной должности, собрал к себе командиров частей своей Амурской бригады и обсуждал с ними проект восстания с помощью красных партизан и установления какой-то новой государственной власти... Адмирал (А.В.Колчак. – В.М.) как будто бы уже сброшен со счетов, и все вращается вокруг имени Семенова, выдвигаемого в логические преемники носителя всей власти. Сие основывают на том, что в руках атамана реальная сила (в чем она заключается, знает только Аллах) и что за ним стоят японцы, а по мнению некоторых и другие союзники (от Нокса знаю, что это доподлинная ложь, сам Нокс не может хладнокровно слышать про Семенова, американцы относятся к нему не лучше). Цит по: [3, с.661].*

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

обманом сибирских крестьян и горожан, застигнутых непрерывной чередой несчастий и переживших их. Власть омских управителей и казачьих атаманов грабежами и издевательствами внесла свой вклад в большевизацию даже части традиционалистски настроенной массы населения. Науке еще предстоит разобраться, насколько поверхностным и непрочным был этот слой и какие превращения ему пришлось пережить на различных стадиях XX и XXI веков, непохожих друг на друга.

Весной и летом 1919 г. больной Вудро Вильсон пережил серьезный кризис в своей администрации, поглощенной дискуссией по вопросам мироустройства, связанным с Версальской конференцией и внутривластными разногласиями. Он сам вызвал скандал между своим советником полковником Э.Хаузом и госсекретарем Р.Лансингом. Поводом послужили десятки вопросов и среди них «русская дилемма» [14, р.149]. Первый настаивал на том, чтобы США отказались от интервенции в Советской России и установили с ней отношения *de facto*. Давно нареченный журналистами «кардиналом Мазарини», он полагал, что принцип самоопределения для многонациональной России, переживающей гражданскую войну, неприменим. Неукротимый искоренитель большевизма Роберт Лансинг возмущал президента избыточной реакционностью своих высказываний, лавированием между «непризнанием» и «невмешательством» [4, с.268; 6, с.295], ставящими политику Вильсона и ее идеолога в откровенно двусмысленное положение. Все разрешилось компромиссом, отставкой Лансинга в феврале 1920 г. и самоустранением больного Вильсона от дел. Осенью того же года, после появления известной ноты нового государственного секретаря Колби 10 августа 1920 г., а затем уже после проигранных демократами президентских выборов, завершился переход США к неизоляционистской стратегии в мировых делах.

Перед тем, как была окончательно перевернута эта страница в истории американской дипломатии, войска США были отозваны с Дальнего Востока к апрелю 1920 г.

Портовые постройки Владивостока и терминал Транс-Сибирской железной дороги служили базой для союзных сил в Сибири вплоть до 1920 г.

Лишь на острове Русский остался небольшой отряд американцев, а в порту Владивостока продолжал стоять американский крейсер «Сакраменто», снявшийся с якоря в заливе Петра Великого лишь 24 ноября 1922 г. и оставивший залив Петра Великого, предварительно взяв на борт застрявших соотечественников.

Библиографический список

1. Архив полковника Хауза [Дневники и переписка с президентом Вильсоном и др. политическими деятелями за период 1914–1917 гг.]. Т.IV. Конец войны. Июнь 1918–ноябрь 1919. Пер с англ. М.: Госполитиздат, 1944. 400 с.
2. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 373 с.
3. Ганин А.В. Семь «почему» российской гражданской войны. М.: Пятый Рим, 2018. 860 с.
4. Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.–Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. 504 с.

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

---

5. Doolen R.M. Michigan's Polar Bears: The American Expedition to North Russia, 1918–1919. Ann Arbor: University of Michigan, 1965. 28 p.
6. Foglesong D.C. America's Secret War Against Bolshevism: U.S. intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press, 1995. 386 p.
7. Graves W.C. America's Siberian Adventure. 1918–1920. N.Y.: J.Cape&H.Smith, 1991. 232 p.
8. Hoover Institution in War, Revolution and Peace (далее – HI). William S. Graves Papers. Box 1. Statement of the American Consul General Harris. August 6, 1918.
9. HI. William S. Graves Papers. Box 1. Graves to Adjutant of the Army. Washington, D.C. October 1, 1918.
10. Ibid., March 21, 1919.
11. HI. William S. Graves Papers. Box 1. C.A.Shamotulski, Commanding Officer to Commanding Officer U.S. Troops. July 27, 1919.
12. HI. William S. Graves Papers. Box 1. Intelligent Officer (R.L.Eihelberger) to Director Military Intelligent Division. Washington. D.C. «The Kolchack Government» November 7, 1919.
13. Library of Congress, Manuscript Division. George Kennan Papers. Box 4. R.Lancing to Kennan. 29 May, 1918.
14. MacMillan M. Paris 1919. Six Months That Changed the World. N.Y.: Random House Trade Paperbacks, 2003. 570 p.
15. Mudd Manuscript Library, Princeton University. R. Lancing Papers. Box 5. Lancing to Charles W. Valentine. January 22, 1920.
16. Ibid. D.C. Poole to Undersecretary of State. March, 1920. «Memorandum on the Bolshevist or Communist Party in Russia».
17. National Archives and Records Service (United States). Records of the Department of State Relating to Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910–1929. Microfilms. M–316. E.L. Harris to R. Lansing. November 1, 1918.
18. Unterberger B.M. The United States Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989. 463 p.

Древняя борьба романо-германского и славянского мира возобновилась, перешла из области слова и теории в область фактов и исторических событий.

Н.Я.Данилевский

Хуже, чем воевать вместе с союзниками, может быть только одно: воевать без союзников.

Уинстон Черчилль

Владимир Дегоев, Ирина Стамова

РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРЕДТЕЧА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

ЧАСТЬ II РОССИЯ И САКСОНИЯ- ПОЛЬША¹

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
94(47).08:35

В предстоявшей Северной войне Польша являлась самым парадоксальным и нелогичным союзником России. Отношения между ними развели глубочайшие исторические противоречия, которые с течением времени лишь усугублялись. В настоящей статье проводится мысль о том, что в факторах, способствовавших заключению русско-польского союза, изначально были заложены элементы той эволюции, которая приведет к его распаду задолго до Ништадтского конгресса. Это лишний раз доказывает хрупкость и неэффективность Северного альянса, поставившего Россию перед необходимостью вести долгую и изматывающую войну со Швецией по сути в одиночку, нося все ее непомерные тяготы на своих плечах.

Saxony-Poland was most strange Russia's ally in the Great Northern War. Russo-Polish tensions deeply rooted in history made it hard to imagine the possibility of their cooperation against Sweden. Nevertheless by 1700 they found themselves united in anti-Swedish coalition. The authors of the article assert that the factors which contributed to the emergence of the alliance between Peter the Great and Augustus II were initially charged with destructive potential strong enough to undermine the Northern Alliance long before the Nystadt Congress of 1721.

Ключевые слова: Северная война 1700–1721 гг.; формирование русско-польско-саксонского альянса; Петр I; Август II, Иоганн Рейнгольд Паткуль; Георг фон Карлович.

Key words: The Great Northern War of 1700–1721; the formation of the Russian – Saxony-Poland Alliance; Peter the Great; Augustus II; Johann Patkyl; George von Karlovich.

E-mail: degas@list.ru

¹ Продолжение. Начало (Часть I: Россия и Дания) см.: 2019. №5. С.6.

Часть II Россия и Саксония-Польша

Амбиции Августа II

Русско-польские отношения в конце XVII века, как и прежде, обуславливались не только острыми историческими противоречиями, но и дуалистической природой государственной власти в Польше. По многим вопросам, в том числе внешней политики, король и Сейм расходились. Не совпадали как концептуальные взгляды, так и реальные интересы. Случались компромиссы, и тогда Речь Посполитая приостанавливала свое движение к геополитической катастрофе. Определенное влияние на соотношение сил оказывали такие факторы, как личность короля, его происхождение (иностранное или шляхетское), состав и «партийная» конъюнктура внутри Сейма, настроения клерикалов.

Петр с презрением относился к посланнику Сейма пану Яну Бокио² и так спешил от него избавиться, что при ближайшей возможности дал поляку отпускную аудиенцию. Произошла эта «церемония» 23 октября 1699 года на пиру у Лефорта настолько мимолетно, небрежно и в столь неподобающих декорациях (крохотная подсобка с кухонной посудой), что смутила даже ко всему привыкшее царское окружение [1, с.123–124].

Все дела Петр предпочитал вести с личным представителем Августа II генералом Георгом фон Карловичем, прибывшим в Москву 26 сентября 1699 года для того, чтобы предметнее продолжить разговор, состоявшийся между царем и польским королем в Раве [3, с.588–601]. Сказать точнее – расширить сферу политического партнерства между государями и сдвинуть в нем акценты. Ведь в Раве приоритетной для Августа II была задача сохранить поддержку царя в деле защиты короля от внутренних врагов, стремящихся к его низложению. Шведская тема звучала под сурдинку, скорее как приманка для Петра. Вероятно, Августу тогда хватило ума не углубляться в нее, ибо война на Балтике могла стать для него самоубийственной. Позже, под влиянием факторов, о

---

² *Отчасти, и лишь отчасти, виной тому – публичный инцидент, происшедший между Бокием и датским послом Гейнсом, после чего Петр не хотел видеть поляка в своем обществе. А когда шляхтич все же попал в это общество, у него были все причины об этом пожалеть [1, с.19–20, 110, 122].*

которых будет сказано ниже, король, видимо, склонился к идее о том, что успешная внешняя война укрепит его внутривластные и международные позиции. Но не без помощи России (и других балтийских стран). Отсюда огромное желание привлечь Петра к решению этой двукратной задачи.

Курфюрст Саксонии Август II

Август II, понимая, что тот разговор в Раве собеседников ни к чему не обязывал, теперь – через Карловича – призывал Петра к полноценному военному союзу против Швеции. Оформление этого союза, как очень проницательно заметил Н.Н.Молчанов, происходило в условиях, разительно отличавшихся от обстоятельств заключения обычных двусторонних альянсов. «Сложности, – писал историк, – начинались с вопроса о том, с кем, собственно, вступала в союз Россия. Дело в том, что Карлович представлял официально только саксонского курфюрста, который стал недавно польским королем. Однако это не означало, что в союз вступала Польша» [5, с.142–143].

Ситуация еще больше запутывалась разветвляющейся личной мотивацией Августа II, который поддавался чужим внушениям тем легче, чем хуже соизмерял искушение с реальностью. Король задался целью вернуть Лифляндию в состав Речи Посполитой. Такой подарок предполагалось преподнести шляхетскому Сейму, чтобы обрести его поддержку, парализовать оппозицию и создать условия для превращения Поль-

ши в наследственную монархию. В любом случае Август II рассчитывал сделать Лифляндию законным (ленным) владением саксонских курфюрстов независимо от того, будут они польскими королями или нет. И конечно, завоеванием шведской провинции Август II надеялся добыть себе лавры выдающегося полководца и поднять свой авторитет в Европе на небывалую высоту [2, с.119–120]. Этим безграничным фантазиям нетрудно было завладеть ограниченным умом.

Феномен Паткуля

Тщеславной душе и недалекому интеллекту редко удается устоять перед соблазнами, особенно когда они разжигаются незаурядными мастерами интриги. Именно таким искусителем стал для Августа II лифляндский дворянин Иоганн Рейнгольд Паткуль. Это была выдающаяся, в том числе в своей глубокой противоречивости, личность.

Не обязательно принимать оценку Н.Г.Устрялова, но знать ее не лишне: «Паткуль возвышался над толпою умом светлым и дальновидным, обширными по тогдашнему времени сведениями в науках политических и военных, увлекательным даром слова, бойким пером и пылким нравом. В самых недостатках его обнаруживалась редкая сила души: пылкость его доходила до исступления, до бешенства; оскорбленное самолюбие не знало границ мести; твердость характера соединялась с неумолимым жестокосердием; искусство не чуждалось коварства» [8, с.299]. Менее комплиментарный портрет Паткуля дает С.М.Соловьев [7, с.591–592].

Паткуль принадлежал к ливонской аристократии, пострадавшей от шведской «редукции»³. Внешне его деятельность выглядела (и в какой-

Иоганн Рейнгольд Паткуль

³ Возвращение шведской короне земель, ранее находившихся во владении дворянства.

то степени, вероятно, была) борьбой за восстановление утраченных привилегий, окрашенной в патриотические тона. На деле же Паткулю было тесно в рамках этой задачи. Ему нужен был космополитический простор международной жизни с ее переменчивыми альянсами, заговорами, войнами, шпионажем, дипломатическими торгами, разделами и переделами территорий.

Выход своей энергии, своим разносторонним дарованиям Паткуль искал везде, где придется. Вначале его интересы были ограничены внутришведской политикой. Он пытался добиться известности и влияния в качестве посредника между обиженным лифляндским рыцарством и королем Карлом XI.

Паткуль умел не только обзаводиться врагами, но и очаровывать власть имущих, играя на их слабостях и грезах. Его смелое прожектерство, основанное на умозрительных построениях и прекрасном знании человеческой психологии, возбуждало к нему интерес европейских правителей. Такой личности, как Август II, было просто суждено попасть в сети соблазнов лифляндского авантюриста.

В октябре 1698 года Паткуль тайно приехал в Варшаву и представил польскому королю обширный мемориал, который напоминал, с одной стороны, аналитический доклад, с другой, – военно-политический план коалиционной войны против Швеции.

Вот его основные положения.

- 1) Августу II необходимо обезопасить себя прочными союзами, прежде всего с Россией и Данией.
- 2) Договориться с царем будет нетрудно, он только и ищет повода к разрыву со Стокгольмом. Однако российские приобретения ни в коем случае не должны выходить за естественные, исторические границы по линии Нарва – Пейпус (Чудское озеро). При этом Нарву, как важный стратегический плацдарм, передавать России не следует. Не говоря уже об Эстляндии и Лифляндии. Отдать ей можно лишь Ингерманландию и Карелию, да и то при условии, что они приобретут статус свободных, самоуправляющихся территорий, фактически вне социально-сословной, административной и судебной систем России.
- 3) Царь должен первым начать войну не позже лета 1699 года, и лишь потом в нее вступит польский король.
- 4) Датский двор, который хитрее и дальновиднее Московского, требует более тонкого подхода. Нужно устроить так, чтобы он сам по-

просил о союзе и изложил свои условия. (Очевидно, что секретный оборонительный договор о взаимной помощи в случае войны, заключенный между Кристианом V и Августом II 24 марта 1698 года, Паткуль считал слишком расплывчатым и мало к чему обязывающим). Предлагаемый способ: немедленно послать в Копенгаген с какой-нибудь формальной миссией искусного дипломата, который в ходе переговоров заметил бы «невзначай», что польско-датское сближение вызывает у других держав (подразумевалась, конечно, Швеция) опасения, чреватые активными попытками противодействовать ему. Поэтому желательно было бы, чтобы Копенгаген конкретизировал свои интересы и ожидания, связанные с реализацией существующего секретного польско-датского соглашения от 24 марта 1698 года. Иными словами, не пора ли придать соглашению четкий наступательный характер? Момент более чем благоприятный, учитывая обострившиеся русско-шведские отношения.

5) Вступая в союзы с Россией и Данией, нужно застраховаться от перспективы их сепаратного выхода из войны.

6) Прежде чем польско-саксонские войска войдут в Лифляндию, необходимо подготовить политическую почву в виде законодательных документов, гарантирующих местной знати и городам восстановление всех их свобод и привилегий, отобранных шведами [8, с.305–309].

Видимо, вдохновленный благосклонной реакцией Августа на этот документ, Паткуль через несколько месяцев (7 апреля 1699 года) представляет второй мемориал, более подробный, более изощренный и более циничный.

По первым строкам мемориала никогда не угадаешь автора с авантюрным складом ума. Паткуль начинает с не бог весть какого оригинального, но все же дельного совета. Прежде чем начинать столь нешутливое дело, как война, нужно не допустить ошибок в расчетах, то есть знать не только собственные саксонско-польские ресурсы, но и вникнуть в интересы государств, «более или менее к тому делу (балтийскому вопросу. – *В.Д., И.С.*) прикосновенных», особенно тех, кого польско-русские и польско-шведские противоречия касаются непосредственно.

Паткуль прямо указывает на две ахиллесовы пяты Августа II: недостаточная прочность королевской власти и потенциальная угроза внешней изоляции. «Следовательно, прежде всего, надобно приобрести доверенность внутри и устроить дела извне так, чтобы одни кабинеты вовлечь в союз, а другие отстранить от всякого вмешательства» [8, с.309–310].

Теперь уже, ввиду обострения Гольштейн-Готторпской ситуации, альянс с Данией кажется Паткулю почти достигнутым. Остается отправить в Копенгаген делегацию, чтобы конкретно обсудить его условия.

Во втором мемориале, в отличие от первого, появляется курфюрст Бранденбургский Фридрих III. Он, оказывается, далеко не лишняя фигура в балтийском раскладе сил. Нужно с ним если не подружиться, то, по крайней мере, склонить к нейтралитету, без чего воевать со шведами очень рискованно. Бранденбургский двор хитер и проницателен – не чета простакам-москвитам. Интрига должна быть основательно подготовленной и замысловатой. Главное, еще больше растравить аппетиты Фридриха III, дать ему «разлакомиться» тайным желанием получить королевский титул и намекнуть, что лучшего помощника в этом деле, чем Август II, не сыскать. И когда курфюрст сам начнет хлопотать о союзе, удастся не только втянуть его в войну со Швецией, но и заставить вернуть Саксонии отнятые у нее Бранденбургом земли [8, с.310–311].

Затем Паткуль переходит к России. Русского царя, в отличие от Фридриха III, уговаривать не надо: он сам инициатор войны. Особое внимание на Московию следует обратить по другой причине. Даже если союзнические отношения с Данией и Бранденбургом будут установлены, на них нельзя положиться целиком. Непременна должна учитываться реальная перспектива их преждевременного выхода из войны. Москва в этом смысле самый надежный союзник, однако она не двинется с места до заключения мира с Портой. Он случится «еще не скоро», если не подстегнуть царя «к разрыву с Швецией и к скорейшему окончанию Турецких дел».

Поучая короля, как вести переговоры с Петром, Паткуль рекомендовал постоянно внушать царю, что именно от него исходила идея заключения союза против шведов, и тем самым прочно закрепить за Москвой статус просящей стороны. Это позволит диктовать условия военного взаимодействия и послевоенного раздела трофеев [8, с.311–313].

Паткуль повторяет высказанную еще в первом мемориале идею о недопустимости передачи России Нарвы, ибо после овладения этим «крепким пунктом» царь двинется на Ревель, Эстляндию и Лифляндию. Если Петр будет против, прибегнуть к международно-правовой практике и вынести проблему на коллективное рассмотрение (нечто вроде арбитражного суда) заинтересованных в балтийской торговле сторон – Англии, Голландии, Дании и Бранденбурга.

Исходя из того, что Данию, Бранденбург и Россию удастся вовлечь в войну со Швецией, Паткуль полагает важным включить в свой анализ возможную реакцию других держав.

Австрия, помня о «глубоких ранах» Тридцатилетней войны, никогда не сблизится со Стокгольмом. Но австрийского нейтралитета мало. Нужно склонить Императора как поручителя Оливского мира⁴, к принятию обязательства обеспечить дипломатическую защиту Саксонии от шведского нападения с немецких территорий, входящих в состав Священной Римской империи. Однако подготовку разрыва со Швецией, пока он не произойдет, надо умудриться сохранить втайне от Венского кабинета [8, с.313–314].

Теоретическую перспективу присоединения к Швеции Англии и Голландии, с точки зрения Паткуля, можно нейтрализовать, внушив им, что их торговля на Балтике не только не пострадает, но и прирастет, будучи избавленной от «всех преград», чинимых шведами, особенно в Лифляндии. Отстранившись от участия в балтийском споре, Лондон и Гаага получают взамен дружескую благодарность Августа II [8, с.314–315].

Особую осторожность Паткуль советовал проявлять по отношению к Франции, возможно потому, что тонко чувствовал изощренную и беспощадную суть ее внешнеполитической стратегии, ярчайшим образом продемонстрированной в эпоху Тридцатилетней войны. Против французского макиавеллизма Августу II следует действовать тем же оружием – делать вид, будто ищет дружбы с Парижем, но уклоняться от положительных обязательств. Лавирование и словесное обнадеживание – лучшая тактика в отношении обоих блоков в борьбе за испанское наследство. Лишние враги и завистники польскому королю незачем [8, с.315].

Принципиальную особенность второго мемориала представляет предупреждение Паткуля о том, что создание надежной антишведской коалиции – это лишь полдела. Самую главную опасность представляют острые противоречия между королевской (Август II) и шляхетской (Сейм) Польшей. Сейм подозревает короля в стремлении к установлению наследственной монархии и будет рассматривать завоевание Лифляндии как шаг на этом пути, как удавку для «Польской свободы». Этим не преминут воспользоваться шведы, сторонников которых среди поля-

⁴ Мир, заключенный в 1660 году в Оливе между Речью Посполитой и Швецией. Под этим документом стояла подпись Леопольда I в качестве гаранта соблюдения условий договора.

ков хватает. И другие государства, которым невыгодно территориальное расширение Польши.

Во избежание пагубного развития событий Паткуль замыслил хитроумную, почти шахматную комбинацию. Без всякого объявления войны захватить уязвимую в фортификационном плане столицу Лифляндии Ригу и поставить всех перед фактом. Но накануне выдать местным чиновникам и знати документы (патенты), гарантирующие их статус, собственность и привилегии. Затем провозгласить Лифляндию частью польской шляхетской республики, но не коронных владений. Обеспечить местной аристократии достойное представительство в Сейме, предварительно подкупив польских сенаторов.

Мемориал завершается выводом, который применительно к России необыкновенно красноречив своим беспредельным цинизмом. Паткуль убеждает Августа II в абсолютной недопустимости втягивания «в долгую и сомнительную войну», что подразумевало только одно: захватив Лифляндию, немедленно заключить со Швецией сепаратный мир и позволить ей сосредоточить все силы против союзников Августа, прежде всего России, интересы которой заслуживали лишь того, чтобы им противостоять [8, с.316–322].

В конце июля 1699 года Август II поручил Тайному совету под председательством своего помощника генерала Якоба Генриха фон Флемминга вынести окончательные решения по предложениям Паткуля. Эти предложения с некоторыми уточнениями были приняты.

Меры, одобренные Советом, предусматривали следующее:

- 1) Отправить в Москву генерала Карловича для заключения наступательного союза против Швеции с условием, что русские войска откроют военные действия в Ингерманландии и Карелии в конце декабря 1699 года. Включить в миссию под чужим именем Паткуля, чтобы руководить действиями царя и подогреть в нем воинственное настроение.
- 2) Датскому королю предоставить действовать против Швеции по своему усмотрению, но делать все, чтобы он не вышел из войны.
- 3) Незаметно подвести саксонские войска к пределам Лифляндии, разместить их в наиболее удобных местах для нападения на Ригу и ждать, когда Двина покроется льдом.
- 4) Соблюдая чрезвычайную осторожность, предложить союз Бранденбургскому курфюрсту, посулив ему часть Померании.

5) Вступить в тайные переговоры с кардиналом-примасом Михалом Радзиевским с тем, чтобы через него представить Сейму все выгоды завоевания Лифляндии и склонить шляхту к одобрению королевских планов.

6) Послать в европейские столицы (Вена, Лондон, Гаага, Кенигсберг) дипломатов настраивать соответствующие правительства в пользу Августа II [8, с.323–325].

Миссия Карловича

В поездке в Москву генерала Карловича сопровождал Паткуль. Во избежание подозрений он, под именем Киндлер, числился в составе двенадцати саксонских рудознатцев, нанятых на царскую службу. 5 октября Карлович вручил Петру документ, объединивший в себе идеи двух мемориалов Паткуля, разумеется, без откровений относительно России. Видимо, это были предложения, переведенные в практическую плоскость проекта наступательного договора против Швеции.

Карлович, ссылаясь на встречу в Раве-Русской, подчеркивал, что тогда Август II по внутривнутриполитическим причинам не смог откликнуться на призыв царя к войне. Теперь король готов к немедленному заключению альянса, считая, что русскому государю едва ли представится столь благоприятный случай «в продолжение многих веков». Излагая уже известные читателю доводы, Карлович разворачивает перед Петром перспективы получения «необъятных выгод» в виде цветущей международной торговли и «всемирной славы», которую принесет скорее участие «в общих делах Европы», чем покорение турок и татар.

Карлович не постеснялся заявить Петру, что «общее благо христианства», «христианский долг» и «спокойствие Европы» обязывают его потребовать от Швеции не больше того, «что весь свет признает принадлежащим ему по праву», чтобы «как соседние, так и дальние государства» не противодействовали его «справедливым притязаниям».

В пору задаться вопросами: а свои собственные завоевательные и узурпаторские планы относил Август II к категории «справедливых притязаний»? Если да, то на каком основании?

В заключение разговора Карлович подчеркнул: «Король очень огорчился бы, если бы настоящий превосходный случай миновал без пользы: от промедления благоприятные обстоятельства могут перемениться, и легко станет, что его королевское величество не в силах будет содей-

ствовать». «Главное условие в этом деле: теперь или никогда» [8, с.332–334. Ср.: 7, с.593].

Мы не знаем, о чем думал Петр, выслушивая Карловича. То небольшое, что историки имеют сообщить о реакции царя, сводится к констатации его согласия на союз и решения поручить Ф.А.Головину обсудить с посланником подробности договора на предмет его подписания. За пределами этого общеизвестного факта остаются сокровенные мысли Пете-

Петр I

ра, едва ли пропустившего мимо ушей «тонкие» намеки на необходимость соблюдать «справедливость» в русских требованиях к шведам. В свете последующих событий рискованно полагать: если кому-то из петровских современников показалось, будто простодушного царя обвели вокруг пальца, то он глубоко ошибся. Лишний раз это подтверждается тем фактом, что на призыв Августа II «теперь или никогда», брошенный устами Карловича, Петр ответил категорическим отказом воевать против Швеции, пока не будет подписан русско-турецкий мир [8, с.335].

Штаб Головина и штаб Карловича (выражаясь современным языком) принялись за работу по подготовке текста союзного договора. Длилась она пять недель. Тон и темп работе задавал Петр, в том числе на встречах с Карловичем, к которым царь привлекал Гейнса как представителя страны, с которой он почти заключил союз. Беседы Петра с датчанином примечательны одним очень важным обстоятельством. Когда Гейнс исподволь попытался поторопить царя с открытием военных действий

против Швеции, государь ответил, что, «пока тянется война с турком, не будет согласно дружбе советовать ему ввязываться в другое предприятие» [2, с.156]. Эта оговорка, как мы еще раз увидели, проходит лейтмотивом сквозь все рассуждения, которыми Петр делился с представителями предполагаемых союзников России.

Договор с Августом II был подписан 11 ноября 1699 года в селе Преображенское⁵. Состоял он из 13 статей и открывался заявлением о намерении сторон «имети войну обще против Короны Свейской за многие их неправды, обоим государствам нашим учиненные». Петр и Август обязались друг другу «правдиво вспомогати» ради общей «пользы и приращения».

Во второй статье говорилось, что откроет военные действия его королевское величество, памятуя о своем обещании помочь царю вернуть «твердое основание на Балтийском море», которым владели его «высокославные предки» в начале XVII века. Если для решения поставленных задач не хватит саксонских войск, то Москва предоставит русские силы, но поначалу не иначе как в виде наемников, нанятых польской короной. То есть без разрыва русско-шведских отношений.

Две статьи (5-я и 13-я) оговаривали главное условие вступления России в войну: заключение мира или длительного перемирия с Портой, к чему Петр обещал приложить все усилия. В противном случае царь брал на себя обязательство выступить посредником между Августом II и Карлом XII, чтобы «всякими мерами» защитить интересы польского короля. Если же Россия, по достижении мира с турками, объявит Швеции войну, то непременно станет условие: отказаться от всяких отдельных переговоров с неприятелем.

Условились привлечь к союзу Бранденбург, а также искать дипломатической поддержки у других государств, в частности Австрии и Голландии.

Статьи 10-я и 11-я обязывали стороны держать договор «в высочайшей тайности» и исполнять его «безо всякого лукавственного переворачивания, вредительного растолкования и расширения» [6, с.16–20; 8, с.341–342; 2, с.158–159].

Накануне возвращения Карловича в Польшу (в день отъезда Петра в Воронеж 19 февраля) царь в знак особого благоволения подарил ему свой миниатюрный портрет, усыпанный алмазами. И велел передать

---

⁵ Первоначальный проект договора см.: [8, с.521–523].

Августу II самые горячие слова любви и дружбы. Вместе с соответствующим посланием [1, с.232; 4, с.130–131].

Август II нуждался в более достоверной и подробной информации о планах царя, особенно теперь, когда рекомендации Паткуля открыли перед королем гораздо более сложную военно-политическую картину, чем она ему казалась. Важнейшим источником такой информации считался лифляндский изгой, не устававший добывать ее любыми способами. Но ничего принципиально нового Паткуль узнать не мог. Петр твердо стоял на своем: пока не будет подписан мир с турками, войну со шведами и начинать не будет ни при каких условиях.

В предстоявшей Северной войне Польша являлась самым парадоксальным союзником России. Отношения между ними разъедали глубочайшие исторические противоречия, которые с течением времени лишь усугублялись. Избрание саксонского курфюрста на польский престол ничего не изменило. Более того, к великодержавным аппетитам шляхетской элиты прибавились территориальные амбиции Августа II, в соответствии с которыми были разработаны большей частью тайные планы использования «простаков-москвитов» против Швеции. В данном случае оставляя в стороне степень «гениальности» этих замыслов, заметим, что в них изначально была заложена идея внезапного захвата Лифляндии, чтобы, поставив Стокгольм перед сверившимся фактом, заключить с ним сепаратный мирный договор.

Что будет происходить на русско-шведском фронте, ни Августа II, ни Речь Посполитую совершенно не интересовало. Впрочем, не совсем так. Если вдруг петровская «самодельная армия» не будет сразу же разбита в пух и прах и, паче чаяния, сохранит потенциал к сопротивлению, то нужно будет непременно озаботиться тем, чтобы приобретения России, если без этого нельзя будет обойтись, ни в коем случае не превышали ее потери времен Ливонской войны и Смутного времени при непременном условии, что Нарва останется вне ее границ.

Вот это и есть реальные последствия того знаменитого «сентиментального» свидания между Петром и Августом в 1697 году, которому историки зачастую придают едва ли не судьбоносное значение. На путь предательства польский король встал еще в Раве-Русской, а свернуть с него ему не дали вращавшиеся вокруг разномастные авантюристы и интриганы того времени. Да и сам он не слишком сторонился сомнительных методов политики. Хотя в ту сложную эпоху какие из них не были сомнительными?

(Окончание следует)

Библиографический список

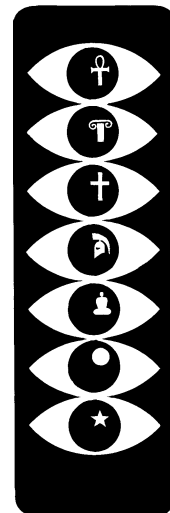
1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т.3. М., 1946. 502 с.
2. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т.4. М., 1948. 510 с.
3. Дегоев В.В. Внешняя политика Петра I. Т.1. Русское Великое посольство (1697–1698 гг.). М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2019. 616 с.
4. Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А.И.Малеина. – СПб.: А.С.Суворин, 1906. – XII. 322 с.
5. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Международные отношения, 1984. 440 с.
6. Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сб. документов. Т.1 (1700–1709 гг.) / Под ред. Л.Г.Бескровного и Г.А.Куманева. М., 2009. 528 с.
7. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. Т.14. М.: Изд-во «Мысль», 1991. 701 с.
8. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.3. СПб., 1858.

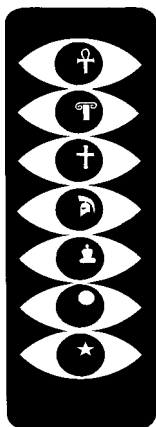
Что есть государство без правосудия?
Шайка разбойников, да и только.

Аврелий Августин

Хотя граница вообще неизбежна, всякая заданная граница может быть пересечена, любое ограждение отодвинуто, каждый барьер взорван, но каждый такой акт находит или создает новую границу.

Георг Зиммель

Наталья Черникова

**ВЫСШИЙ СУД
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ:
ЭВОЛЮЦИЯ
ГРАЖДАНСКОГО
ДЕПАРТАМЕНТА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОВЕТА**

УДК
94(47)"18":342.5

Государственный совет как высший законодательный орган Российской империи изначально не был предназначен для исполнения судебных функций. Однако созданная в начале царствования Александра I система высшего и центрального управления скоро потребовала корректировок, результатом чего и стало возложение на Совет (прежде всего – на Департамент гражданских и духовных дел) несвойственных ему функций. В статье рассмотрены особенности работы Совета как высшей судебной инстанции, попытки избавить его от этих занятий, влияние реформ второй половины XIX в., экономического и политического развития империи второй половины столетия на изменения в деятельности Гражданского департамента.

The State Council was the highest legislative authority of Russian Empire. And originally it wasn't designed to play a judicial role. But new administrative system created by Alexandre I required some adjustment already in their first years. So, the State Council (and, first and foremost, its Department of Civil and Religious Affairs) became the highest judicial body of the state. The article reveals features of work of the State Council as the highest court, attempt to relieve the Civil Department of functions that do not properly belong to it, the impact of the reform process, economic and social development of the latter half of the 19th century on the evolution of activities of the Civil Department.

Ключевые слова: система органов центрального управления, Государственный совет, судебные функции, реформы, бюрократия.

Key words: central government, State Council, judicial functions, reforms, bureaucracy.

E-mail: ncher@inbox.ru

Одним из первых преобразований взошедшего на престол в 1801 г. Александра I было учреждение Государственного совета – постоянного совещательного органа при императоре, состоявшего из заслуженных сановников. Для молодого монарха Совет был сосредоточием государственной мудрости, и на его обсуждение Александр Павлович выносил сложные, в том числе внешнеполитические, вопросы, опирался на его решения, даже если не разделял взглядов входивших в Совет сановников [32, с.82; 27, с.44–45]. Были среди рассматриваемых Советом дел и судебные. Среди исследователей истории Государственного совета с самого начала не существовало единого отношения к этому факту. Н.М.Коркунов, например, считал, что хотя «Совет был учрежден только для дел законодательных, но с самого начала его деятельности на рассмотрение его по особым Высочайшим повелениям вносились и дела судебные, а с 1804 г. они составляли даже главный предмет его занятий» [18, с.62–63], – несмотря на то, что в перечне дел, «подлежащих уважению Государственного совета» по Образованию 1810 г., они даже не упоминались [28, т.31, №24064, ст.29, с.7–8]. Представители другой точки зрения, такие, как В.Г.Щеглов, настаивали на случайном характере внесения в Совет, «по желанию государя, административных и судебных дел» и утверждали, что это не мешало ему оставаться «настоящим законодательным учреждением в русском управлении» и до реформы 1810 г. [37, с.19]. С течением времени, однако, деятельность Госсовета как высшей судебной инстанции только возрастала. Ее сосредоточением стал образованный в составе Государственного совета после его преобразования в 1810 г. Департамент гражданских и духовных дел или, как часто он фигурирует в официальных документах и личных материалах, Гражданский департамент.

Несмотря на намерение законодателя передать на его рассмотрения «дела юстиции, управления духовного и полиции» [28, т.31, №24064, ст.4, с.6], уже первый год работы Гражданского департамента показал, что большинство разрешенных им дел относилось к судебной сфере и в количественном отношении значительно превосходило те из них, которые касались ведения полиции, прав наследования, усыновления (удочерения), введения в дворянство и проч. [20, т.1, с.6–22]. В отчете за 1810 г. М.М.Сперанский вынужден был даже специально заметить, что Совет «учрежден не для разрешения судебных дел, но для того, чтобы власти законодательной, доселе рассеянной, дать первый вид, первое очертание правильности, постоянства, твердости и единообразия» [21, с.449, примеч.1]. Однако это замечание осталось втуне. В 1811 г. Общее

М.М.Сперанский

учреждение министерств не только возложило на Государственный совет рассмотрение всех проектов, касающихся введения нового или отмены прежнего закона (п.221), но и следствие «по донесениям, возбуждающим ответственность министров» (п.291–294) [28, т.31, №24686, с.703, 710]. В апреле 1813 г. с целью разгрузить Комитет министров из него в Государственный совет было передано рассмотрение рапортов и докладов Сената. «Дела сенатские, – заявлялось в высочайше утвержденном представлении, – принадлежат по существу своему до рассмотре-

ния Государственного совета Департамента гражданских и духовных дел, который занимаясь только сего рода делами, удобнее может войти в рассмотрение их и имеет на то более и времени и способов» [28, т.32, №25371, с.556].

Таким образом в Департаменте оказались сосредоточены все судебные дела, и уголовные, и гражданские, которые требовали высочайшей резолюции: от самой мелкой кражи, если она была совершена дворянином или польским шляхтичем, и до многотомных, годами и даже десятилетиями тянувшихся тяжёлых дел, переходивших в Совет из Сената [13, с.85]. На заседаниях сановники рассматривали дела о бродяжничестве, мошенничестве, растратах, подлогах, клятвopеступлениях, злоупотреблениях по службе, убийствах, разбоях на проезжей дороге, истязаниях, нанесении побоев и даже – вопиющий случай 1857 г. – откусившем жене нос бывшем студенте Петербургской медико-хирургической академии [20, т.7, с.147].

Полвека спустя Б.Н.Чичерин напишет, что уже в это время «Законодательное сословие, вследствие временных и случайных распоряжений, сделалось вместе верховным судилищем» [35, с.221]. На протяжении всего царствования Александра I Департамент гражданских и духовных дел был самым загруженным из департаментов Совета [27, с.321–322].

Безуспешные попытки сокращения судебных функций

Такое положение с самого начала рассматривалось современниками как не вполне нормальное, и попытки избавить Совет от решения не

присущих ему задач относятся еще к первой четверти XIX в. Успехи были мизерными. И хотя рассматривавший этот сюжет В.М.Голиков видит первый шаг к частичному сокращению судебных функций Совета уже в указе 25 января 1812 г. [12, с.92], с этим выводом вряд ли можно согласиться. Поводом к указу «О взносе в Государственный совет тех токмо уголовных и следственных по Грузии дел, которые будут относиться до коренных оной жителей» послужили дела служивших в Грузии русских чиновников: так как они не были туземцами, дела об их преступлениях должны были рассматриваться в Сенате. Исключение из этого порядка «природных» жителей Грузии, дела которых рассматривались Государственным советом, диктовалось региональной политикой – особым, осторожным отношением к новым подданным империи, «которым, по недавнему присоединению их к Российской державе, законы наши не могут еще быть известны совершенно» [28, т.32, № 24965, с.19]. Однако уже в 1819 г. общий порядок судопроизводства был распространен и на местных жителей, поскольку «грузинские присутственные места в продолжение времени нахождения того края под Российскую державою восприяли уже довольно образование» и исключение их из общего порядка уголовного судопроизводства оказалось излишним [28, т.36, №27783, с.157–158]. Речь в указе 1812 г., таким образом, шла не о сокращении судебной функции Совета, а о порядке судопроизводства на недавно присоединенных к империи землях. И вопрос стоял не в юридической, а в политической плоскости.

Более результативной была попытка самого Совета освободить себя от рассмотрения хотя бы формальных судебных дел. В июне 1821 г. ему удалось избавиться от дел о снятии знаков отличия с нижних воинских чинов. Дела эти проходили долгий пути от приговоров уголовных палат через губернаторов к министру юстиции, потом поступали в Сенат, затем в Государственный совет и наконец – на утверждение императора. Мнением Государственного совета эта цепочка была сокращена, и министр юстиции испрашивал высочайшего повеления по этим делам через Комитет министров [28, т.37, №28666, с.754–755].

Однако, несмотря на такие частные успехи, число рассматриваемых Государственным советом судебных дел быстро увеличивалось.

Вопрос о полном изъятии из ведения Совета всех поступавших из Сената дел был поднят Комитетом 6 декабря 1826 г., одной из задач которого был пересмотр положений о высших учреждениях. Идея заключалась в том, чтобы создать специальное учреждение для рассмотрения дел, не получивших должного числа голосов в Сенате [18, с.97–

Николай I

98]. Эта мысль была одобрена императором, но практической ее реализации не последовало [14, с.69]. Действительно, создание новой бюрократической структуры, которую надо было еще «вписать» в существующую систему, вряд ли могло существенно улучшить положение дел. Были и другие варианты решения проблемы: император мог согласиться на решение дел сенаторами простым большинством (как это и планировалось М.М.Сперанским) либо взять решение спорных вопросов на себя, отказавшись от возможности еще раз обсудить дело. Однако при наличии уже зарекомендовавшего себя порядка

рассмотрения спорных дел в Государственном совете все эти перемены представлялись излишними.

В результате в Учреждение Государственного совета, опубликованное в Своде законов 1833 г., был внесен пункт о передаче дел из Сената в Совет, если по ним не составится должного большинства или с решением Сената не согласится министр юстиции [33, кн.1, разд.1, ст.24, п.11, с.73], а еще два года спустя Государственный совет даже получил инструкцию «для точнейшего соображения многосложных и запутанных судебных дел» [29, т.9, №7619, с.235]. Речь шла о том, чтобы вносимые министром юстиции в Совет дела сопровождалось печатными записками, по которым дело докладывалось в Сенате, решениями и разногласиями Сената, причем записки доставлялись членам департамента или Общего собрания для предварительного ознакомления.

Возможность кардинально решить вопрос появилась, казалось, с проведением судебной реформы 1864 г., одним из принципов которой было отделение судебной власти от административной и законодательной. Дела, решенные в новых судебных установлениях, в Государственный совет уже не переносились [14, с.125]. Правда, освобождение Совета от такого рода судебных дел не было одномоментным, поскольку и сама реформа, как известно, носила постепенный характер. Первые судебные учреждения нового образца были открыты в 1866 г., тогда как

до окраин реформа дошла только во второй половине 1890-х [9, с.202–218].

Независимо от введения новых судов в 1869 г. Государственный совет предпринял еще одну попытку сократить свои судебные функции. Александр II пошел ему навстречу, и с 29 мая 1869 г. утвердил законопроект о прекращении перенесения в него из Сената тех судебных дел, которые были решены единогласно, не вызывали никаких сомнений и для которых Государственный совет был лишь формальной инстанцией. Отныне они подносились на высочайшее утверждение министром юстиции. К этой категории дел относились многочисленные дела о лишении прав состояния (потомственного или личного), утверждении в дворянстве, перемене фамилии, ходатайства Сената о смягчении наказания или помиловании подсудимого, а также об отмене или изменении уже состоявшихся решений Сената [29, т.44, №47150, с.543]. Конечно, если Сенат не мог прийти к единому мнению, такие дела продолжали поступать в Совет, но все же число их значительно уменьшилось.

Александр II

Год надежд: 1869-й

Мера привела к существенному сокращению проходивших через Департамент дел. До этих преобразований их число нередко доходило до 300 и даже 400 дел в год. В 1870 г. их оказалось всего 64. Как следствие, два отделения Департамента – Гражданских дел и Уголовных дел и герольдии – слились в одно. Правда, эти изменения в большей степени прочувствовали чиновники канцелярии [13, с.280], нежели члены Совета. На работе Департамента перемены почти не отразились, поскольку в него по-прежнему поступали наиболее сложные и запутанные дела, по которым в Сенате не было достигнуто единого мнения или не оказывалось узаконенного большинства (2/3) голосов, согласных с предложением министра юстиции, или такие,

по которым последовало высочайшее повеление об их пересмотре. Анализируя произошедшие изменения, составители отчета по Государственному совету за 1869 г. отмечали, что, несмотря на существенное сокращение судебных дел, проходивших через Государственный совет (с 326 в 1868 до 206 в 1869 г.), собственно занятость Департамента судебными делами сократилась незначительно, ибо исключены из его ведения были именно несложные дела, тогда как дела, вызывающие сомнения или возбуждающие сложные и трудные юридические вопросы, продолжали в него поступать [14, с.126].

И все же 1869 г. был временем максимальных надежд на скорое избавление Совета от несвойственных ему функций «как высшего совещания по делам судебным» [22, с.91]. Государственный секретарь Е.А.Перетц вспоминал в 1879 г., как за десятилетие до этого, в начале его службы в Государственной канцелярии, то есть как раз в 1869 г., ожидалось даже полное упразднение Гражданского департамента [5, л.42]. И это можно рассматривать как подтверждение того факта, что традиция в деятельности Государственного совета играла не меньшее, если не большее значение, чем буква закона. К 1869 г. Департамент гражданских и духовных дел настолько прочно ассоциировался с судебной инстанцией, что его первоначальное предназначение оказалось забыто. Несмотря на то, что в каждом издании Учреждения Государственного совета он неизменно указывался как сосредоточение «управления духовного», дела, касавшиеся духовного ведомства, вообще не были предметом его рассмотрения.

**Департамент духовных дел
без духовных дел**

По сложившейся традиции такого рода проекты восходили на высочайшее утверждение несколькими путями. Дела, касающиеся епархиального управления (в т.ч. упразднение, учреждение и переименование монастырей, викариатств, сохранение пенсий, уточнение прав священнослужителей в рамках церковного управления), представлялись на утверждение императора в виде докладов Синода или обер-прокурора и затем объявлялись Сенату. Вопросы, касавшиеся военного и морского духовенства (в т.ч. инославных исповеданий), находились в ведении соответственно военного и морского управления и решались по докладам глав этих ведомств или положениями Военного совета. Вопросы духовного управления территориями Кавказа и Закавказья решались положениями Кавказского комитета.

Наконец, в том случае, если касающиеся духовенства проекты носили характер общей законодательной меры, они проходили через Государственный совет, но рассматривались в Департаменте законов, а предоставление прав и привилегий или, если речь шла о финансовой составляющей вопроса (например, о жаловании причту), – в Департаменте экономии. Так, в 1868 г. было решено 39 дел, касавшихся православного (как белого, так и монашескую) и инославного духовенства. Из них в 20 случаях (то есть немногим более половины) были утверждены решения Синода, в 6 – Военного совета и в 2 – Кавказского комитета. Дважды (по разу) император утвердил доклады военного и морского министров. Государственным советом было рассмотрено 9 проектов, причем 5 из них прошли обсуждение в Департаменте законов, 3 – в Департаменте государственной экономии и один – в Соединенных департаментах Законов и Экономии [подсчитано по: 29, т.43; 20, т.7. с.131–241]. Департамент гражданских и духовных дел в их рассмотрении вообще не участвовал.

Ситуация не изменилась и после частичного освобождения Гражданского департамента от судебных функций. Вопросы духовного управления в Департамент по-прежнему не поступали, а если он в какой-то степени и привлекался к рассмотрению проектов, касавшихся духовного сословия, то только тех из них, которые относились к сфере сословного или гражданского права. В 1875 г., например, им (вместе с Департаментом законов и под его эгидой) был рассмотрен проект о правах состояния вдов священнослужителей и церковных причетников православного и армяно-григорианского исповеданий [29, т.50, №55142, с.302–303]. Из рассмотренных Департаментом в 1875 году это был единственный проект, хотя бы опосредованно касавшийся духовного ведомства.

В последующие годы рассмотрение такого рода проектов оставалось скорее эпизодическим, нежели систематическим. И за «пустыми» годами, когда дела, касающиеся религиозной сферы, вообще решались помимо Департамента гражданских и духовных дел, следовали годы, когда таких дел было одно–два. Так, после «пустых» 1883 и 1884 годов Департамент в 1885 г. рассмотрел дело об отмене десятинных сборов в пользу православного и римско-католического духовенства в девяти западных губерниях [30, т.5, №3022, с.271], а в 1886 г. – дела о мерах к обеспечению православных церквей, причтов и школ прибалтийских губерний соответственными помещениями и об отводе земельных участков под православные кладбища [30, т.6, №3506, 3507, с.50].

Особенности Государственного совета как судебной инстанции

После 1869 г., занятость Департамента судебными делами по сравнению с предыдущим периодом была незначительной, но ее дальнейшее сокращение шло довольно медленно.

Так что вопрос о прекращении перехода судебных дел в Государственный совет продолжал оставаться на повестке дня и в 1880-е годы [31, т.1, с.39, 235, записи 4 февраля 1883 г., 9 июня 1884 г.].

Главный аргумент сторонников этой перемены сводился к тому, что Государственный совет вообще не приспособлен для исполнения судебных функций, так как по основной мысли своего Учреждения он должен ведать законодательными делами. Долгие обсуждения запутанных судебных дел с этой точки зрения рассматривались как «преступная трата времени и сил для высшего законодательного учреждения» [31, т.1, с.40, запись 7 февраля 1883 г.].

Кроме того, рассмотрение судебных дел в Совете имело свои особенности. Устройство Совета, порядок его делопроизводства делали невозможным рассмотрение дела при участии сторон, что по судебным установлениям было весьма существенным для правильного разрешения спорных гражданских дел [24, с.40]. В результате Гражданский департамент, да и Государственный совет в целом, не всегда оставался на высоте юридической беспристрастности, часто не поддерживал мнения большинства сенаторов. «Разбирали все заседание судебное дело, по которому перенесено оно из Сената в Совет. Решили против юристов», – записал об одном из таких дел морской министр И.А.Шестаков [36, с.93, запись 7 февраля 1883 г.].

Это проявилось, например, в широко известном деле о преступлении по должности минского губернатора (в 1869–1875 гг.) В.Н.Токарева.

Дело Токарева

Первоначальным виновником сложившейся ситуации стал управляющий государственными имуществами Минской губернии В.Д.Севастьянов. На запрос, приняты ли в

казенное ведомство земельные угодья, которые планировал купить Токарев, Севастьянов ответил положительно. Между тем с 1828 г. земли находились в пользовании мещан местечка Лагишина Пинского уезда Минской губернии. Началась люстрация (подробное описание этой земли), летом 1870 г. был образован казенный участок, и осенью Тока-

рев подал ходатайство о его приобретении. Люстрационный акт был утвержден весной 1872 г., а 22 февраля 1874 г. участок был продан Токареву по льготной цене (14 тыс. руб.) «за заслуги». 14 марта он был введен во владение. Все это время мещане Лагишина пытались восстановить свои права, но их жалобы (более 30) попадали к губернатору Токареву и оставались без ответа. Между тем мещане продолжали пользоваться землей (угодьями и пашней) и, в частности, в 1874 г. сжали и вывезли треть озимого хлеба, а летом продолжали пасти здесь скот.

На этом этапе конфликт перешел в открытую фазу. Начались иски о восстановлении нарушенного владения Токарева, взыскании с некоторых мещан штрафов, была даже вызвана воинская команда Пинска, но сделать ничего не смогла, поскольку защитников земли оказалось больше 100 человек, среди них были женщины и дети, и после сделанного командой выстрела все они опустились на колени, говоря, что лягут мертвыми, но со своей земли не уйдут. Ответом Токарева стала административная высылка зачинщиков сопротивления и донесение о беспорядках в министерство внутренних дел. Министр А.Е.Тимашев поручил разобраться в деле члену своего Совета генерал-лейтенанту А.Г.Лашкареву.

Осенью 1874 г. Лашкарев прибыл в Минск и с воинской командой отправился на место конфликта. Вперед он послал минского уездного исправника Э.Х.Капгера, который должен был уговорить мещан, но, по свидетельству потерпевших, сразу приказал готовить розги. В результате на встречу Лашкареву были высланы депутаты, заявившие, что согласны все вернуть хлебом или деньгами. Лашкаревым с мещан была взыскана произвольно определенная им самим сумма (5474 р.), при этом местечко было оцеплено, и жители вынуждены были занимать у местных евреев деньги под невиданные проценты – по 1,5 или даже по 3% в неделю (!); 5 человек, призывавшие к сопротивлению, были подвергнуты телесному наказанию розгами [3, д.343, л.147–186]. Но и этим дело не закончилось, и мещане были привлечены к суду за сопротивление. Однако следствие обнаружило массу неправильных действий должностных лиц, и главным обвиняемым стал сам Токарев, как губернатор, не отвечавший на жалобы и использовавший подчиненных лиц для восстановления своих владельческих прав.

Дело сначала рассматривалось в 1-м департаменте Сената, Токареву был объявлен выговор, а само дело, как беспрецедентное, передано на рассмотрение Комитета министров. Его решением в декабре 1878 г. было начато следствие, в результате которого 4 человека (Токарев,

Лашкарев, Капгер, Севастьянов) были преданы суду 5-го департамента Сената, заседания которого начались 26 ноября 1881 г. Первоначальный приговор был принят единогласно и оказался довольно суровым: Токарева и Лашкарева предполагалось исключить из службы, Севастьянова – удалить от должности, Капгера подвергнуть тюремному заключению на 6 месяцев и, кроме того, взыскать с Токарева, а в случае его несостоятельности с Лашкарева незаконно изъятые у мещан 5474 р. [3, д.343, л.146, 146 об., 187–191].

Проект приговора был направлен на соглашение к министру внутренних дел, который предложил смягчить наказание: Токарева отрезать от должности, а для Лашкарева ограничиться выговором. Разногласие поступило в Общее собрание Сената, где мнения еще более раздробились, но в большинстве оказались сторонники более сурового наказания: 8 сенаторов поддержали 5-й департамент, 6 предложили поступить еще жестче – лишить Токарева всех прав и преимуществ и сослать в Сибирь, а Лашкарева подвергнуть заключению в крепости на 8 месяцев. Только 7 сенаторов поддержали министра и высказались за смягчение приговора в отношении Лашкарева: четверо предлагали отрезать его от должности, а трое – ограничиться выговором. Министр юстиции, на заключение которого поступило это разногласие, встал на точку зрения 5-го департамента. Но, поскольку к этому времени уже вышел коронационный манифест Александра III (15 мая 1883 г.), щедро рассыпавший милости разным категориям преступников, в заключении министра было отмечено, что наказание Капгеру должно быть сокращено на треть, а дело в отношении Севастьянова вообще прекращено [3, д.343, л.191–194 об.].

В таком виде разногласие по проекту приговора поступило в Гражданский департамент Государственного совета, и здесь вопрос принял несколько иное направление. По причине ли знакомства с делом только из бумаг, без заслушивания сторон, или благодаря привычке смотреть на любое дело как можно более широко, с учетом не только юридических, но и политических его аспектов, но при рассмотрении дела Токарева большинство членов Департамента склонно было смягчить наказание если не ему самому, то остальным фигурантам дела. В какой-то мере это произошло вопреки позиции императора, накануне Общего собрания заметившего председателю Совета вел. князю Михаилу Николаевичу, «что в этом деле были большие злоупотребления и что их следует наказать» [31, т.1, с.279, запись 21 января 1885 г.].

Гражданский департамент согласился с наиболее мягкими предложениями сенаторов. Токарева решено было исключить из службы без права вступать в нее снова, а также участвовать в выборах и быть избираемым в должности по назначению от городов, дворянства и селений, Лашкарева – отрешить от должности, но по Манифесту 15 мая 1883 г. – восстановить, Капгера – заключить в тюрьму на 4 месяца (по тому же Манифесту шестимесячный срок был сокращен на одну треть), а дело против Севастьянова вообще прекратить [3, д.343, л.195–196]. Общее собрание пошло еще дальше. Попытка А.Е.Перетца настоять на необходимости восстановить обвинения против Севастьянова успеха не имела, в отличие от стараний министра юстиции Д.Н.Набокова «выгородить исправника Капгера» [36, с.222, запись 2 февраля (нов. ст.) 1885 г.]. К.П.Победоносцев «с обычным неюридическим смыслом» [6, л.17, запись 2 февраля [нов. ст.] 1885 г.] заявил, что «виновны прежние порядки и люди, отвечающие теперь за свои прегрешения перед престолом Божьим» [31, т.1, с.280, запись 21 января 1885 г.]. Колебания при определении окончательного наказания были столь велики, что управляющий морским министерством И.А.Шестаков, бывший в 1868–1869 гг. виленским губернатором, даже опасался, что стремление облегчить участь подсудимых дойдет и до Токарева и специально взял слово, чтобы противодействовать их «безнаказанности». Опираясь на опыт своей службы в Западном крае, он утверждал, что «в то время нельзя было винить низших, но губернатора всегда винить должно, как имевшего все средства не только не допустить насилловать свою совесть, но помешать и высшей власти в деле незаконном» [36, с. 222, запись 2 февраля (нов. ст.) 1885 г.]. В результате неизменным осталось только решение 5-го департамента Сената о Токареве. Капгер, как и Лашкарев, был освобожден от наказания на основании Манифеста 15 мая [3, д.343, л.210–211 об.].

Дело Токарева можно рассматривать как пример разных, временами даже диаметрально противоположных подходов Сената и Государственного совета к решению дел о служебных преступлениях. Там, где сенаторы действовали на точном основании закона, члены Совета стремились найти объяснения незаконным поступкам и склонны были в гораздо большей степени принимать во внимание официальное положение подсудимых, сложившуюся (в том месте и в то время) практику деятельности разных лиц, отношения между фигурантами дела и проч. Принципиальная разница их окончательных решений лишь отражала различие этих подходов.

Долгие странствия судебных дел

Выяснение существовавшей на месте ситуации и вытекающих из нее последствий того или иного решения было обязательным шагом для Совета. Рассматривая дело, Департамент

не ограничивался доставленными из Сената материалами и, не имея возможности заслушивать стороны, пользовался своим правом вызова экспертов.

В 1882 г. Государственному совету пришлось участвовать в разрешении затянувшегося на несколько лет спора Уральского войскового хозяйственного правления с жившим в Кирсановской станице и занимавшимся разведением овец крестьянином Шарковым. Как лицо «невойскового сословия», Шарков имел право пользоваться пастбищными угодьями Уральского казачьего войска с промышленной целью только по специальному разрешению. В июне 1876 г. его предупредили, что за «довольствие скота» без разрешения он должен внести двойную плату за истекшую зиму и, «по недостатку места» на прежнем пастбище, избрать «для довольствия своих баранов» место в других станицах. Шарков оспорил оба постановления, настаивая на том, что штраф может налагать только суд, а удаление скота за 200 верст от его места жительства его разорит [3, д.320, л.3–4, 8].

Дело тянулось с 1876 г. Первый департамент Сената, куда Шарков подал жалобу после безуспешного ходатайства перед Войсковым хозяйственным правлением, признал ее безосновательной во всем, кроме требования взыскания штрафа через суд. С этим не согласился Военный совет, дело попало в Общее собрание Сената, а оттуда, с тем же разногласием, уже в феврале 1882 г. – в Государственный совет [3, д.320, л.4–10 об.].

В качестве эксперта на заседание Соединенных департаментов Гражданского и Законов был приглашен бывший начальник Главного управления казачьих войск, который объяснил, что при громадности войсковых земель и постоянном переходе гуртов скота с места на место определение действительных убытков, причиненных Шарковым, и возмещение их по суду крайне затруднительно. Кроме того, войсковые постановления о размере денежного взыскания за потраву для суда не обязательны, и потому решение дела через суд могло повлечь безответственность виновных и негативно отразиться на одном из главных источников войскового дохода [3, д.320, л.11 об. – 12 об.].

Правда, эксперт тут же оговорился, что все им сказанное имело значение только до закона 24 марта 1881 г., установившего наказания, которые должны налагаться мировыми судьями за нарушение пользования рыбными ловами, пастбищами и другими угодьями Уральского казачьего войска и нанесенный его общественному хозяйству вред [30, т.1, №46, с.21]. Таким образом, ко времени рассмотрения дела Шаркова Департаментами оно утратило для военного ведомства свое значение. После такого заключения Департаментам оставалось только согласиться с большинством сенаторов, настаивавших на взыскании штрафа через суд [3, д.320, л.12 об. – 14].

Дело Шаркова было не единственным, потерявшим смысл ко времени его рассмотрения Государственным советом. Странствия судебных дел по различным инстанциям, прежде чем они попадали в Гражданский департамент, нередко продолжались несколько лет. Между тем жизнь шла вперед, и некогда требующее настоятельного разрешения дело превращалось в предмет чисто теоретических, уже никак не связанных с практикой рассуждений.

Именно это произошло с делом о производстве выборов на должность предводителя дворянства Ананьевского уезда Херсонской губернии. Сами выборы проходили 24 октября 1880 г. Из трех кандидатов большинство – 29 голосов из 35 – получил штаб-ротмистр Иван Любинский. Однако уже после окончания баллотировки по его кандидатуре в зал вошли дворяне, имевшие четыре голоса, так что за его соперников голосовало уже не 35, а 39 человек. Тем не менее никто из них не составил Любинскому конкуренцию. По закону список избранных кандидатов представлялся губернскому предводителю дворянства. При этом один из участвовавших в баллотировке дворян потребовал, «чтобы избранные за уездным столом кандидаты были перебаллотированы за губернским столом». Губернское собрание согласилось с этим требованием, но все три кандидата Ананьевского уезда перебаллотироваться отказались. Так что губернскому собранию были предложены для выборов те дворяне, которые в уезде даже не вошли в число кандидатов (т.е. получили более черных, чем белых, шаров). Результаты этих выборов были утверждены губернатором, и предводителем дворянства Ананьевского уезда стал поручик Гижицкий. После этого несколько уездных дворян обратились с жалобой в Сенат на неправильность губернских выборов, поскольку губернское собрание могло выбирать только среди тех дворян, которые уже были поддержаны уездом. Дело рассматривалось в 1-м департаменте Сената, который принял во внима-

ние, что Любинский выиграл бы выборы даже в том случае, если бы четыре присоединившиеся потом голоса оказались против его кандидатуры, и постановил отменить результаты губернских выборов и восстановить «силу выборов за уездным столом». Соответствующий указ был датирован 4 марта 1882 г. [3, д.347, л.224 об. – 228 об.].

Однако херсонский губернский предводитель Иван Курис, в свою очередь, подал жалобу на определение Сената, аргументируя тем, что оно нарушает право губернского дворянского собрания «судить авторитетом 2/3 голосов действия и побуждения дворян одного какого-либо уезда», и просил Сенат отменить свое определение. Просьба рассматривалась в Общем собрании Сената, мнения в котором разделились: 8 сенаторов поддержали уездных дворян, а 14 и товарищ министра юстиции признали «не подлежащими утверждению» и уездные, и губернские выборы. В таком виде в марте 1885 г. дело поступило в Государственный совет [3, д.347, л.228 об. – 229 об.] и рассматривалось в Соединенных департаментах: гражданском и законов. При этом члены Департаментов, сойдя с юридической на практическую почву, заметили, что, как видно из дела, после получения на месте указа 1-го департамента Сената от 4 марта 1882 г. Иван Любинский приступил к исполнению служебных обязанностей уездного предводителя дворянства с 18 апреля 1882 г., а после окончания срока выборов 1880 г., 25 октября 1883 г., был избран уездным предводителем на новое трехлетие. В связи с этим, заключали они, решение этого вопроса лишается всякого практического значения и жалоба Куриса не требует разрешения [3, д.347, л.230–232].

Все эти особенности функционирования Государственного совета как судебной инстанции вызывали немало нареканий. И на протяжении второй половины XIX в., как и в более ранний период, неоднократно поднимался вопрос о полном освобождении Совета (и прежде всего Гражданского департамента) от судебных дел, «на изучение и правильное решение коих» Совет, словами государственного секретаря А.А.Половцова, не имел «ни надлежащих сил, ни достаточного времени» [31, т.1, с.377, запись 13 января 1886 г.].

Преступления по должности

Сделано этого не было, хотя шаги в этом направлении предпринимались. Так, в самом начале царствования Александра III упростилось рассмотрение дел о преступлениях по должности по административным ведомствам. До этого времени для преда-

ния суду лиц не выше 4 класса, а также губернских и уездных предводителей дворянства, председателей земских управ и городских голов требовалось постановление 1-го департамента Сената, решавшееся 2/3 голосов. В случае отсутствия такого большинства или несогласия с постановлением обер-прокурора дело переносилось в Общее собрание Сената, откуда могло поступать и в Государственный совет и, следовательно, утверждаться уже императором. Помимо медленности производства в этом случае возникало и то неудобство, что Высочайше утвержденное мнение Совета о предании суду должностного лица должно было заменять собой обвинительный акт. И как таковой, это высочайше утвержденное императором мнение должно было обсуждаться Кассационным департаментом или судебной палатой, и, более того, в любое время прокурор мог отказаться его поддерживать. Несоответствие той важности, которую имели постановления Государственного совета, такому положению дел было слишком явным, чтобы оставаться неизменным. И мнением Совета от 19 мая 1881 г. большинство в 2/3 голосов, требующееся для предания чиновника суду решением 1-го департамента Сената, было изменено на простое большинство [23, с.246–248; 30, т.1, №178, с.86].

Но если дела об ответственности губернаторов и других чинов среднего звена в Департамент время от времени поступали, то в вопросах ответственности высших чинов ситуация была не такой однозначной. Номинально Гражданский департамент был обязательной инстанцией для таких дел. Производство следствий над министрами и генерал-губернаторами «в случае обвинений, удостоенных предварительно высочайшего уважения», входило в компетенцию Совета, начиная с Учреждения 1842 г. (ст.23, п.18). После судебной реформы 1864 г. этот пункт несколько изменился. Согласно Учреждению издания 1886 г., теперь Совет рассматривал дела о преступлениях по должности чинов первых трех классов гражданских ведомств и преступления против службы военного и морского министров, главнокомандующих и пр. (ст. 23, п.18). Крушение императорского поезда у станции Борки Курско–Харьково–Азовской железной дороги 17 октября 1888 г. стало поводом для того, чтобы руководивший следствием об этом крушении сенатор А.Ф.Кони поднял вопрос о пересмотре до тех пор не вполне ясного и во многом спорного законодательства о привлечении к ответственности и предании суду министров [17, с.457].

Крушение у станции Борки

15 февраля 1889 г. «в видах разъяснения действующих законов об ответственности высших чинов» был издан именной указ, согласно которому донесения и жалобы на нарушение долга службы членами Государственного совета и руководителями ведомств представлялись императору, который принимал решение об их передаче в Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. При этом, согласно закону (п.2), в составе Департамента при обсуждении этих дел должно было быть не менее семи человек. Уже Департамент сообщал обвиняемым о существовании дела и доказательствах, требовал объяснений, а в случае надобности и принимал решение о предварительном следствии (оно возлагалось на одного из сенаторов Кассационных департаментов по назначению императора, а в качестве прокурора выступал министр юстиции). Постановление Департамента о прекращении дела, наложении взыскания без суда или привлечении к суду утверждалось императором, после чего, в случае решения о суде, дело передавалось в Верховный Уголовный суд. Высочайше утвержденным 11 июня 1891 г. мнением Госсовета этот порядок был распространен на генерал-губернаторов и главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Эти новшества потребовали согласования с существующими законами, в связи с чем,

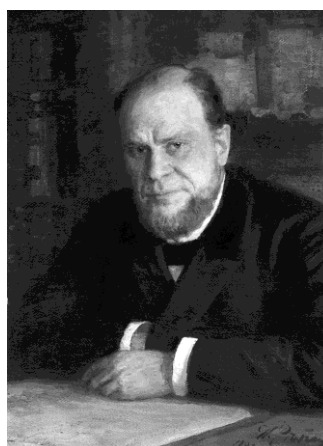
в частности, были внесены некоторые изменения в 3 главу Учреждения Госсювета [30, т.9, №5787, с.68–69; т.11, №7818, с.389–390; т.12, №8401, с.151–153].

Однако единственным случаем, когда Гражданский департамент действительно оказался востребованным именно как судебная инстанция для привлечения к ответственности высших чинов, осталось дело об ответственных за крушение императорского поезда в 1888 г. Дело рассматривалось весной 1889 г., касалось министра путей сообщения К.Н.Посьета и заведующего Главной инспекцией железных дорог К.Г.Шернвалья. Оба они сопровождали императора в этой поездке (причем во время крушения Шернваль был серьезно ранен) и обвинялись «в неисполнении служебных обязанностей» при сопровождении поезда [20, т.11, с.13]. Описывая ход рассмотрения дела в Департаменте, сопровождавшийся многочисленными «влияниями» и просьбами Посьета, его жены и их друзей, растущее колебание членов и, наконец, мизерный итог – выговор Посьету и Шернвалю даже без внесения его в формуляр, – А.Ф.Кони восклицал: «Гора, обещавшая родить Верховный суд, родила даже не мышь, а мышонка. Этот результат был поистине возмутителен!» [17, с.481]. Изумил он и императора, посчитавшего, что в таком случае и остальные виновные не должны быть осуждены и дело надо прекратить [17, с.485].

Таким образом, попытка подчинить высших сановников общему порядку так и осталась на бумаге. В конце XIX в., и до, и после закона 15 февраля 1889 г., «проштрафившиеся» сановники по-прежнему наказывались «патриархальными» методами: отправлялись в отпуски, в от-

К.Н.Посьет

И.Репин. Портрет А.Ф.Кони. 1898

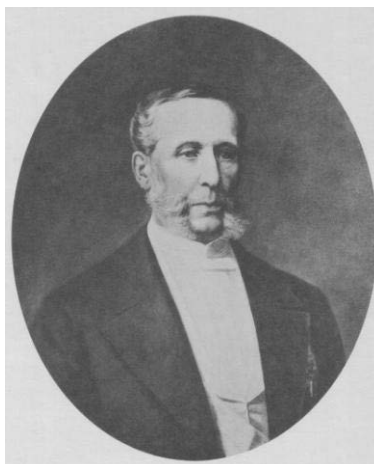
ставку властью императора, без судебного разбирательства или с разбором обстоятельств дела специальными и очень узкими по составу комиссиями.

Ни в Государственном совете, ни в Сенате не обсуждалось даже возмущившее Александра III Уфимское дело, раскрытое сенатором М.Е.Ковалевским во время ревизии 1880–1881 гг. Между тем по размаху хищений, по числу замешанных в него чиновников самых высоких рангов, оно было беспрецедентно. Истоки этого дела относятся к 1871 г., когда положением Комитета министров для льготной продажи местным чиновникам были назначены свободные казенные земли в Уфимской и Оренбургской губерниях [29, т.46, №49709, с.825–827]. Однако это первоначальное намерение очень быстро видоизменилось до неузнаваемости. «Под шумок» распродавались, а то и раздавались бесплатно не только назначенные к продаже, но и другие казенные земли. Покупателями становились лица, не имевшие никакого отношения к местной службе, в том числе петербургские сановники. Все это стало возможным прежде всего благодаря нарушению правил раздачи участков. Эти последние должны были предоставляться по совместному всеподданнейшему ходатайству министра государственных имуществ и оренбургского генерал-губернатора, но в действительности эти два чиновника делили между собой участки и каждый ходатайствовал о своей части самостоятельно и бесконтрольно. Цены на землю занижались, справки не всегда были полными и верными. Благодаря этим нарушениям, например, министр государственных имуществ А.А.Ливен бесплатно получил огромный участок земли, в состав которого входил даже заповедный корабельный лес. Как впоследствии выяснилось, основная вина за эти нарушения лежала на второстепенных лицах, в частности – правителе канцелярии оренбургского генерал-губернатора А.Д.Холодковском, а предшественник Ливена П.А.Валуев, при личном бескорыстии, был виновен лишь в чрезмерной услужливости [26, с.97–98, запись 16 сентября 1881 г.; 16, с.855–874].

Исходя из материалов сенаторской ревизии, главными виновниками случившегося были министр государственных имуществ А.А.Ливен, председатель Комитета министров П.А.Валуев, оренбургский генерал-губернатор Н.А.Крыжановский. Первым порывом Александра III по прочтении им доклада Ковалевского было намерение передать дело в Сенат, т.е. отдать обвиняемых под суд, однако министр юстиции Д.Н.Набоков уговорил императора рассмотреть дело в особой комиссии под председательством кн. С.Н.Урусова (председателя Департамента

законов Государственного совета и главноуправляющего II Отделением СЕИВ Канцелярии) [1, д.32, л.48; д.33 л.10 об., письма от 8 и 16 октября 1881 г.]. В состав Комиссии вошли министры внутренних дел, государственных имуществ и юстиции (Н.П.Игнатьев, М.Н.Островский, Д.Н.Набоков), государственный контролер Д.М.Сольский и сам ревизующий сенатор М.Е.Ковалевский [26, с.97, запись 16 сентября 1881 г.]. Еще до окончания работы комиссии подал в отставку с постов председателей Комитета министров, Кавказского комитета и Комиссии для принятия прошений на высочайшее имя приносимых П.А.Валуев [8, с.174, записи 27 и 30 сентября 1881 г.]. «Лицо» удалось сохранить и А.А.Ливену, которому по окончании работы Комиссии, в феврале 1882 г., император приказал подать в полную отставку. Вслед за тем был уволен (уже без прошения) в полную отставку Крыжановский (без пенсии, мундира и с лишением звания генерал-адъютанта) [26, с.117, запись 15 января 1882 г.; 16, с.874]. Ни один из них под судом так и не побывал.

Равным образом без участия Гражданского департамента прошли громкие отставки середины 1890-х гг.: А.А.Абазы и А.К.Кривошеина. В первом случае многолетний председатель Департамента экономии Государственного совета А.А.Абаза был уличен в игре на повышение и понижение рубля [10, с.231–235]. 10 марта 1893 г. он был уволен от всех должностей (с оставлением лишь членом Государственного совета) и отправлен в бессрочный отпуск. Год

П.А.Валуев

А.А.Абаза

с лишним спустя, уже после смены царствований, в использовании служебного положения для личного обогащения был заподозрен министр путей сообщения А.К.Кривошеин. Дело было возбуждено докладом государственного контролера Т.И.Филиппова, для проверки его обстоятельств была создана комиссия во главе с председателем Департамента законов Государственного совета Д.М.Сольским, и 14 декабря 1894 г. Кривошеину было передано приказание нового императора подать в отставку [7, с.122–124].

Таким образом, ряд важных дел, де-юре подлежащий рассмотрению Департамента, де-факто оказался исключенным из его компетенции.

Необременительным для Совета оказалось и расширение его судебных полномочий после земской реформы 1864 г., когда в него из Сената, наряду с другими категориями дел, стали поступать и дела о несогласии губернаторов с постановлениями земств, – в том случае, если занимавшийся такими делами Первый департамент Сената решал дело с разногласием, а в Общем собрании Сената ни одно из мнений не набирало 2/3 голосов. Однако, как справедливо заметил специально изучавший этот вопрос А.А.Ярцев, подавляющее большинство таких дел решалось в Сенате и в Государственном совете их было «до крайности мало» [38, с.166–167, примеч.47].

В 1874 г., например, Департамент обсуждал дело о несогласии московского губернатора с постановлением Подольского уездного земского собрания относительно отказа в отпуске обывательских подвод акцизным надзирателям [20, т.8, с.232, №18]. В 1886 г. были рассмотрены сразу два представления губернаторов, самарского и саратовского, об их несогласии с решением местных губернских земств о денежных пожертвованиях из земских сумм в пользу Женских медицинских курсов в Петербурге [20, т.10, с.217, №61, 62]. А в 1891 г. Департамент обсуждал рапорт харьковского губернатора о его несогласии с постановлением местного губернского земского собрания по предмету оценки недвижимых городских имуществ, а равно торговых и промышленных заведений [20, т.11, с.149, №32].

В целом надо отметить, что число судебных дел, поступающих в Гражданский департамент после 1869 г., оставалось незначительным и имело устойчивую тенденцию к снижению. Согласно описям дел архива Государственного совета, в первой половине 1870-х гг. они составляли около половины всех решенных Департаментом дел, во второй половине десятилетия – около трети, а с начала 1880-х г. их число быстро сократилось до десятой части, а затем и до нескольких единиц.

ВЫСШИЙ СУД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Год	Общее число дел	Судебные дела	Год	Общее число дел	Судебные дела
1872	91	45	1884	69	3
1874	54	26	1886	119	6
1876	95	23	1888	143	10
1878	66	15	1889	153	4
1880	49	10	1891	205	16
1882	91	19	1893	183	9

Судебные дела, рассмотренные Департаментом гражданских и духовных дел
[20, т.8, с.83–92, 230–235, 354–374; т.9, с.75–81, 190–195, 324–333;
т.10, с.80–87; 212–222, 342–356; т.11, с.11–26, 146–166, 283–302.]

В основании такого снижения числа судебных дел лежали две причины. Первая – чисто механическая – заключалась в распространении судебной реформы и в создании (в 1884 г.) Особого присутствия при Государственном совете для предварительного рассмотрения жалоб на определения департаментов Правительствующего Сената, что автоматически освобождало Гражданский департамент от поступления в него целых категорий дел. Вторая причина заключалась в развитии законодательства в целом, когда, как мы видели на примере дела Шаркова, вновь изданные законы закрывали лакуны в законодательстве, сокращая количество восходивших в высшие судебные инстанции дел.

Несудебные функции Гражданского департамента

Однако одновременно с падением значения Департамента как судебной инстанции, росло общее количество рассмотренных им дел. Это было связано с двумя обстоятельствами:

- с многократным увеличением дел об отчуждении частных имуществ в пользу казны и
- с передачей в Гражданский департамент законодательных дел, касающихся судебной части.

Порядок отчуждения частных имуществ «на государственные нужды» (для строительства крепостей, шоссейных и железных дорог, портовых сооружений, благоустройства городов и проч.) и правила вознаграждения владельцев были установлены еще в 1833 г., входили в Свод законов [29, т.8, №6249, с.324–326; 34, т.10, 1857, ст.575–588, с.111–114], в том числе в Учреждение Государственного совета. Впоследствии статья Учреждения (ст.23, п.9), упоминавшая эту категорию дел как составляющую компетенции Совета, перешла в Учреждения Совета

1842, 1857 и последующих годов. Такие дела рассматривались не в Департаменте гражданских и духовных дел, а в Департаменте экономии, и число их было не очень велико.

В 1857 г. их было всего 19, в 1868 и 1869 – по 21. Однако в дальнейшем резкий подъем («бум») железнодорожного строительства привел к быстрому росту их числа. В 1870 г. их было уже 40, а в 1871 – 67 [подсчитано по: 20, т.5, с.31–64; т.7, с.167–241, 266–338, 352–410; т.8, с.16–73]. При этом пункты о правилах отчуждения частных имуществ вносились в уставы всех железнодорожных компаний, а в 1872 г. были установлены Временные правила по отчуждению частных имуществ под железные дороги [29, т.47, №50823, с.611–612; 19, с.51–61]. Первоначально их действие распространялось только на 1872 год, однако в конце каждого года они продлевались еще на один год, пока, наконец, в декабре 1881 г. не были оставлены в силе «впредь до издания проектированных ныне новых по сему предмету законоположений» [30, т.1, №568, с.370]. Но и издание в 1887 г. Правил о вознаграждении за принудительное отчуждение недвижимых имуществ не изменило ситуацию, поскольку статья о предоставлении всех ходатайств на высочайшее утверждение через Государственный совет (ст.576) осталась неизменной [25, с.600–635; 30, т.7, № 4470, с.239–244].

Загруженность Департамента государственной экономии, число ежегодных дел которого в 1870-х – первой половине 1880-х гг. превышало 800, заставляла задуматься о передаче части его дел в другие департаменты, самым свободным из которых в это время был Гражданский. И хотя к середине 1870-х темпы железнодорожного строительства снизились и число дел об отчуждении несколько сократилось (в 1874 г. их было уже 49 [подсчитано по: 20, т.8, с.235–290]), тем не менее с 1875 г. их рассмотрение было передано в Гражданский департамент. Одновременно поменяли Департамент и очень немногочисленные дела о передаче ненужного казенного имущества (зданий или небольших участков земли) в собственность местных обществ.

В Гражданском департаменте, в силу его меньшей загруженности, переданные из Департамента экономии дела занимали гораздо более заметное место. В 1875 г. они составили 76% (69 из 91) всех решенных Гражданским департаментом дел [подсчитано по: 20, т.8, с.298–307]. В середине 1880-х гг. их число сократилось, составив в 1885 г. всего 48 дел из 87 (или 55%) [подсчитано по: 20, т.10, с.145–153]. Но возобновление активного железнодорожного строительства (теперь уже под государственным контролем) с рубежа 1880–1890-х гг. привело к ново-

му росту дел об отчуждении имущества. В 1891 г. их абсолютное число достигло 126 (из 205 рассмотренных дел, или 61%), а в 1895 – 277 (из 295, или 94%) [подсчитано по: 20, т.11, с.146–166; т.12, с.14–45]. Впоследствии их дальнейший рост привел даже к образованию в 1904 г. в составе Государственного совета особого Присутствия по отчуждению имущества [15, л. 107–109].

Такие дела решались мемориями Департамента [2], в Общее собрание не передавались. Например, из 174 дел, рассмотренных Департаментом за сессию 1892–1893 гг., только 43 поступили в Общее собрание, а из 131, решенного мнением Департамента, 96 касались отчуждения имущества [11, с.15–16]. Таким образом, растущая загруженность Гражданского департамента мало отражалась на деятельности Совета в целом.

Передача в Гражданский департамент законодательных дел, касающихся судов и судопроизводства, была связана с необходимостью разгрузить Департамент законов. Идея принадлежала государственному секретарю Е.А.Перетцу и в конце 1882 г. обсуждалась как составляющая так и не состоявшейся общей «перетасовки» вносимых в Департаменты Совета дел с целью их более равномерного распределения [26, с.145, 146, 148, записи 15, 20 и 25 декабря 1882 г.]. Правда, это облегчение Департамента законов имело скорее делопроизводственный характер: традиционно такие дела решались на совместных заседаниях двух департаментов – Гражданского и Законов. Подхвативший идею преемник Перетца А.А.Половцов в разговоре с императором особенно подчеркивал, что изменение произойдет не «в составе лиц, рассматривающих дела, а исключительно в персонале докладчиков» [31, т.1, с.89, запись 5 мая 1883 г.].

А.А.Половцов

Изменение департамента, рассматривавшего дела, не требовало никакой законодательной меры, делалось властью председателя Государственного совета, однако подразумевало согласование со всеми заинтересованными лицами, в том числе гр. Э.Т.Барановым, хотя Департамен-

та экономии, председателем которого он был, эти перемены и не коснулись [31, т.1, с.39, запись 4 февраля 1883 г.]. Кроме того, обязательным условием было усиление самого Гражданского департамента, в первую очередь – замена его председателя, «отжившего» В.П.Титова, которого Половцов считал слишком постаревшим и бездеятельным для возлагаемой на Департамент задачи и вообще незнакомым с судебной частью [31, т.1, с.155, 158–159, записи 12 и 19 декабря 1883 г.]. Его преемником стал Н.И.Стояновский. Почти одновременно заменили статс-секретаря Гражданского департамента И.И.Кабата, которым Половцов был очень недоволен [31, т.1, с.27, 28, 89, 113–114, записи 7, 8 января, 5 мая и 14 сентября 1883 г.], специально для этого переведя из министерства юстиции Н.П.Боголюбова [31, т.1, с.36, 132. Записи 28 января и 19 октября 1883 г.].

Таким образом, с 1884 г. Гражданский департамент стал в большей степени соответствовать возложенной на Государственный совет законодательной работе. Здесь рассматривались все вопросы, касавшиеся изменений в судоустройстве и судопроизводстве и пенитенциарной системе, в т.ч. такие значимые преобразования, как расширение подсудности судебно-мировых учреждений [30, т.5, №3388, с.523–525], реформа организации арестантского труда [30, т.5, №3046, с.300], изменение правил составления списков присяжных заседателей, повышавшее их имущественный и образовательный ценз [30, т.7, №4396, с.189–193], важный и сложный закон о детях узаконенных и усыновленных [30, т.11, №7525, с.111–114], наказания за организацию погромов [30, т.11, №8144, с.659] и проч. Обсуждались дела, касавшиеся распространения судебной реформы, уточнения территории судебных округов, изменения штатного расписания и увеличения средств на канцелярские расходы, вопросы делопроизводства и прочее.

К концу XIX в. в Гражданском департаменте сосредоточились дела трех направлений, по динамике соотношения которых можно сделать вывод о некоторых тенденциях государственной жизни России. В частности, неуклонное сокращение судебных дел свидетельствует об успешном распространении судебной реформы и развитии законодательства в целом. Увеличение, особенно на рубеже 1880–1890-х гг., времени, которое Совет посвящал вопросам судебного законодательства, и его сокращение после смерти Александра III позволяет сделать вывод об отказе нового руководства страны от дальнейшего реформирования судебной сферы еще до окончания работы комиссии министра юстиции Н.В.Муравьева в 1900 г. Наконец, рост дел об отчуждениях частных

земель с начала 1890-х годов представляет собой еще одну характерную черту активного железнодорожного строительства рубежа веков.

Из всех департаментов Государственного совета Департамент гражданских и духовных дел на протяжении своего существования испытал максимальные изменения своей компетенции. При этом его занятия никогда не соответствовали его названию. Дважды на протяжении его истории, при подготовке нового Учреждения Совета в 1842 и затем в 1900 г., поднимался вопрос о его переименовании. В 1842 г. на выбор предлагалось несколько вариантов: Департамент судебных дел, или Департамент дел Гражданских и уголовных, или Департамент юстиции; в 1900 г. ограничились одним – Департамент гражданских и военных дел [4, л.356–356 об.]. Однако ни в 1842 г., ни при издании нового Учреждения в 1901 г. этого изменения так и не произошло, и вплоть до реформы 1906 г. Департамент сохранял свое первоначальное название.

Библиографический список

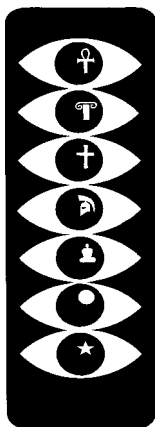
1. Головин А.В. Письма Д.А.Милютину // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.169. Д.32, 33.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф.543. Оп.1. Д.706.
3. Российский государственный исторический архив. Ф.1159. Оп.1. Д.320, 343, 347.
4. Российский государственный исторический архив. Ф.1162. Оп.2. ОдГС. Д.2.
5. Российский государственный исторический архив. Ф.1214. Оп.1. Д.5.
6. Шестаков И.А. Дневник за 1885 г. // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф.856. Ед. хр.12 [архивные материалы использованы, несмотря на существование опубликованного Дневника, поскольку публикаторами неоднократно допущены неверные прочтения текста, меняющие его смысл].
7. Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // Российская история. 2011. №4. С.114–125.
8. Валуев П.А. Дневник. 1877–1884. Пг.: Изд-во «Былое», 1919. 311 с.
9. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1969. 400 с.
10. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. Т.1. Таллинн–Москва: «Скиф Алекс», 1994. 526 с.
11. Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1892–1893 гг. СПб.: Государственная типография, 1893. 139 с.
12. Голиков В.М. Место Государственного совета в системе механизма российского абсолютизма в первой половине XIX в. // Проблемы истории абсолютизма. Сборник научных трудов / Сост. К.И.Батыр. М., 1983. 82–96.
13. Государственная канцелярия 1810–1910. СПб.: Государственная типография, 1910. 466 с.

14. Государственный совет. 1801–1901. СПб.: Государственная типография, 1901. 264 с.
15. Деев Андрей Юрьевич. Государственный совет Российской империи, 1894–1905 гг.: дисс. канд. политических наук. М., 2002. 327 с.
16. Жакмон П.П. Хищение башкирских земель (Из воспоминаний оренбургского старожила) // Исторический вестник. 1907. №3. С.855–874.
17. Кони А.Ф. Крушение царского поезда в 1888 году // Кони А.Ф. Собрание сочинений. В 8 т. Т.1. Из записок судебного деятеля. М.: Юридическая литература, 1966. С.420–495.
18. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. 4-е. В 2 т. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1901–1903. Т.2: Часть особенная. 1903. 596 с.
19. Назарова Е.И. К истории частного железнодорожного строительства в России в 60–70-е годы XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т.23. №4. С.51–61.
20. Опись дел архива Государственного совета. СПб.: Государственная типография, 1908. Т.1 [1810–1829]. 919 с.; 1910. Т.5 [1857–1862]. 435 с.; 1911. Т.6 [1863–1866]. 447 с.; 1911. Т.7 [1867–1870]. 464 с.; 1913. Т.8 [1871–1876]. 483 с.; 1912. Т.9. [1877–1882]. 424 с.; 1913. Т.10 [1883–1888]. 445 с.; Петроград: Государственная типография, 1914. Т.11 [1889–1894]. 469 с.; Т.12. [1895–1899]. 510 с.
21. Отчет в делах 1810 года, представленный императору Александру I М.М.Сперанским 11 февраля 1811 года / Сообщено А.Ф.Бычковым // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.21. СПб.: Типог-я Императорской Академии наук, 1877. С.447–462.
22. Отчет по Государственному совету за 1869 год. СПб., 1870. 177 с. Б/изд.
23. Отчет по Государственному совету за 1881 г. СПб.: Государственная типография, 1883. 374, 291 с.
24. Отчет по государственному совету за 1884 г. СПб.: Государственная типография, 1886. 678 с.
25. Отчет по Государственному совету за 1887 год. СПб.: Государственная типография, 1888. 862 с.
26. Перетц Е.А. Дневник государственного секретаря (1880–1883). М.–Л.: Государственное издательство, 1927. 172 с.
27. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX века: замыслы, проекты, воплощение. 2-е изд., испр. М.: Новый хронограф, 2014. 447 с.
28. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: [С 1649 по 12 дек.1825 г.]. СПб: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830. Т.31 [1810–1811]. 941 с.; Т.32 [1812–1815]. 1135 с.; Т.36 [1819]. 734 с.; Т.37 [1820–1821]. 983 с.
29. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]. СПб: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1834. Т.8 [1833]. 832 с.; 1835. Т.9 [1834]. 891 с.; 1873. Т.43 [1868]. 942 с.; 1873. Т.44 [1869]. 962 с.; 1875. Т.47 [1872]. 1047 с.; 1877. Т.50 [1875]. 720 с.
30. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]. СПб.: Государственная типография, 1885. Т.1 [С 1 марта по 31 декабря 1881]. 623 с.; 1887. Т.5 [1885]. 1521 с.; 1888. Т.6 [1886]. 1170 с.; 1889. Т.7

ВЫСШИЙ СУД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

- [1887]. 1146 с.; 1891. Т.9 [1889]. 1447 с.; 1894. Т.11 [1891]. 1384 с.; 1895. Т.12 [1892]. 1353 с.
31. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. / под ред. П.А.Зайончковского. М.: Наука, 1966. Т.1. 1883–1886. 551 с.; Т.2. 1887–1892. 578 с.
  32. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1988. 247 с.
  33. Свод законов Российской Империи. В 15 т. Т.1: Свод учреждений государственных и губернских. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1833. 843 с.
  34. Свод законов Российской империи. В 15 т. Изд. 1857 г. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1857. Т.10. Ч.1: Законы гражданские. 595 с.
  35. Чичерин Б.Н. Совет министров // Он же. Несколько современных вопросов. М., Изд-во К.Солдатенкова, 1862. 265 с.
  36. Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Дневники (1882–1888). СПб.: Судостроение, 2014. 600 с.
  37. Щеглов В.Г. Государственный совет в России в первый век его образования и деятельности. (30 марта 1801–1901 года): Ист.-юрид. очерк. Ярославль, 1903. Б/изд. 189 с.
  38. Ярцев А.А. Органы земского самоуправления и местная администрация в 1864–1904 гг. (на материалах северо-западных губерний России) // Acta Slavica Iaponica: international and interdisciplinary journal of the study of Russia, Eastern Europe, the Caucasus, and Central Asia. 2003. No.20. P.154–192.

Игорь Татаринов

**К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ
ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА
ДОНСКОГО И УКРАИНСКОЙ
ДЕРЖАВЫ В 1918 г.**

УДК
94(470)+94(477)«1918»

В статье на основании анализа малоизвестных документов, хранящихся в отечественных и зарубежных архивных учреждениях, и ранее опубликованных материалов освещаются вопросы формирования российско-украинской границы на Дону в 1918 году. Автор акцентирует внимание на особенностях длительных и напряженных переговоров, местами сопровождавшихся эскалацией межгосударственных отношений, вызванных наличием взаимных территориальных претензий. По итогам переговоров стороны выработали компромиссный вариант, заключив договор о взаимном признании суверенитета и установлении государственных границ Дона и Украинской Державы. Однако реализации подписанных соглашений помешали внешнеполитические события и последующее изменение внутривойсковой обстановки в условиях нарастания хаоса гражданской войны. Завершение Первой мировой войны и последующий отзыв войск Центральных держав обрушили прогерманское правительство П.Скоропадского, а на Дону победили военнополитические круги, ориентировавшиеся на страны Антанты.

Based on the analysis of little-known documents stored in domestic and foreign archival institutions and previously published materials, the article highlights the formation of the Russian-Ukrainian border on the Don in 1918. The author focuses on the features of lengthy and intense negotiations, sometimes accompanied by an escalation of interstate relations caused by the presence of mutual territorial claims. Following the talks, the states worked out a compromise option by concluding an agreement on the mutual recognition of sovereignty and the establishment of state borders of the Don and the Ukrainian State. However, implementation of the signed agreements was hindered by foreign policy events and the subsequent change in the domestic political situation in the context of the growing chaos of the Civil War. The end of the First World War and the subsequent withdrawal of the troops of the Central Powers brought down the pro-German government of P.Skoropadsky, and in the Don defeated military-political circles began to orient toward the Entente countries.

Ключевые слова: Украинская Держава; Гетманат; Дон; Всевеликое Войско Донское; П.Краснов; П.Скоропадский; А.Черячукин; украинно-российская граница.

Keywords: Ukrainian State; Getman; Don; the Great Don Army; P.Krasnov; P.Skoropadsky; A.Cheryachukin; Ukrainian-Russian border.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Краткая предыстория вопроса С окончательным распадом Российской империи и формированием прогерманских правительств на Украине и Дону в 1918 году, а также вследствие оккупации немецко-

австрийскими воинскими контингентами значительных территорий, на юге бывшей Российской империи актуализировался вопрос межгосударственных границ. Исследователям особенно интересно, по каким критериям формировались границы и решались проблемы территориализации. 1918 год в истории Юга России выдался исключительно насыщенным важными событиями. Сразу несколько акторов международных отношений решительно заявили о своих интересах на Дону и Украине. Сегодня в свете ухудшения российско-украинских отношений исследуемая проблематика приобрела особую актуальность, а события 2014 года в Киеве активизировали территориальные претензии.

Исследуемый вопрос неоднократно поднимался как в работах украинских, так и российских авторов. Отметим таких украинских историков, как В.Боечко, А.Ганжа, Б.Захарчук [19], Г.Ефименко [37–38], О.Бойко [34], Р.Пыриг [39], В.Сергийчук [41], уделивших внимание закономерностям формирования украинских границ в XX веке, в том числе и в исследуемый период, а также особенностям принятия решений на разных уровнях власти. Не менее детально изучали различные аспекты российско-украинских отношений российские исследователи. Опираясь на архивные источники, они рассматривают российско-украинское пограничье на Дону как уникальную зону особого социально-политического и культурного взаимодействия со сложными, комплексными процессами и динамикой. Прежде всего, отметим вклад в освещение вопроса Ю.Галкина [23], Е.Борисёнок [20–21], Е.Кринко [27–28], А.Венкова [22], Д.Косенко [26], А.Перетяцько [30] и других исследователей. Заметим, что развитость и одновременно закрытость военно-технических отношений Украины и Дона в 1918 году обусловили слабую историко-источниковую аргументацию [40]. И наоборот, дипломатические аспекты сотрудничества исследуемых субъектов подробно освещены как в источниках личного происхождения [32–33; 42], так и широко представлены документальным архивным комплексом.

Еще в 1870-х гг. на юге страны возникли первые территориальные споры с этническим подтекстом. Речь идет о попытке передать Миусский округ Области Войска Донского в состав Таганрогской губернии в 1874 году. Министр внутренних дел Российской империи А.Е.Тимашев

рассматривал новую губернию как «малороссийскую» и хотел включить в ее состав те территории Области Войска Донского, на которых преобладало малороссийское население. Как отмечает донской исследователь А.Перетяцько, эта инициатива была неактуальна для донских малороссов, в то время как для донского казачества неприкосновенность границ носила принципиальный характер. Неудачную попытку отделить Миусский округ от Области Войска Донского автор связывает с борьбой министра внутренних дел А.Е.Тимашева и военного министра Д.А.Милютин, а не реальными интересами и ожиданиями малороссов. Более того, никаких реальных примеров, подтверждавших желание донских малороссов выйти из-под власти казачьей администрации, не прослеживается [30, с.453–454.]. В последующем, административно-территориальные границы на Дону оставались практически неизменными вплоть до начала гражданской войны.

Возникшая в марте 1917 г. Украинская Центральная Рада как автономное образование в составе России 22 января 1918 года в IV-м Универсале провозгласила государственную независимость Украинской Народной Республики (УНР). В январе 1918 года Рада потеряла власть над большей частью Украины и вынуждена была обратиться к Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии за помощью в борьбе с большевиками. 9 февраля 1918 г. в Брест-Литовске УНР и Центральные державы подписали договор о взаимопомощи. В обмен на поставки сырья и продовольствия, Центральные державы признавали суверенитет УНР над определенными территориями и пообещали поддержать УНР войсками. Большевики также заключили в Брест-Литовске сепаратное соглашение со странами Четверного союза, взяв обязательство очистить территорию, определенную под украинскую юрисдикцию [25, с.122].

Нараставший хаос гражданской войны затронул в 1918 году и Дон. После зимнего поражения частей Добровольческой армии и казачьих отрядов А.Каледина 25 февраля на Дону установили советскую власть. 28 февраля 1918 г. в телеграмме главкому Южного революционного фронта В.Антонову-Овсенко председатель СНК В.Ленин поддержал автономию Донской области, отметив, что ее границы будут определены по согласованию с приграничным населением и с автономной Донецко-Криворожской советской республикой [29, с.365–366]. 23 марта большевики провозгласили самостоятельность Донской советской республики в союзе с Советской Россией.

**«Лучше их самостийность,
чем общая большевистская
страна...»**

Вторгшийся 18 февраля 450-тысячный австро-немецкий военный контингент к концу мая 1918 года оккупировал всю Украину, Крым, юг Центрального Черноземья и больш-

шую часть Области Войска Донского, включая Таганрог и Ростов-на-Дону. Почти одновременно с Украиной Дон с помощью немецко-австрийского корпуса очистили от советских войск, Донская Советская республика была ликвидирована, а ее лидеры – Федор Подтёлков и Михаил Кривошлыков – казнены. 16 мая 1918 года на Дону возникло новое государство – Всевеликое Войско Донское (ВВД), во главе с Войсковым атаманом генералом П.Красновым. Примечательно в связи с этим мнение В.Шульгина, охарактеризовавшего это государство в одном из докладов командованию Добровольческой армии как государственное образование, связанное с немцами, однако не выражавшее враждебности к русской государственной идее и готовое к сотрудничеству с командованием Добровольческой армии [2, л.27–28].

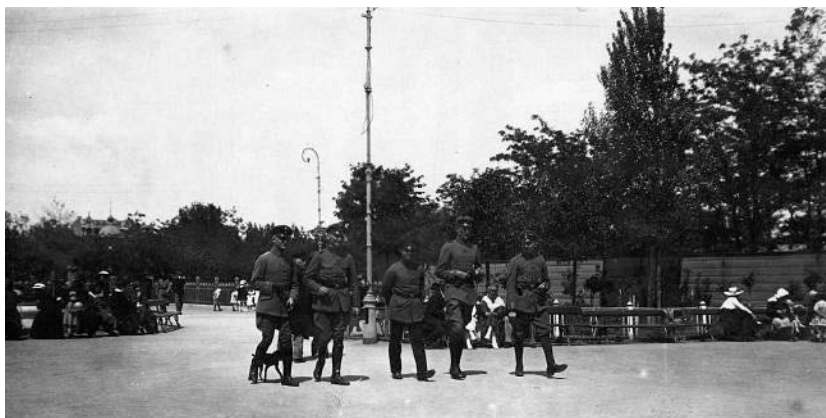

Рис.1. Немецкие солдаты на Таганрогском проспекте в Городском саду Ростова-на-Дону, 1918 г.

Следует обратить внимание на тезисы объявленной в день избрания П.Краснова Войсковым атаманом Декларации. Среди прочего отмечалось, что «Войско Донское является самостоятельной Демократической Республикой» лишь «до образования единой России в той или иной форме» (п.1), поэтому другим государствам предлагалось признать «его права на самостоятельное существование», однако только «до времени образования в той или иной форме единой России» (п.6) [35, с.397].

Антагонизм гражданской войны вынуждал противоборствующие стороны искать союзников. Причем союз с немцами не выглядел чем-то предосудительным в глазах сограждан. Известный донской ученый А.Венков отмечает, что «все антибольшевистские силы Юга России в этот период своей деятельности либо открыто опирались на Германию (так же, как и Германия опиралась на них), либо пытались прямо или косвенно использовать ее как третью силу в борьбе против большевиков» [22, с.174].

Немцы столь же реально оценивали «союзников», активно выкачивая из края ресурсы. Так, в сообщении начальника железнодорожного отделения капитана В.Апостолова отмечалось, что германскими войсками ежедневно самовольно «...отправляются из Миллерово на Луганск латунь, железо, разный инструмент, мануфактура, оставшиеся после большевиков...» [4, л.1, 12]. Начальник станции Сулин также докладывал о несанкционированной отправке немцами на станцию Дебальцево двух эшелонов, где среди прочего он видел платформу с автомобилем [4, л.16 об.]. Довольно частыми были случаи блокирования по распоряжению немецкого командования прохода донских воинских эшелонов далее на Ростов [4, л.33]. Более того, на совещании в ставке кайзера Вильгельма летом 1918 года Верховное главнокомандование решило не поддерживать устремления донских казаков к независимости. Однако,

Рис.2. Войсковой атаман
П.Краснов

исходя из военных соображений, немцы, не ставя свое политическое руководство в известность, поддерживали Дон, чтобы привлечь донских казаков на свою сторону и снабдить их деньгами и оружием [22, с.178]. В целом, признание немцами П.Краснова как Войскового атамана Дона создавало благоприятную среду для углубления сотрудничества, прежде всего – Украины, с Всевеликим Войском Донским как в гражданской, так и военной областях [40, с.45].

Атаман П.Краснов в письме к гетману П.Скоропадскому – главе Украинской Державы¹ (УД) – отмечал «вечную дружбу дон-

¹ *Официальное название украинского государственного образования времен Гетманата П.Скоропадского (апрель – декабрь 1918 года).*

ских казаков с украинцами» и выражал сожаление по поводу безосновательных, по его мнению, претензий УД на Таганрогский округ. Вместе с этим он также предлагал гетману тесное сотрудничество в деле восстановления «единой и неделимой России» [35, с.392]. Уже 18 мая П.Краснов назначил посольство на Украину в таком составе: глава – генерал-лейтенант М.Свечин; заместитель – генерал-майор А.Черячукин; управляющий отделом путей – инженер, действительный статский советник П.Карелин; чиновник отдела путей – инженер Ю.Зилов; чиновник отдела иностранных дел – статский советник К.Карасев; секретарь и переводчик – капитан Х.Бирзенек [32, с.157]. Генерал А.Черячукин, как профессиональный военный, сетовал на полное отсутствие у него опыта дипломатической работы, однако не считал возможным отказаться от назначения [33, с.166]. 24 мая посольство прибыло поездом в Киев. После отъезда большей части донской делегации в Новочеркасск в середине июля, интересы Всевеликого Войска Донского в УД до самого падения Гетманата в ноябре 1918 года представлял А.Черячукин. Заметим, что донская дипломатическая миссия продолжала свою работу в Украине и с захватом Киева большевиками в январе 1919 года, эвакуировавшись в контролируемую войсками Антанты Одессу. Известны документы за подписью атамана Зимней Станицы Всевеликого Войска Донского в Украине от 5 февраля 1919 г., несмотря на фактическое прекращение существования донской дипмиссии в УД [18, л.3, 5].

Между гетманом и А.Черячукиным на личном уровне установились довольно теплые отношения. В своих мемуарах они не жалели комплиментов друг другу. П.Скоропадский писал: «С генералом Черячукиным... сразу же у нас установились самые искренние и хорошие отношения»; «...генерал Черячукин, очень спокойный, умный и доброжелательный человек... Я постоянно с ним встречался и до последнего дня не изменил своего впечатления, которое сложилось у меня о нем, что лучшего представителя от Дона нам и не надо было» [42, с. 236, 263–264]. Интересны личные оценки А.Черячукиным украинской государственности. В одном из его

Рис.3. Гетман П.Скоропадский

писем, адресованном П.Краснову, он писал: «Самостийное течение здесь сильное, с ним нужно считаться и раздражать упрямых хохлов "Единой, неделимой" сейчас не стоит. Дело русских здесь пока проиграно. Лучше их самостийность, чем общая большевистская страна, танцующая под дудку совдепов из Москвы» [5, л.9 об.].

Атаман П.Краснов поставил министерству иностранных дел задачу установления границ Дона, потребовав «войти в немедленные дипломатические сношения с Киевом» [1, л.1] и выяснить отношение УД к Дону. Генерал А.Черячукин как один из исполнителей этой задачи в своих мемуарах отмечал, что атаман очертил на карте рамки: «Царицын, Камышин, ст. Поворино, Воронеж и Луганск должны войти к нам. Западная граница не должна быть ближе прежних границ Дона с Екатеринославской губернией, но желательно, чтобы нам принадлежал весь каменноугольный бассейн и Старобельский уезд с конскими заводами. Нам особенно нужен Луганск с патронным заводом. Нужно немедленно получить боеприпасы, орудия и военное снаряжение, которое в избытке находится на Украине. Без них мы не справимся с большевиками. Убеди гетмана, что поддержка нас выгодна и для него. Поезжай немедленно. Бог тебе в помощь. Завтра зайди за письмом. Не забывай, что от выполнения даваемого тебе поручения зависит спасение Дона» [33, с.166]. Отдельно атаман акцентировал внимание на отстаивании на переговорах «неприкосновенности всех прежних политических границ Дона, включая Донецкий район, Таганрог, Азов, Ростов, гирлы Дона» [33, с.173].

Территориальные аппетиты украинцев ярко проиллюстрированы в мемуарах А.Черячукина. Он упоминал одну из украинских карт, «показавшей пределы мечтаний и немцев, и украинцев. Толстой красной чертой были показаны границы Украины, захватывающие Таврический полуостров, включительно до Керченского пролива, и включающие в себя Таганрог и Ростов» [33, с.174]. При территориализации Дона и УД отметим ключевую роль немецкого фактора. Влиятельная донская газета «Приазовский край» отмечала, что «установление границ Украинской Державы в настоящее время является неразрывно связанным с процессом оккупации той или иной территории германскими войсками» [31].

Изначально правительство П.Скоропадского считало границей нанесенную военными линию, где отмечался предел продвижения на восток украинских и немецких войск. Речь шла о демаркационной линии между украинско-немецкими и большевистскими войсками, окончательно оформленной в результате переговоров в мае 1918 г. в Курске. В то же время отмечалось, что эта линия должна была отвечать этнографиче-

О ГРАНИЦАХ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО И УКРАИНСКОЙ ДЕРЖАВЫ В 1918 г.

ским принципам [6, л.14]. Очевидно, что УД рассчитывала на присоединение всех земель, связанных с Украиной в этнографическом и историческом плане. Продолжительный спор об основаниях формирования украино-донской границы завершился принятием 22 июня 1918 года предварительного компромиссного решения. Стороны договаривались исходить из этнографического принципа и, опираясь на него, мирным договором зафиксировать государственную границу. Причем для итогового установления границы в отдельных спорных местностях стороны собирались опросить местное население [15, л.290].

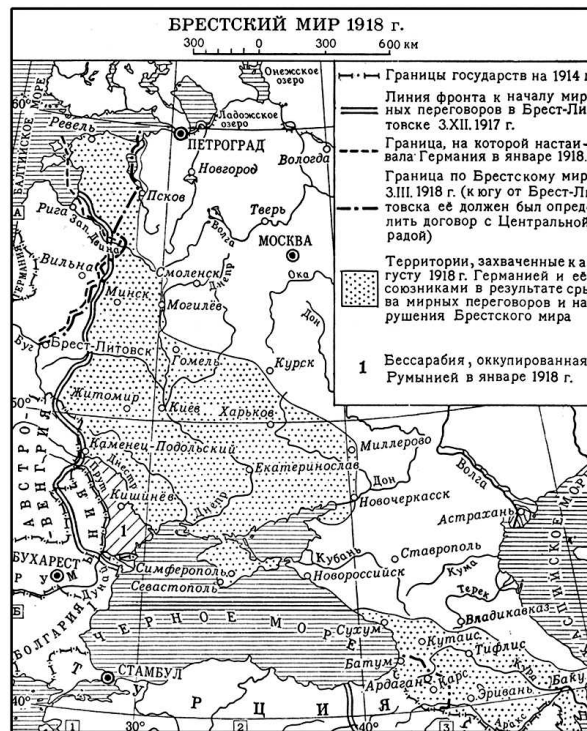

Рис.4. Границы оккупации Центральными державами российских территорий в 1918 году

26 июня глава донской дипмиссии в Киеве генерал-лейтенант М.Свечин обратился с письмом к П.Скоропадскому, который к тому же в прошлом был его командиром. В письме отмечалось, что, несмотря на предоставленный донской делегации «добрый прием» в Киеве, гетманское правительство не только не признает независимости Дона, но и

игнорирует его властные органы. Свечин обращал внимание гетмана на то, что такое положение пагубно отражается на населении спорных приграничных районов, поскольку тормозит развитие торговых, железнодорожных, почтово-телеграфных и иных отношений между обоими государствами [35, с.394].

Особенное затруднение, отмечал М.Свечин, сложилось в Таганрогском округе, где с разрешения немецкого оккупационного командования в отдельных населенных пунктах дислоцировались казачьи гарнизоны. Однако украинское правительство без согласования с донскими властями присылало распоряжения в учреждения, находившиеся на территории округа. «Без Таганрогского округа армии грозит экономическая смерть и поэтому отторжение его от Дона нанесет такой удар казакам, который вряд ли будет способствовать спокойной жизни между двумя соседями» [7, л.15–16 об.], – отмечал М.Свечин. Генерал предлагал гетману «положить границу там, где она проходит между административным делением Екатеринославской и Харьковской губерний с одной стороны и Областью Войска Донского – с другой». Кроме этого, Свечин призывал пойти «на признание Донского правительства как свершившегося факта и вступить с ним в официальные переговоры и переписку». В то же время М.Свечин доверительно сообщал П.Скоропадскому об инициативе П.Краснова о возобновлении Юго-Восточного Союза «на твердых началах», который «станет хорошим восточным союзником Украинской Державы» [7, л.17–17 об.].

Неопределенность границ двух государственных образований постоянно вызывала недоразумения и споры на разном уровне. Так, 6 июля поступила телеграмма от «Областного союза Горнотруд». В ней отмечалось, что «в Чистяковский (ныне – г. Торез, ДНР. – прим. авт.) горный район Таганрогского округа выехал казачий отряд под командой полк. Маньковского, объявившего себя начальником района. Избит начальник рабочего отдела союза. Разыскиваются остальные члены правления. Рабочее население терроризируется. Добыча угля, которая налаживалась усилиями союза, погибает» [14, л.1].

Тогда же на адрес украинского МИДа пришел «мемориал» от общественности Таганрогского округа с обоснованием целесообразности его присоединения к УД. Авторы документа аргументировали тем, что Ростов и Таганрог с уездами были изъяты в 1883 году из состава Екатеринославской губернии и переданы Области Войска Донского с «легкой руки» императора Александра III, хотя Государственный совет тогда большинством голосов отклонил соответствующий законопроект воен-

ного министра. Неопределенность государственной принадлежности региона сказалась на населении из-за нарушения финансово-денежного обращения и разрушения кредитной системы, прекращения социальных выплат и обострения продовольственной ситуации. Общественность региона призывала «по возможности быстрее решить вопрос о присоединении Таганрога и Округа к тому или иному государственному образованию. Присоединение же их к Украине вызовет, несомненно, удовлетворение огромной массы населения» [16, л.106].

Расплывчатый, временный государственный статус Всевеликого Войска Донского, связанный с вышеуказанным упоминанием П.Краснова о Доне как о самостоятельной Демократической Республике лишь до момента образования единой России в той или иной форме вызывал понятные упреки со стороны Украины. В связи с этим 17 июля 1918 года на имя П.Краснова Киев отправил ноту за подписями Ф.Лизогуба и Д.Дорошенко – соответственно, главы правительства и министра иностранных дел. В ней указывалось на несоответствия в определении государственной организации Дона и отмечалось, что ее «временный характер ...очень затрудняет возможность решить ...вопрос об установлении подробных границ между Донским Войском и Украиной ... возможно скоро и окончательно». Там же высказывалось пожелание, «чтобы всякие преграды к этому были бы возможно скоро устранены» [11, л.1].

В ответ на ноту управляющий отделом иностранных дел А.Богаевский направил письмо П.Скоропадскому, где отмечалось, что «создание единой России без Дона и Украины – этих мощных и независимых государств с большими территориями и природными богатствами – немыслимо». Поэтому временный статус донской государственности не может быть преградой к «тесному сближению и неразрывной дружбе, независимо от того, как бы ни развернулись события в будущем» [36, с.133]. Несмотря на указанную выше неопределенность, гетман П.Скоропадский дал указания готовить двухстороннее соглашение. Позднее он вспоминал, что «для Украины иметь Дон хорошим соседом всегда было чрезвычайно желательно не только в смысле торговом, где он мог помочь как жировыми веществами и жидким топливом (поскольку с взятием Царицына ему открывалась возможность их получить). Но особенно важно было то, что Дон из всех областей бывшей Российской империи (конечно, кроме Кубани), которая заселена украинцами наполовину, всегда пойдет навстречу украинским национальным пожеланиям» [42, с.237].

Продолжавшиеся переговоры о взаимном признании и установлении границ осложнялись наличием у сторон взаимных территориальных претензий. Украина продолжала претендовать на Таганрогский округ и западные волости Войска Донского по реке Калитва. В качестве аргументов выдвигался тезис о том, что до 1887 г. эти населенные украинцами территории входили в состав Екатеринославской губернии. Дон претендовал на Старобельский уезд Харьковской губернии и Луганск, находившиеся в зоне его экономических интересов. Принципы, которыми руководствовалась украинская сторона в отношениях с новообразованными государствами, были изложены в аналитической записке «О границах Української Держави під взглядом політичним», подготовленной Д.Донцовым [34, с.227]. Украинцы констатировали факт распада Российской империи и признавали за отдельными ее частями право на самоопределение. Автор советовал украинцам проводить гибкую политику: «Но на первом плане при решении всех граничных дел должен стоять интерес украинского государства. Во Всевеликом Войске Донском надо видеть союзника, что должно стать первой и важнейшей задачей нашей восточной политики. Ценой этого товарищества могла бы стать уступка Украиной украинских национальных окраин Донщины. Аннексия Донщины и Кубани была б вредна и трудна к проведению» [8, л.76–78].

Установление новых границ на Юге России

Украино-донские переговоры продолжались около двух месяцев. Лишь 8 августа 1918 года стороны подписали договор о принципах двусторонних отношений. Украинцы

и Дон обменялись взаимными признаниями суверенитета и независимости, отказались от территориальных претензий и установили, что границей будут служить административные рубежи между Областью Войска Донского и Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерниями. Восточнее Мариуполя к УД отходил ряд волостей для «обеспечения целостности административно-хозяйственного управления городом и портом» [11, л.3–3 об.]. Отдельно в соглашении упоминалось украинское население Всевеликого Войска Донского, которое получало «все права в отношении своего языка, школы, культуры, как и все остальные граждане, а политические права получают такие, которые полагаются тем гражданам, которые принадлежат к казацкому сословию» [34, с.228]. Сторонам удалось подписать еще ряд важных двусторонних соглаше-

О ГРАНИЦАХ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО И УКРАИНСКОЙ ДЕРЖАВЫ В 1918 г.

ний, касающихся политических, военных, экономических, торговых, коммуникационных аспектов взаимоотношений [12, л.30–31].

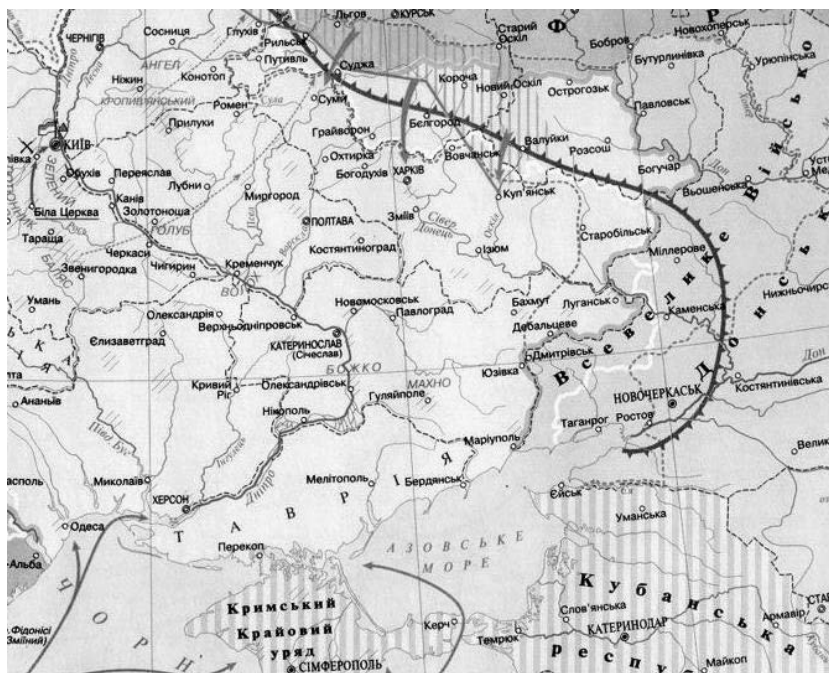

Рис.5. Границы ВВД и УД на ноябрь 1918 г.

Взаимное признание независимости УД и ВВД открыло возможность обмена полномочными посольствами. Временным Чрезвычайным представителем Украинской Державы на Дону 2 сентября 1918 года был назначен член Совета МИД УД Максим Славинский, а консульским агентом I разряда в Новочеркасске с 16 августа стал Владимир Мищенко [9, л.25]. Посол М.Славинский по прибытии в Новочеркасск зачитал Войсковому кругу гетманскую грамоту, где отмечалось, что, когда «пройдет тяжелое лихолетье и настанут светлые дни», «тихий Дон сольется с Украиной, что навеки укрепит между ними братские чувства и единение в борьбе с врагом» [35, с.402]. В свою очередь, атаман П.Краснов 23 августа издал грамоту, в которой уведомил гетмана П.Скоропадского о назначении генерала А.Черячукина «атаманом Зимней Станицы (полномочным посланни-

ком) от Всевеликого Войска Донского при государстве Украинском» [11, л.7]. Подобный титул был заимствован из традиции XVII в., когда донские казаки ежегодно зимой отправляли свои посольства к русскому царю.

18 сентября Украинская Держава и Всевеликое Войско Донское заключили отдельное соглашение о хозяйственной жизни Таганрогского промышленного района. Стороны договорились, что специально созданная Доно-украинская комиссия, которая находилась бы в Харькове, должна осуществлять его управление. При этом в самой комиссии у сторон был бы паритет голосов. Причины определенной уступчивости украинцев лучше всех пояснил в своих мемуарах Д.Дорошенко. Он заметил, что «украинское правительство считало, что лучше иметь на Дону украинскую ирреденту и тем самым будить национальное самосознание среди украинского населения Дона, чем иметь у себя донскую и, соответственно, русскую ирреденту» [36, с.193].

Стороны обязались также не заключать с другими государствами и вооруженными организациями соглашений, «направленных во вред интересам друг друга», а также в ближайшее время выработать отдельные соглашения по транзиту, товарообмену, таможенным тарифам, финансовому обороту, железнодорожным и почтово-телеграфным коммуникациям. Кроме этого, Киев и Новочеркасск договорились создать смешанную комиссию по урегулированию вопросов, касающихся Донбасса в целях сохранения его хозяйственного единства. Дон должен был поставлять Донбассу продовольствие и смазочные материалы, а УД – лес и продукцию машиностроения и металлургии [11, л.3 об.]. Вместе с основным договором Украина и Дон подписали «Дополнительное секретное соглашение», по которому Киев обязался «в кратчайший срок обеспечить Всевеликое Войско Донское вооружением и предметами военного и санитарного снаряжения по приблизительным нормальным расчетам на три корпуса» [11, л.4].

По мнению исследователей, подписанные соглашения были очень важны и крайне необходимы для обеих сторон. Украина получала военно-политического союзника на случай агрессии большевиков, вероятность которой казалась все более реальной по мере приближения поражения стран Четверного союза в Первой мировой войне.

Кроме этого, Киев значительно усиливал свои переговорные позиции в параллельно шедшем диалоге с большевиками. Дон в свою очередь приобретал тактические выгоды, а главное – первое (и единственное) юридическое признание суверенитета со стороны полноценного субъекта международных отношений – Украины, признаваемой на тот момент 30-ю государствами мира, и возможность получить от нее финансово-материальную помощь для снаряжения армии [35, с.401].

**Трудности имплементации
соглашений**

Установление добрососедских отношений на практике обернулось различными затруднениями. Так, консульский агент УД в Новочеркасске В.Мищенко докладывал

главе МИД Д.Дорошенко, что на Дону «положение украинцев очень трудное». Обладающих выданными консулом удостоверениями граждан Украинской Державы местных украинцев «чуть не расстреляли». Дело дошло до того, что участились случаи выселения с Дона украинцев «по одним только клеветам, что они большевики ...имущество выселенных конфискуется». В ростовской «почтово-телеграфной конторе скопилось 1 500 000 руб., переведенных с Украины физическим и юридическим лицам, почта рассылает повестки, но денег не отдает» [10, л.11–11 об.]. Примечательно, что все представления В.Мищенко донскому правительству по этим делам оставались без ответа.

Некоторые украинские пограничные чиновники опасались, что Дон станет для Добровольческой армии генерала А.Деникина плацдармом для восстановления «единой и неделимой России». Под угрозой оказались поставки на Дон военного имущества в рамках реализации упомянутого выше «Дополнительного секретного соглашения» к украино-донскому договору. Приведем в связи с этим телеграмму пограничного комиссара министерства путей УД М.Свергуна от 18 октября 1918 г. с грифом «вне всякой очереди», адресованную сразу четырем министерствам (внутренних и иностранных дел, военному и путей). В ней сообщалось о произошедшем 6 октября инциденте и действиях начальника досмотровой заставы участка Луганск–Вергунка, запретившего пропускать на Дон 26 вагонов с имуществом Екатеринославского авиационного парка. При этом пограничный комиссар утверждал, что, несмотря на то что на вывоз этого имуще-

ства с Украины «не было представления и никаких прав от украинского правительства», через два дня эшелон с особо ценным военным грузом «был силой вывезен на Дон» [12, л.70]. Раздосадованный этим инцидентом, М.Свергун потребовал от Киева дополнительных разъяснений для «подчеркивания авторитета украинской власти перед представителями Дона, чтобы последние знали, что они на Украине, а не на Дону, что я и мои сотрудники существуем на заставах не для того, чтобы нам всякий доброволец Дона наносил обиды, а для того, чтобы беспокоиться о благополучии Украинской Державы» [12, л.70]. В связи с этим украинский МИД направил соответствующее представление донскому представителю в Киеве А.Черячукину, но ответа не получил.

Заметим, что препятствия со стороны украинских таможенных и пограничных служб чинились вывозу и «мирной» продукции. Например, 24 октября 1918 г. управляющий отделом торговли и промышленности донского правительства В.Строганов обратился к А.Черячукину с просьбой войти в сношения с МИД УД по вопросу «установления свободного пропуска через ст. Штеровка продовольственных грузов, шедших заводским предприятиям и их Продовольственным комитетам» [13, л.42]. Обращение В.Строганова было вызвано телеграммой Совета съезда горнопромышленников Юга России, где сообщалось, что «чинами украинской таможни при станции Штеровка задерживаются вагоны обуви, хлеба, сахара и фуража, которые идут Боково-Хрустальскому Продовольственному комитету для нужд горнорабочих этого района» [13, л.42 об.].

Донской полномочный посланник А.Черячукин практически сразу отреагировал на вышеуказанные инциденты, подав соответствующее представление на имя министра иностранных дел УД, и добавил от себя, что «это уже не единичный случай бесполезного задержания пограничной стражей товаров, которые идут на территорию Всевеликого Войска Донского». Генерал Черячукин просил министра дать распоряжение «Пограничной страже Украинской Державы не препятствовать товарообмену, который и так туго налаживается, несмотря на пожелания дружественных правительств Украины и Дона» [13, л.40]. 13 ноября 1918 г. А.Черячукин вынужден был вновь обратиться в украинский МИД, на этот раз с просьбой разрешить ему лично войти в сношения «с атаманом Вербицким, комендантом г. Елисаветград и

председателем Елисаветградского союза рабочих, и предъявить требование, как Атаман Зимней Станицы Всевеликого Войска Донского, чтобы грузы, предназначенные Дону, немедленно были отправлены по назначению». На что украинский Департамент иностранных сношений прислал соответствующую телеграмму в Елисаветград и не возражал против непосредственных контактов донского посла с комендантом Вербицким [13, л.50].

3 ноября 1918 г. на станции Скороходово между Полтавой и Харьковом П.Скоропадский тайно встретился с П.Красновым. Встреча была воспринята общественностью как начало воссоединения России на федеративных началах. Позже гетман вспоминал: «Мы решили энергично друг другу помогать в борьбе с большевиками, Украина шла на широкую помощь и деньгами, и военным снаряжением» [42, с.306]. Обнародование же 14 ноября «Грамоты гетмана всей Украины ко всем украинским гражданам и казакам Украины», где отмечалось, что Украине «первой предстоит выступить в деле образования Всероссийской федерации, конечной целью которой будет восстановление Великой России», окончательно лишило П.Скоропадского остатков общественного доверия и в немалой степени обеспечило успех антигетманского восстания. Ни одна из надежд гетмана, связанных с этим шагом, не оправдалась [35, с.410]. А через несколько дней после появления грамоты «великорусские круги уже никакой Украины вовсе не признавали» [42, с.307–308]. В итоге наметившееся сближение просуществовало недолго.

Завершение Первой мировой войны и ноябрьская революция в Германии привели к отзыву на Родину австро-немецких воинских контингентов. Утрата поддержки австро-немецких войск и начало антигетманского восстания сокрушили режим гетмана П.Скоропадского. 14 декабря 1918 года он отрекся от власти и вместе с остатками германских оккупационных сил выехал в Германию. Перед тем как покинуть донскую землю, оккупанты в местных газетах публиковали прощальные статьи: «На этих днях германские войска покинут города Ростов-на-Дону и Таганрог, а с ними и всю Донскую область. Уходя, они приносят горячую благодарность населению за радушный прием и внимание, которым они пользовались в Донской области на протяжении семи месяцев. Они всегда стремились убедить население в том, что явились на Дон не как завоеватели, не для опустошения края, а с

тем, чтобы спасти от гнета большевиков важнейший торговый центр Юго-Восточной России и этим обеспечить дальнейшее развитие мирной жизни и общественной деятельности в области. <...> Единичные случаи злоупотреблений, объяснявшиеся большей частью трудностью общения из-за незнания языка, немедленно разбирались германским командованием, и пострадавшие обыкновенно получали полное удовлетворение» [3, л.13–14]. Атаман Краснов не смог долго сопротивляться политике А.Деникина и 8 января 1919 г. согласился на подчинение командующему Добровольческой армией, а 19 февраля сложил полномочия Войскового атамана и также отбыл в Германию.

Во время антигетманского восстания в ноябре–декабре 1918 года Донская армия с разрешения официального Киева заняла часть территорий Донбасса и Слобожанщины, входивших в состав Харьковской и Екатеринославской губерний. Украинское правительство обязало МИД «просить Атамана Всевеликого Войска Донского ген. Краснова оказать помощь в деле освобождения Харькова и Харьковской губернии от повстанцев» [17, л.93]. 11 декабря Дипломатический отдел УД сообщил А.Черячукину, что «со стороны МИД нет препятствий к охране Русско-Бельгийского завода (ныне – в г. Енакиево, ДНР.– прим. авт.) вооруженной силой Войска Донского на условиях, что Русско-Бельгийское Общество примет на себя все расходы по содержанию этой охраны» [12, л.108]. В обращении к украинцам Войсковой атаман П.Краснов сказал: «Дон не посягнет на ее земли, законы и права. Казаки ...несут спокойствие против врагов свободы» [24]. Однако, после падения гетманского режима и восстановления Украинской Народной Республики Директорией, П.Краснов пытался заручиться дипломатической поддержкой стран Антанты и изменить в пользу ВВД указанную границу. Уже в конце декабря 1918 года, отправляя М.Свечина представлять интересы Всевеликого Войска Донского на Парижской мирной конференции, он поставил задачу добиться присоединения к Дону части Екатеринославской губернии [32, с.190]. Однако надежды П.Краснова не оправдались, поскольку делегацию М.Свечина не допустили к работе мирной конференции ввиду аффилированности Дона с Германией.

Заключение

В завершение заметим, что украинно-донские отношения 1918 года в целом развивались в добрососедском ключе. Наличие общего врага – большевиков – обусловило сближение этих двух временных, прогерманских государственных образований. Сторонам удалось урегулировать территориальный и национальный вопрос, а также заключить договор о взаимном признании суверенитета и независимости. В качестве основы государственной границы взяли административные губернские рубежи, существовавшие в Российской империи, однако с незначительными уступками в пользу Киева. Практические результаты украинно-донского сотрудничества воплотились также в подписании ряда важных двусторонних соглашений в политической, военной, экономической, торговой, коммуникационной сферах. Однако динамично менявшаяся внешне- и внутривнутриполитическая обстановка не оставила ни малейших шансов сторонам углубить партнерские отношения и реализовать свои далеко идущие планы. Более того, крушение Гетманата привело к пересмотру российской стороной установленной линии государственных границ и началу проецирования своих интересов на территории, ранее отнесенной к украинской юрисдикции. В дальнейшем процесс российско-украинского разграничения продолжился в виде масштабных межреспубликанских территориальных обменов, проходивших в 1920-е годы.

Библиографический список

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.Р.-46. Оп.3. Д.36. Л.1.
2. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф.446. Оп.1. Д.14.
3. ГАРФ. Ф.Р.-1261. Оп.1. Д.17.
4. ГАРФ. Ф.Р.-1261. Оп.3. Д.4.
5. ГАРФ. Ф.Р.-6087. Оп.1. Д.12.
6. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ Украины). Ф.1064. Оп.1. Д.6.
7. ЦГАВОВУ Украины. Ф.1064. Оп.2. Д.21.
8. ЦГАВОВУ Украины. Ф.2607. Оп.1. Д.17.
9. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.1. Д.2.
10. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.1. Д.33.

11. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.1. Д.126.
12. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.1. Д.127.
13. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.1. Д.130.
14. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.1. Д.131.
15. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.1. Д.132.
16. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.1. Д.186.
17. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.3. Д.8.
18. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3979. Оп.1. Д.7.
19. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. К.: Основи, 1994. 168 с.
20. Борисёнок Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С.205–237.
21. Борисёнок Е.Ю. «Украинский вопрос» в воспоминаниях чиновников Украинской Державы гетмана П.Скоропадского // Славянский альманах, 2018. №3–4. С.173–189.
22. Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия.1918 год. М.: Вече, 2008. 480 с.
23. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М., 2007. 60 с.
24. Ген. Краснов о событиях на Украине // Киевская Мысль. К., 1918. 26 ноября. №224. С.3.
25. Документы внешней политики СССР. Том 1. 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитздат, 1959. 772 с.
26. Косенко Д.В. Положение немецких воинских частей на Дону: май–ноябрь 1918 г. (на материалах Государственного архива Российской Федерации) // К 200-летию Императора Александра II. Архивные документы по российской истории в научных исследованиях и публикациях. Сборник научных трудов. Сер. «Электронный архив». Научный редактор: Дунаева Н.В., Кашенко С.Г. Санкт-Петербург, 2018. С.204–217.
27. Кринко Е.Ф., Медведев М.В. «...Избрать паритетную комиссию»: документы о передаче Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР в 1924–1925 гг. // Русский архив. 2015. № 3(9) С.204–219; №4(10). С.288–295.
28. Кринко Е.Ф., Таринов И.Е. «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2014. №34 (4). С.639–644.
29. Ленин В.И. Полное собрание сочинений // ПСС. Изд. 5-е, Т.50. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С.365–366.
30. Перетягко А.Ю. Спор о Миусском округе в 1874 г.: неприкосновенная часть Области Войска Донского или историческая Малороссия? // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2016. №40 (2). С.448–456.
31. Приазовский край. 1918. 8 (21) мая.
32. Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. 205 с.

О ГРАНИЦАХ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО И УКРАИНСКОЙ ДЕРЖАВЫ В 1918 г.

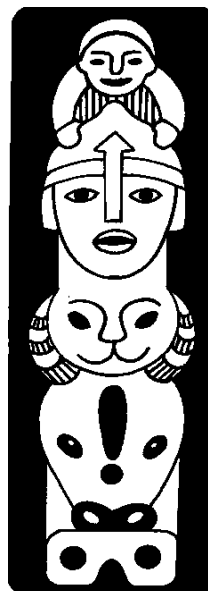
33. Черячукин А. Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. // Донская Летопись. Белград, 1924. №3. С.163–231.
34. Бойко О. Територія, кордони і адміністративно-територіальний поділ Української Держави гетьмана П.Скоропадського (1918) // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Вип. 3. К.: Ін-т історії України НАН України, 2009. С.223–231.
35. Головченко В.І., Солдатенко В.Ф. Українське питання в роки Першої світової війни: Монографія. К.: Парламентське вид-во, 2009. 448 с.
36. Дорошенко Д. Історія України, 1917–1923. Т.ІІ. Українська гетьманська держава 1918 року. К.: Темпора, 2002. 354 с.
37. Єфименко Г. Статус УСРР та її взаємовідносини з РСФРР: довгий 1920 рік. Монографія. Київ, Інститут історії України, 2012. 367 с.
38. Єфіменко Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження пошуки. 2011. С.135–176.
39. Пиріг Р.Я. Діяльність урядів гетьманату Павла Скоропадського: персональний вимір. К.: Інститут історії України, 2016. 518 с.; Его же. Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. К.: Інститут історії України, 2011. 335 с.
40. Реєнт О.П. Гетьманат Павла Скоропадського: українсько-російські відносини – науковий зріз // Національна та історична пам'ять: Збірник наукових праць. Випуск 7. Спецвипуск: «Павло Скоропадський – останній гетьман України (до 140-річчя від дня народження)». К.: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2013. 310 с.
41. Сергійчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. К.: Вид-во П.П.Сергійчук, 2008. 560 с.
42. Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. К.– Філадельфія, 1995. 493 с.

Так называемые правящие классы не могут оставаться долго без войны. Без войны они скучают, праздность утомляет, раздражает их, они не знают, для чего живут, едят друг друга, стараются наговорить друг другу побольше неприятностей, по возможности безнаказанно, и лучшие из них изо всех сил стараются, чтобы не надоест друг другу и себе самим. Но приходит война, овладевает всеми, захватывает, и общее несчастье связывает всех.

А.П. Чехов

Я прожил немало, и чем дольше я живу, тем больше я вижу убедительных доказательств той истины, что Бог управляет делами людей. И если воробей не может упасть на землю без Его ведома, разве возможно, чтобы империя смогла подняться без Его помощи?

Бенджамин Франклин

Владимир Лапин

Память
о
«Покорении Туркестана»

**Войны дореволюционной
России в символическом
измерении¹**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94 (47) 08

Статья посвящена памяти о завоевании Средней Азии в 1860–1880-е годы. В центре внимания – памятники, установленные в местах сражений, а также в политически важных точках этого региона. Большое значение для символического оформления побед в этом регионе играли медали. В то же время следует отметить, что презентация побед в Средней Азии имела откровенно периферийный характер: ни один памятник не появился в Москве и Петербурге, ни один корабль военно-морского флота не был назван в честь побед в Туркестане.

The article is dedicated to the memory of the conquest of Central Asia in the 1860–1880s. The focus is on monuments erected in battlefields, as well as in politically important points in the region. Medals played a great role in symbolizing victories in this region. At the same time, it should be noted that the presentation of victories in Central Asia was frankly peripheral in nature: no monument appeared in Moscow and St. Petersburg, no ship of the Navy was named after the victories in Turkestan.

Ключевые слова: Историческая память; империя; русская армия; Средняя Азия; мемориальные комплексы.

Key words: Historical memory; Empire; Russian army; Central Asia; memorial complex.

E-mail: lapin.ww@yandex.ru

¹ *Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №17–18–01589.*

ПАМЯТЬ О «ПОКОРЕНИИ ТУРКЕСТАНА»

Даже самое поверхностное сравнение списка войн России с реестрами памятников, с военной библиографией, с каталогами батальной живописи и прочими справочниками, позволяющими оценить отражение этих войн и битв в исторической памяти, приводит к важному и однозначному выводу: события национальной (государственной) военной истории, герои этих событий получили очень разную «дань» от потомков.

Упоминания об одних сражениях и военачальниках тиражируются в памятниках, учебниках, кинофильмах, в названиях городов, улиц и кораблей. Их юбилеям придается большое общественное значение, им посвящаются литературные и драматические произведения. Другие войны и баталии нашли в исторической памяти более скромное отражение. Наконец, существует целый ряд вооруженных конфликтов разного масштаба, сыгравших важную роль в судьбе Российской империи, которые при этом заслуживают названия «забытые» из-за ничтожного числа символов, обозначающих их место в национальном историческом мифе. Под мифом здесь понимается наиболее приемлемая и «устоявшаяся» версия изображения прошлого, которая имеет комплиментарный и героический характер, служит для трансляции господствующих идеологем.

Последняя точка в присоединении Средней Азии была поставлена в 1895 г., когда было подписано соглашение с Британией о разделе сфер влияния. За десять лет до этого на Кушке произошел бой между русским и афганским отрядом. Однако финалом боев в Туркестане принято считать взятие туркменской крепости Геок-Тепе в 1881 году.

К этому времени символический язык, использовавшийся для прославления успехов русского оружия, уже сложился в процессе коммеморации победоносных войн XVIII – первой половины XIX вв. Как в исторической памяти о покорении Туркестана проявились символы, прошедшие апробацию в других коммеморативных комплексах? Как менялась эта память в царской, советской и постсоветской России? Какие особенности боев и походов в Средней Азии повлияли на символику мемориальных объектов?

Зачем России Туркестан?

Включение Средней Азии (Кокандское и Хивинское ханство, Бухарский эмират, Туркмения) в состав Российской империи объяснялось

причинами, сходными с теми, которые привели к покорению Кавказа. Первой следует назвать геополитическое соперничество с Англией. Выход к границам Индии был давней мечтой российских генералов и политиков, а британцы грезил расширением своих владений в этом регионе. В отечественном нарративе о походах в Средней Азии победы в этом регионе нередко трактовались как успех в борьбе с «надменной англичанкой». Этим мотивом активно потом пользовались участники экспедиций для повышения значимости своего вклада в расширение государственных границ.

Второй причиной можно назвать имперское расширение – тенденцию многонациональных государств с большим военным потенциалом раздвигать свои границы. Особенно это касалось фронтальных областей при отсутствии четких политических и географических рубежей и при слабом сопротивлении этому расширению. На третье место можно поставить провокации хивинцев, бухарцев и кокандцев, которые грабили торговые караваны и притесняли казахов, принявших российское подданство. Экономические интересы имели более чем второстепенное значение, хотя местный хлопок и шелк рассматривались в качестве важного ресурса.

Карательные операции в ответ на набеги были неэффективны ввиду высокой подвижности нападавших, а также сложности действий в степных и пустынных районах. Разгром экспедиции В.А.Перовского в Хиву зимой 1839–1840 гг. был сродни неудаче М.С.Воронцова в его походе на чеченский аул Дарго в 1845 г. и более чем на десятилетие отбил охоту к масштабным операциям в этом регионе.

Победная поступь в песках

Успех, достигнутый путем устройства укрепленных линий на Кавказе в 1830–1850-е гг., побудил русское командование прибегнуть к устройству аналогичных опорных пунктов

и в Туркестане. 28 июля 1853 г. была взята штурмом кокандская крепость Ак-Мечеть на Сыр-Дарье, ставшая главным пунктом тогда же созданной кордонной линии. Это событие принято называть началом присоединения Средней Азии к России, подобно тому как начало претворения в жизнь плана А.П.Ермолова по умиротворению Чечни и Дагестана в 1817 г. считается началом Кавказской войны. В 1854 году было основано укрепление Заилийское (Верный), которое выросло затем в большой город (ныне Алма-Ата). После шестилетнего затишья

ПАМЯТЬ О «ПОКОРЕНИИ ТУРКЕСТАНА»

боевые действия возобновились. Отряд под командованием генерала Г.А.Колпаковского 21 октября 1860 г. при укреплении Узун-Агач разгромил огромное ополчение кокандского хана. Летом 1864 года русский отряд внезапным ударом взял город Чимкент, один из важнейших пунктов этого региона, но попытка захватить огромный Ташкент небольшим отрядом провалилась. 5 июня 1864 года был поднят русский флаг над крепостью Аулие-Ата (совр. Тараз, в советское время – Джамбул). 12 июня 1865 г. русские войска взяли город Туркестана Ташкент, в 1866 году – Ходжент. В 1868 году кокандский Худояр-хан подписал торговый договор, положения которого означали его зависимость от России. В 1875 году после подавления восстания ханство было ликвидировано как политическая организация, а его земли вошли в состав туркестанского генерал-губернаторства [28, с.7–18].

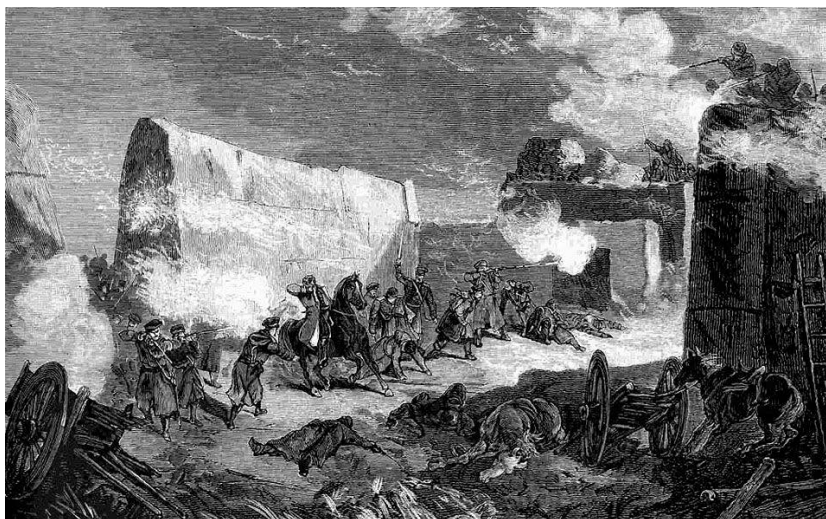
В 1866 г. армия эмира бухарского была разгромлена отрядом генерала Д.И.Романовского у Ирджара. Затем последовали успешные штурмы крепостей Ура-Тюбе и Джизак. В память о последнем штурме был оставлен небольшой обелиск [1, с.547].

1 (13 мая) 1868 года войска под командованием генерала К.П.Кауфмана вновь разбили бухарцев, на этот раз под Самаркандом, и на следующий день вошли в город. Однако после ухода основных сил в Самарканде вспыхнуло восстание и русским солдатам в течение целой недели пришлось отбивать яростные атаки на цитадель, где они укрылись [9, с.7–18]. Это событие стало одной из самых ярких страниц среднеазиатских походов по двум причинам. Во-первых, действительно ничтожному по силам гарнизону, половину которого составляли раненые и больные, удалось противостоять противнику, неизмеримо превосходящему по силам. Во-вторых, картина героической обороны крепости всегда и везде являлась важнейшим способом глорификации, неизменным элементом героического мифа. После поражения на Зерабулакских высотах эмир бухарский согласился подписать 23 июня 1868 года мирный договор, согласно которому его владения вошли в состав России на правах протектората [2, с.223].

Весной 1873 года четыре отряда под общим командованием генерал-губернатора Туркестана К.П. фон Кауфмана двинулись на Хиву из Красноводска, Мангышлака, Оренбурга и Ташкента. Общая численность составила около 12 тысяч штыков и сабель при 50 орудиях. Потерпев поражение в боях на подступах к своей столице в конце мая того же года, правитель этого среднеазиатского государства подписал Ген-

демианский мирный договор, по которому признавал себя вассалом российского императора.

Александр II был чрезвычайно раздражен заносчивым поведением британской делегации на Берлинском конгрессе в 1878 г. и приказал провести военную демонстрацию в Туркмении, поскольку Лондон всегда был чувствителен к ситуации в районе Каспийского моря. Но рейд отряда корпуса генерала Н.П.Ломакина летом 1879 г. к оазису Акал-Теке закончился «конфузом» с большими потерями. В середине июля 1880 года экспедиционный отряд под командованием М.Н.Скобелева подошел к крепости Геок-Тепе. Осажденные неоднократно совершали вылазки, сопровождавшиеся немалым уроном в русских рядах. 12 января 1881 года крепость была взята штурмом. Победа обошлась недешево, потери составили 1100 человек.

Штурм Геок-Тепе. Неизвестный художник

**Самый громкий аккорд –
аккорд финальный**

В ряду событий, связанных с покорением Туркестана, поход 1881 года пользовался несоразмерным вниманием в России. Тому было несколько причин. Прошло совсем немного лет после покорения Кавказа, и при оценке происходящего на восточном берегу Каспия опирались на образы того, что происходило на берегу

ПАМЯТЬ О «ПОКОРЕНИИ ТУРКЕСТАНА»

западном. Сходной была военно-стратегическая ситуация. В первом случае между привлекательным по разным причинам Закавказьем и остальной империей лежал Северный Кавказ. Барьер образовала не только природа, но и воинственные, не желавшие повиноваться горцы, умиротворение которых растянулось на многие десятилетия. В конце 1870-х гг. Хиву, Бухару и Коканд, уже находившиеся под контролем Петербурга, от остальной империи отделял Туркменистан, так же укрепленный природой и населенный воинственным народом. Те, кто одолел в 1859 г. имама Шамиля, а в 1864 г. добился прекращения сопротивления народов Черкессии, получили гораздо большую «долю славы», чем те, кто вел в других местах и в другие годы трудную борьбу за присоединение всего Кавказа. В истории присоединения Средней Азии этот эпизод обрел особую рельефность в значительной степени из-за того, что имел вид торжественного финала.

Упорное сопротивление, которое было оказано туркменами, значительное число убитых и раненых, необходимость проведения масштабных осадных работ – все это придавало взятию крепости Геок-Тепе отрядом Скобелева в 1881 году вид «настоящего дела». Как уже говорилось, исчисление единицами потерь при взятии важных среднеазиатских центров, невысокая боеспособность местных ополчений, редкие случаи нападений «удальцов» на войска смущали авторов победных рапортов и вообще всех тех, кто привык оценивать значение победы объемом крови, которую пролили обе стороны. При осаде Геок-Тепе погиб единственный русский генерал, павший в Средней Азии. На Кавказе, для сравнения, лишилось жизни более десятка чинов такого высокого ранга. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что успешному приступу предшествовал провал экспедиции 1879 года. Эти события придали истории взятия Геок-Тепе выигрышный драматизм, благодаря трагизму первого «акта» и триумфальности второго. Почти все победные нарративы начинаются с описания того, какие трудности встретились на пути к славе, поскольку акцент на силе противника повышает ценность виктории. Кроме того, присущая военной истории дидактичность придавала особый смысл победе 1881 года. Достаточно вспомнить, насколько в рассказе о петровском времени обязательно упоминание о разгроме русской армии под Нарвой в 1700 г., который представлен суровым, но очень полезным уроком.

Закрепление в исторической памяти происходит в форме ментальной реконструкции, которая значительно упрощается, если находит для себя

некую осязаемую опору. Для памяти о войне таковым является генеральное сражение или какое-то иное событие (осада крепости, начало или завершение крупной операции и т.д.). И здесь штурм Геок-Тепе оказался той самой опорой, поскольку известный театральный принцип «единства места и времени» играет важную роль в коммеморации, позволяя составить сценарий, распределить роли и т.д. Отечественная война 1812 года символически умещалась в праздновании годовщины Бородинского сражения, оборона Севастополя предстала в картине штурма 6 (18) июня 1855 г. и т.д.

Наконец, большую роль играло то, что Ахал-Текинским походом руководил М.Д.Скобелев, популярность которого после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вышла за рамки чествования успешных генералов и стала одной из составляющих общественной жизни России. Его имя стало одним из символов антигерманизма и, главное, панславизма. Не случайно смерть «белого генерала» настойчиво объясняли действиями немецкой агентуры.

Награды «За Туркестан»

О том, что к экспедиции 1881 г. изначально было особое отношение, говорит и учреждение особой медали «За взятие штурмом Геок-Тепе 12 января 1881 года». Тем самым

взятие туркменской крепости символически уравнили с такими «паролями русской славы», как Полтава, Лесное, Гангут, Гренгам, Эзель, Чесма, Кинбурн, Очаков, Измаил, Варшава, Прейсиш-Эйлау, Париж, Базарджик, Севастополь, Порт-Артур, в честь которых в XVIII – начале XX вв. также были учреждены аналогичные именные награды.

Первая «азиатская» награда появилась в 1873 г. – серебряная медаль «За Хивинский поход» (отчеканено около 15 тыс. единиц). В 1876 году на другой медали была выбита надпись «За покорение Кокандского ханства», которое было ликвидировано. Владыки Хивы и Бухары, согласившиеся на условия протектората, остались на престоле. В связи с этим появление медали с подчеркнута победной надписью было политически некорректным. Здесь уместно вспомнить деликатность российского правительства, учредившего медали «За проход в Швецию через Торнео» и «За переход на шведский берег». Эти знаки давали тем, кто присоединил Финляндию к России в ходе войны со Швецией 1808–1809 гг. Такая надпись не колола глаза финляндским подданным русских царей, сражавшимся в эти годы под шведскими знаменами. Но

ПАМЯТЬ О «ПОКОРЕНИИ ТУРКЕСТАНА»

повышенное внимание к самолюбию новых подданных в Азии оставляло без специального знака о боевых заслугах тех, кто воевал с бухарцами. Обделенными также ощущали себя солдаты и офицеры, совершавшие экспедиции, не укладывавшиеся в рамки определенных военных кампаний. Поэтому в 1896 году появилась своего рода итоговая награда – медаль «За походы в Средней Азии 1853–1895 гг.». На оборотной стороне были выбиты четыре вензеля – Николая I, Александра II, Александра III и Николая II, на царствование которых эти походы пришлось. Но эйфории всех четырех императоров, при которых происходило присоединение Средней Азии, оказалось недостаточно, чтобы одному из наиболее отличившихся генералов дать почетную приставку к фамилии, как у Н.Н.Муравьева-Карского или И.И.Дибича-Забалканского.

Медали «За походы в Средней Азии 1853–1895 гг.» и «За покорение Кокандского ханства»

В этой номинации завоевание Средней Азии уступает покорению Кавказа, ветераны которого могли быть носителями медалей «За взятие штурмом Ахульго» (1839), «За покорение Чечни и Дагестана» (1859), «За Западный Кавказ» (1864), наградного креста «За службу на Кавказе» (1864). В 1909 г. Николай II учредил еще специальный юбилейный крест, который получили все участники Кавказской войны, дожившие

до 50-летия ее окончания. Кроме того, завоевание Кавказа отмечалось еще тремя медалями за победы над Персией (1804, 1805 и 1828 гг.).

Туркестанские победы на знаменах, картинах и в мемуарах

В названиях восьмидесяти двух полков 1-й очереди армии России указывалось имя почетного шефа от легендарного покорителя Сибири Ермака Тимофеевича до героя оборо-

роны Порт-Артура И.Кондратенко. В этом почетном ряду мы видим четырех генералов-туркестанцев (Г.П.Кауфман, Г.А.Колпаковский, М.Д.Скобелев, М.Г.Черняев), причем последний состоит и в списке героев Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. Аналогичный перечень генералов-кавказцев вчетверо длиннее (Я.П.Бакланов, А.Д.Бескровный, Ф.Я.Бурсак, А.А.Головатый, Е.А.Головин, А.А.Вельяминов, М.С.Воронцов, А.П.Ермолов, Г.Х.Засс, П.С.Котляревский, Ф.А.Круковской, П.Д.Несветаев, Н.П.Слепцов, П.Д.Цицианов, З.А.Чепега).

В русской армии на 1914 год состояло немало полков с названиями по форме географическими, но по сути историко-героическими (Гарутинский, Очаковский, Бородинский и др.). Были также девятнадцать Туркестанских стрелковых полков (1–19-й), но эти названия отражали исключительно место дислокации этих частей. Когда во время войны стали подбирать названия полкам 3-й и 4-й очереди, припомнили множество уездных центров (Гатчинский, Грязовецкий и пр.), но к среднеазиатским топонимам так и не обратились. Исключение составил 775-й Памирский пехотный полк, начавший свое формирование в январе 1917 г. При этом к двум десяткам полков с памятными кавказскими именами (Елисаветпольский, Эриванский и др.) в 1915–1916 гг. прибавилось несколько частей, названных в честь успехов русских войск в боях с турками уже во время Первой мировой войны (Гунибский, Ахульгинский и др.).

В «военно-историческом романе» России завоевание Средней Азии выглядит как «второй том» сочинения о расширении владений Романовых на восток. Первый том, разумеется, посвящен покорению Кавказа. В экспозиции Кавказского военно-исторического музея в Тифлисе в галерее картин, выполненных по заказу Францем Рубо, первое полотно посвящено Персидскому походу Петра Великого 1721–1722 гг., а последнее – бою с афганцами на Кушке в 1885 г. [3, с.29; 24, с.357].

Завоевание Бухары, Коканда, Хивы и Туркмении требовалось вписать в историю «имперской поступи», совместить с коммеморацией не

ПАМЯТЬ О «ПОКОРЕНИИ ТУРКЕСТАНА»

только «славной години» изгнания Наполеона из России, но и Крымской эпопеи 1853–1856 гг., а также Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Известия об успехах в Туркестане использовались как бальзам для национального самолюбия, израненного поражением в Крымской войне. Затем прославление героев Геок-Тепе и Самарканда накрыл мощный, невиданный ранее информационный поток с Балканского и Кавказского театра военных действий в 1877–1878 гг. [12, с.312; 20, с.245; 27, с.36–39]. Характер сражений (прежде всего в плане кровопролития) в обоих случаях был несопоставим. Потери под одной только турецкой крепостью Плевной в 1877 г. в несколько раз превышали число убитых, раненых и умерших в среднеазиатских походах. Поскольку именно человеческие жертвы являлись мерилем ратных заслуг, туркестанцы с трудом завоевывали места в национальном военном пантеоне.

Одним из самых верных признаков большого внимания потомков к событиям прошлого является корпус мемуаров, в которых эти события отражаются. В дореволюционной России, когда пролетарский интернационализм еще не стал препятствием для публикации материалов, касающихся расширения границ империи, было напечатано более 100 воспоминаний о покорении Туркестана, из которых более 20% оказались посвященными походу 1881 года. О еще более контрастном интересе к Ахал-Текинской экспедиции говорит характер публикаций. Из двадцати книг мемуарного характера о присоединении Средней Азии семь (т.е. более 30 %) повествуют о боевых действиях 1881 г. против туркмен. Обращает на себя внимание и тот факт, что публикация записок участников походов 1850–1881 в популярных журналах («Русская старина», «Исторический вестник», «Вестник Европы») дает еще более контрастную картину: о завоевании Коканда, Бухары и Хивы – 15 материалов, о взятии Геок-Тепе – 8 материалов. Хронология публикаций показывает, что было три «всплеска» общественного интереса к боям и походам в Закаспийских песках. Первый имел место в 1873–1876 гг. (11 материалов), что легко объяснить запросом читающей публики, жаждущей подробностей и рассказов из первых рук. Второй подъем интереса в 1881–1887 гг. (27 материалов) был вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, ветераны-туркестанцы таким образом реагировали на то, что их вытесняли из-под лучей славы победители в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Во-вторых, к тому времени многие участники походов вошли в возраст, который предполагал своеобразное подведение итогов (написание записок о своей жизни). Третья волна туркестанских

материалов в 1904–1905 гг. (6 мемуаров) связана с интересом к Азии в связи с шедшей тогда войной против японцев.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. длилась десять месяцев. Завоевание Средней Азии – во много раз дольше, но такой важный мемориальный показатель, как публикация воспоминаний и дневников, показывает, что внимание к борьбе за свободу братьев-славян было гораздо острее. За дореволюционный период было напечатано более 400 записок о боях на Дунае и в Закавказье [13, с.175–188, 190–244].

Навсегда в одном списке

Трудно найти возражения против того, что наиболее заметными знаками памяти о войне являются монументы, которые устанавливают на месте захоронений, на полях сражений,

в главнейших точках публичного пространства (в столицах, в важных административных центрах и т.д.). Последний вариант, как правило, означает, что победа занимает особо значимое место в национальном историческом мифе. Вид памятников, характер церемоний возле них имели существенные различия. Главной задачей надгробия было ограждение места упокоения воинов от суетного мира живых, отметка о месте могилы, поскольку в подавляющем большинстве случаев погибших хоронили не только вне кладбищ, но даже вне населенных пунктов. Обычный ритуал в таких случаях – панихиды «по убиенным» в годовщины их смерти, а также в дни, когда принято особо поминать усопших. Мемориальное значение этих церемоний следует признать вторичным, поскольку вторичным было то, при каких обстоятельствах они покинули этот мир.

При установке памятного знака, игравшего одновременно роль надгробия, вставал вопрос об именах погребенных. По установившейся традиции в таких случаях указывались имена павших офицеров и общее число убитых нижних чинов. Тому было несколько причин. Кроме социального неравенства, на такое различие толкали трудности с воспроизведением на камне или металле нескольких десятков и даже сотен фамилий. При массовых захоронениях солдат не существовало полной уверенности, что выбывший из рядов действительно погиб, а не дезертировал или попал в плен. Внесение живого в разряд мертвых считалось большим грехом.

При малых потерях такой конфуз был практически невозможен. Наконец, вторая половина XIX столетия – время возрастания уважения к

ПАМЯТЬ О «ПОКОРЕНИИ ТУРКЕСТАНА»

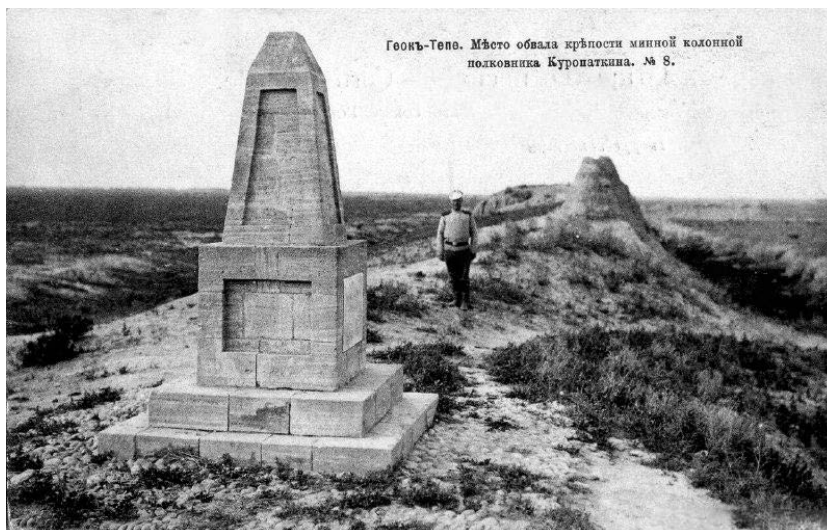

человеческой личности, что не могло не сказаться и в культуре смерти. Это мы видим уже на первом победном знаке, который появился в Средней Азии (г. Перовск) через несколько лет после взятия в июне 1853 года крепости Ак-Мечеть. На скромном обелиске из сырцового кирпича на насыпном кургане были поименно перечислены все семь павших при штурме нижних чинов 4-го Оренбургского линейного батальона [11, с.277].

Но поименное перечисление павших нижних чинов не стало прочной традицией даже в тех случаях, когда численность погибших и технические возможности тому не препятствовали. Об этом свидетельствует надпись на братской могиле возле бухарской крепости Ура-Тюбе: «Здесь покоятся капитан Плец 1-й, поручик Плешков, подпоручик Кончиц и 14 нижних чинов, павших при штурме Ура-Тюбе 2 октября 1866 г. Мир праху вашему, доблестные товарищи. Памятник воздвигнут туркестанцами» [25, с.279]. В 1901 г. стало известно о находке захоронения солдат, погибших при взятии города. Несмотря на то, что документальных подтверждений о том, что это воинское захоронение, найти не удалось, командование приказало поставить там небольшой обелиск. Разумеется, там не было никаких имен. А вот на братской могиле в Самарканде указаны пофамильно все 49 убитых при отражении атак бухарцев 2–8 июня 1868 г. [25, с.281]. В 1900 г. был поставлен памятник солдатам и офицерам Сводного Кавказского стрелкового батальона, погибшим во время неудачного штурма туркменской крепости Геок-Тепе в 1879 г. На четырехметровом массивном усеченном конусе из сырцового кирпича под трехметровым кованым крестом на цинковой доске оказалось только имя майора Федора Дмитриевича Сафонова. Остальные 176 павших названы «стрелками» [21, с.629]. В 1880 г. у почтовой станции Ходжа-Кале на полдороге от Красноводска до Геок-Тепе сотня казаков-кубанцев семь часов отбивалась от большого отряда туркмен, потеряв четырех человек – врача Студицкого, рядовых Ивана Кучеря, Лазаря Масенко и Федора Дудку. Все эти имена можно было увидеть на обелиске, установленном на месте боя в 1899 г. их товарищами из 1-го Таманского полка Кубанского казачьего войска [19, с.1–2]. На беспокойной персидской границе и на еще более беспокойной афганской границе в 1882 г. и в 1885 г. имели место события, которые в XX веке получили название «боестолкновения». В них погибли соответственно три и девять российских воинов. В память о них возле сел Чаача и Таш-Кепри

были поставлены обелиски с поименной росписью участников боев, окончивших там свой земной путь [25, с.298].

23 февраля 1886 года в Ашхабаде по инициативе товарищей по оружию был открыт памятник артиллеристам, павшим в 1880 и 1881 гг. при осаде и штурме Геок-Тепе. Литая чугунная колонна на четырехгранном чугунном пьедестале возвышалась посередине просторной Скобелевской площади возле гарнизонной церкви Св. Михаила Архангела напротив резиденции начальника Закаспийской области. На лицевой стороне, на медальоне, была надпись: «Артиллеристам, убитым и умершим от ран при осаде и штурме Геок-Тепе с 24 октября 1880 года по 12 января 1881 г.». На противоположной стороне можно было прочитать имена павших офицеров: «Убиты генерал-майор Петрусевич, подполковник Мамацев, штабс-капитан Грек; умерли от ран: капитан-лейтенант Зубов, капитан Миткевич-Волчанский, поручик Юренев, подпоручик князь Херхеулидзе». По углам площадки вокруг памятника стояли четыре полевых артиллерийских орудия на походных лафетах и четыре литых фонаря-канделябра [17, с.402].

Обелиск на месте атаки крепости Геок-Тепе колонной А.Н.Куропаткина, 1901 г.

При осаде Геок-Тепе погибло и умерло от болезней несколько десятков офицеров, носивших разные мундиры. Канониры не сыграли во взятии Геок-Тепе, и тем более в других операциях, какую-то особую

ПАМЯТЬ О «ПОКОРЕНИИ ТУРКЕСТАНА»

роль. Стена крепости была взорвана подземной миной, созданной саперами. Главная тяжесть боев и походов легла на пехоту, которая отражала вылазки туркменов, вела нескончаемые перестрелки и шла на штурм укреплений. Наконец, свою лепту в очередное продвижение границ империи сыграли казаки, неустанно прикрывавшие войска и обозы от налетов кочевников. Таким образом, трудно найти причину такого выделения одного из родов войск.

Поскольку взятие Геок-Тепе все более и более приобретало значение особого памятного места, на месте этой туркменской крепости стал формироваться мемориальный комплекс. Прежде других свою роль в окончательном покорении Туркестана постарался запечатлеть А.Н.Куропаткин, командовавший отрядом, который первым ворвался в крепость. 12 августа 1890 г. этот генерал, занимавший тогда пост начальника Закаспийской области, торжественно открыл монумент, на гранях которого перечислялись войска, участвовавшие в штурме. В тот же год в другом месте был поставлен памятник такого же вида в память о войсках, составлявших штурмовую колонну полковника Козелкова [7, с.3]. Когда Куропаткин стал военным министром, в 1899 году появился отдельный монумент чинам туркестанских стрелковых батальонов, которыми он командовал в походе 1881 г. Надпись на нем была такова: «1881 г. 12 января в день штурма крепости Геок-Тепе после 23 дневной осады, 1-я штурмовая колонна под начальством полковника Куропаткина, взорвав миную часть крепостной стены, после упорного рукопашного боя овладела обвалом, взяв при этом обратно 2 наших горных орудия, текинскую пушку и знамя апшеронцев. Отбросив от обвала массы неприятеля, полковник Куропаткин быстрым наступлением первый овладел бугром Геок-Тепе и немедленно, перейдя за северную стену, преследовал на 10 верст в пески опрокинутого неприятеля, решив тем полную победу, давшую России новый край. Вечная память павшим здесь храбрым товарищам-героям. Ура оставшимся живыми. Убито офицеров 3, контужено и ранено 5. Убито и ранено нижних чинов 124. Всего 133 человека – 13% штурмовавших» [25, с.296]. В 1901 г. в рамках празднования 20-летия взятия Геок-Тепе на этом среднеазиатском «поле славы» появилось сразу несколько знаков. На месте гибели генерала Петрусевича поставили обелиск из белого камня в рост человека с двухметровым кованым крестом [8, с.3; 14, с.59–61]. Еще один обелиск поставили на могиле солдат 74-го Ставропольского пехотного полка, понесшего большие потери в Туркмении. К тому времени в Ашхабаде уже стоял

(с 1887 г.) солидный памятник солдатам-ставропольцам, погибшим в Средней Азии. Шестиметровый обелиск возвышался посредине Скобелевской площади, на постаменте названы имена трех офицеров и одного фельдфебеля, а также общее число (24) павших нижних чинов [21, с.172]. Отметим свои подвиги при взятии Геок-Тепе и казаки Таманского полка, поставившие свой обелиск с соответствующей надписью [25, с.297].

Ашхабад. Памятник солдатам и офицерам 74-го Ставропольского пехотного полка, погибшим в 1881 г. при осаде и штурме крепости Геок-Тепе

В том же 1886 г. в Ташкенте был построен Спасо-Преображенский Военный собор. В правом приделе южной стены находились могилы туркестанского генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана и командующего войсками Туркестанского военного округа Николая Александровича Иванова. В том же году воинский мемориал появился у Камаланских ворот старой крепости над братской могилой русских воинов, погибших при взятии Ташкента. Здесь построили часовню, окруженную небольшим садом, ставшую конечным пунктом ежегодного крестного хода, следовавшего из Военного собора через русский город и чрез множество туземных кварталов. На могиле совершалась панихида в присутствии генерал-губернатора. После орудийного салюта процессия отправлялась обратно. Еще одна братская могила находилась в районе, называвшемся Кашгаркой. Здесь упокоились воины, погибшие при неудачном штурме города в октябре 1864 г. В 1910 г. здесь разбили сквер и соорудили памятник: каменный пилон на ступен-

ПАМЯТЬ О «ПОКОРЕНИИ ТУРКЕСТАНА»

чатом основании, увенчанный железным крестом. В нишах пилона помещалось по две доски с надписями.

На месте захоронения шести солдат, погибших под Чимкентом, небольшой обелиск поставили 22 сентября 1889 года, когда отмечали 25-ю годовщину штурма этого города. В 1912 году там, где стояла осадная батарея, сыгравшая большую роль в успешном штурме города, была поставлена каменная круглая колонна, увенчанная крестом. На месте победной атаки установили каменный пилон, окруженный цепью, связывающей четыре пушки [25, с.298–299].

Место и размер имеют значение

Все монументы, воздвигнутые в честь «покорителей Туркестана», были расположены в этом регионе. В Ташкенте, Ашхабаде и других пунктах они напоминали местным жителям (пришлым и туземцам) о былых победах. Но важнейшим местом для презентации главных слов национального исторического мифа являются столицы, поскольку символическим пространством этих городов государство обращено к загранице и это же символическое пространство играет роль для презентации собственным подданным (гражданам). В 1912 в Москве появилась конная статуя генерала Скобелева, слава которого наполовину балканская, наполовину туркестанская. С одной стороны постамента мы видим фигуры воинов в форме туркестанских батальонов, с другой – в форме, характерной для войск, воевавших на Дунае [22, с.119–120].

Количество и качество монументов (их помпезность, художественные достоинства и пр.) по своей значимости для коммеморации уступают месту их установки. Бюст в узловой точке публичного пространства (центральная площадь, пересечение важнейших магистралей, сквер перед зданием парламента и т.д.) может играть большую роль, чем мемориал, воздвигнутый вне мест, нагруженных исторической традицией, где проводятся государственные церемонии.

Административным центром российского Туркестана стал Ташкент – многолюдный город – средоточие торговли, ремесел и культуры. Здесь на пересечении двух древних торговых трасс – Кашгарского тракта (части Великого Шелкового пути) и Кокандского тракта – образовалась огромная площадь. Она столетиями была местом встреч, обмена новостями и торговых сделок – место, имевшее колоссальное значение в сознании всех жителей этого обширного региона. В настоящее время здесь стоит памятник первому лицу в узбекской истории – Тамерлану

Памятник генералу К.П.Кауфману
в Ташкенте. 1913 г.
Архитектор И.Г.Шлейфер

(Амиру Тимуру). Фигура легендарного владыки сменила несколько монументов советской эпохи (бюсты Ленина и Маркса, бронзового Сталина, композиции «Серп и молот», «Маяк социализма», «Программа коммунизма», выполненные из разных материалов).

Именно на этой площади в 1882 году был похоронен генерал Константин Петрович фон Кауфман – строитель империи, сыгравший важную роль в присоединении (покорении) Средней Азии, который с 1867 года был генерал-губернатором Туркестана, в его честь площадь была названа Константиновской. Перенесение праха

Кауфмана в Спасо-Преображенский Военный собор стало важным символическим актом, перекликающимся с захоронением М.И.Кутузова в Казанском соборе Санкт-Петербурга. О военной славе Кауфмана говорили три памятника в районе Самарканда (в память о взятии города, в память о погибших при осаде, в память о погибших в сражении при Зирабулаке») [25, с.280–281].

Ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге до революции не появилось ни одного специального мемориального объекта, посвященного завоеванию Средней Азии. Все они оказались сосредоточенными в пределах самого Туркестана. Аналогичную картину мы наблюдаем и со знаками присоединения Кавказа.

В названиях кораблей всех времен и всех стран просматриваются контуры национальных военных мифов: линейным парусным кораблям, эскадренным броненосцам, дредноутам, авианосцам давали самые значимые имена. Это правители, полководцы, места важнейших сражений и т.д. Корабли, уступавшие линкорам в размерах (фрегаты, крейсера и т.д.), становились плавучими памятниками лицам и событиям второго ряда в героическом пантеоне.

Ни один корабль российского военно-морского флота не был назван в честь побед над бухарцами, кокандцами или хивинцами. Переименование корвета «Витязь» в «Скобелев» в 1882 г. было импульсивным шагом морского ведомства при потрясшем всех тогда известии о скоропостижной кончине известного генерала. Покорение Кавказа также нашло слабое отражение в отечественной каронимике, но все же в составе Балтийского флота был линейный корабль «Дербент» (1722 г.), а в

ПАМЯТЬ О «ПОКОРЕНИИ ТУРКЕСТАНА»

составе Черноморского – фрегат «Эривань» (1828 г.), а также несколько бригов, названных в память о победах над персами в 1826–1828 гг. («Сардар-Абад», «Тавризм», «Ардебиль», «Джаван-Булак», «Аббас-Абад»). Бриг «Мингрелия», построенный в 1813 г. для Черноморского флота, был назван в честь присоединения этого грузинского княжества к России [5, с.117–122].

Присоединение Средней Азии и реабилитация «царских слуг»

У памятников, установленных «покорителям Туркестана», не было ни малейших шансов пережить советскую эпоху. Для одних они были символом национального угнетения,

для других – наследием проклятого царизма и власти угнетателей. Почти все монументы в память о завоевании Средней Азии погибли вне зависимости от того, занимали они важное символическое пространство или скрывались в скверах вдали от важнейших площадей и проспектов. Некоторые были целенаправленно ликвидированы, а некоторые стали жертвой вандализма и разрушительного действия стихий. Известную роль сыграло то обстоятельство, что среди мемориальных сооружений Туркестана не оказалось особо ценных произведений зодчества, которые могли бы претендовать на защиту как памятники архитектуры. На территории советского Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана и Киргизии не оказалось акторов, заинтересованных в сохранении наследия, напоминавшего о завоевании этих территорий. Ни один из видных государственных или военных деятелей дореволюционной России не стал фигурой, которая могла бы способствовать привлечению особого внимания к среднеазиатской главе российского исторического мифа. М.Д.Скобелев в большей степени был известен как борец за свободу славян, к тому же его позиции в отечественном военном пантеоне недостаточно устойчивы. Большое влияние на коммеморацию покорения Туркестана мог бы оказать А.Н.Куропаткин, который вошел в военную элиту империи через заслуги на этой ее окраине. Однако тому воспрепятствовала катастрофа Русско-японской войны 1904–1905 гг., с которой общественное мнение страны связало его имя.

Возвращение к историческим корням, начавшееся в СССР в середине 1930-х гг., очень слабо коснулось памяти о событиях 1860–1870-х гг. Хронологической границей выборочной исторической реабилитации стала Крымская война 1853–1856 гг. Припоминание чего-либо, происходившего после нее для советских историков и пропаган-

дистов было сопряжено с повышенным риском обвинения в политической близорукости, если не в еще более тяжких прегрешениях.

Кроме того, шансы на активную коммеморацию присоединения Средней Азии понизились из-за восторжествовавшего курса на «руссоцентризм» исторического нарратива [4, с.7–16]. До разрушения СССР противостояние советскому историческому мифу не имело ни малейшей возможности прорыва в публичное пространство. Тезис о прогрессивности включения народов в состав России был незыблем, а слова о национальном угнетении и «антиколониальном» движении навевали те же мысли, что и знаменитая фраза «лес рубят – щепки летят», служившая оправданием всего и вся. Над любым припоминанием боевого прошлого народов Средней Азии нависала угроза обвинения в национализме с соответствующими организационными выводами.

На процесс коммеморации присоединения Средней Азии большое влияние оказало то обстоятельство, что походы Черняева, Кауфмана не нашли своего отражения на страницах произведений писателей и поэтов, которых в России принято называть властителями дум. У этого региона империи не оказалось своего Бестужева-Марлинского, Пушкина, Лермонтова, Толстого. Знаменитая «Туркестанская серия» художника-баталиста В.В.Верещагина не компенсировала отсутствия литературных текстов, формировавших представления россиян о событиях прошлого.

Военная история имеет одну особенность, очень важную в контексте коммеморации: победы и поражения, кампании и войны в целом связываются с определенным героем или антигероем. Так, символом стойкости защитников Севастополя во время осады 1854–1855 гг. стали адмиралы Нахимов, Истомин и Корнилов, а лицом, ответственным за сдачу города, был «назначен» А.С.Меншиков. Лицами Отечественной войны 1812 года стали Кутузов, Барклай-де-Толли и Багратион, лицом-символом Кавказской войны – генерал Ермолов. Этот список можно продолжить.

В истории завоевания Средней Азии на эту позицию претендовали сразу несколько человек, из которых наибольшие шансы имели М.Д.Скобелев, М.Г.Черняев и К.Ф.Кауфман. Соперничеству сначала самих этих военачальников, а затем конкуренции их образов будет посвящена отдельная статья-продолжение.

**Память об империи
в независимом Туркестане**

Расставание с имперским прошлым для молодых независимых государств Средней Азии облегчалось

ПАМЯТЬ О «ПОКОРЕНИИ ТУРКЕСТАНА»

тем, что практически все знаки этого прошлого были стерты еще в советское время. Чудом сохранились руины часовни в Ташкенте на том месте, где 17 июня 1865 г. закончился штурм города войсками генерала Черняева. Тогда в братскую могилу возле Камолонских ворот уложили 24 погибших солдата, а через несколько дней туда же перенесли прах умершего от ран поручика Рейхарда. В 1886 году над могилой была поставлена часовня, освященная во имя святого Георгия Победоносца и построенная на частные пожертвования. После 1917 года она была разграблена, но прочные стены устояли. От сноса это сооружение спасла окружающая частная застройка и удачное расположение (не мешала проезду, место не потребовалось для возведения другого объекта и пр.). В таком укромном месте часовня спряталась и от погромщиков-атеистов и от узбекских националистов, активно боровшихся в первые годы правления И.Каримова со всем инородным. В 2019 г. начались интенсивные и очень затратные работы по реставрации часовни, которая зарегистрирована в качестве памятника культурного наследия, за счет министерства культуры Узбекистана [16].

На территории среднеазиатских республик не появилось сил, которые бы могли реализовывать какие-либо неоимперские программы. Российская элита также не проявляла особого интереса к событиям полуторавековой давности в этом регионе, находя другие точки символического сближения (совместная борьба народов СССР с фашизмом на фронте, построение социализма и т.д.). В постсоветское время элиты Туркмении, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана в конструировании новых национальных мифов были скованы своим сотрудничеством с Российской Федерацией в рамках Союза Независимых Государств (СНГ).

Уже упоминавшееся «особое» положение штурма Геок-Тепе проявилось в том, что только в Туркмении годовщина события из истории присоединения Средней Азии к России выделена в календаре. С 1995 г. 6 октября отмечалось как День памяти жертв землетрясения 1948 г., когда погибло более 170 тысяч жителей республики. Официальная церемония проходит на окраине Ашхабада, где был построен впечатляющий мемориальный комплекс «Народная память». На высоком постаменте установлена многофигурная скульптурная композиция – могучий бык поддерживает на своих рогах и спине расколотый земной шар. По всей стране приспускаются флаги, объявляется нерабочий день. В 2014 г. этот день был соединен с днем памяти о жертвах взятия Геок-Тепе в 1881 г. [10].

В 1995 году на месте бывшей крепости была построена гигантская мечеть, посвященная памяти погибших защитников Геок-Тепе, но названная мечетью Сапармурада в честь первого президента Туркмении С.А.Ниязова [15].

Присоединение Средней Азии в историческом мифе России   Завоевание Средней Азии растянулось на три десятилетия, причем наиболее активные действия русских войск в этом регионе пришлось на 1860–1870-е гг.

В этом есть свой резон – к востоку от Каспийского моря Петербург использовал опыт, накопленный за время трудной и кровавой борьбы с горцами, в разных формах: от привлечения войск, воевавших в Чечне и Дагестане, до административных приемов, опробованных в тех же краях. О связи военной истории этих двух регионов свидетельствует памятник, установленный на Кавказе в память о событиях в Средней Азии. Во время Ахал-Текинской экспедиции туркмены во время вылазки захватили в плен артиллериста Агафона Микитина и два горных орудия. Они хотели, чтобы пленный стрелял из пушек по своим, а после его отказа, содрали с живого кожу. В 1887 г. в Темир-Хан-Шуре (Дагестан), где находилась штаб-квартира 21-й артиллерийской бригады, в которой служил герой, был поставлен памятник [18, с.234].

Всего в Средней Азии к 1917 году было установлено 36 мемориальных объектов, символизирующих покорение Туркестана. Примечательна высокая корпоративная активность, следствием которой стало то, что более двух третей памятных знаков установили по инициативе отдельных воинских частей. В обеих столицах России не оказалось ни одного знака воинской славы, заслуженной на Кавказе. Абсолютно то же самое мы видим и в отношении памяти о боях и походах, которые сформировали российскую границу с Афганистаном, Персией и Китаем.

Империя расширялась на восток, затрачивая на это огромные ресурсы, но на ее главных «витринах», где на показ всему миру выставлялись знаки могущества и военной славы, это расширение не было представлено в виде ясных символов.

Библиографический список

1. Андреевский В.В. Военно-историческая летопись 2-го Закаспийского железнодорожного батальона с 1888 по 1910 г. за 25 лет службы. Киев. 1910.
2. Басханов М.К. «У ворот английского могущества». А.Е.Снесарев в Туркестане. 1899–1904 гг. СПб.: Нестор-История, 2015.

ПАМЯТЬ О «ПОКОРЕНИИ ТУРКЕСТАНА»

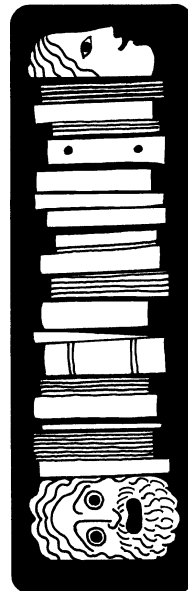
3. Боевые подвиги Кавказских войск. Альбом Картинной галереи Кавказского Военно-Исторического музея. Тифлис. 1899.
4. Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2017.
5. Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872.
6. Внутренние известия // Русский инвалид. 1909. 31 декабря. №283. С.3.
7. Внутренние известия. Геок-Тепе // Русский Инвалид. 1890. 14 августа. №178. С.3.
8. Внутренние известия. Из Асхабада // Русский инвалид. 1901. 11 октября. №222. С.3.
9. Глушченко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.
10. День Памяти в Туркменистане. URL: <http://www.calend.ru>, 29 марта 2019 (дата обращения: 12.09.2019).
11. Добромыслов А.И. Города Сырдарьинской области. Ташкент. 1912. С.277.
12. Зотов П.Д. Дневник // Русский орёл на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами её участников. Записки и воспоминания. М., 2001.
13. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т.3. Ч.2. М., 1980. С.175–188, 190–244.
14. Кияновский М. Русские военные памятники // Военный сборник. 1905. №3. С.59–61.
15. Кондратьев В. Распахать Геок-Тепе! URL: <http://topwar.ru/89817-rasпахat-geok-tere.html> (дата обращения: 12.09.2019).
16. Кудряшов А. На взятие Ташкента. В Узбекистане отреставрируют памятник русским солдатам, погибшим в 1854 году. URL: <http://fergana.media/photos/111726/?country=tj> (дата обращения: 12.09.2019).
17. Маслов А. Россия в Средней Азии // Исторический вестник. 1888. №5. С.402.
18. Памятник Бомбардиру // Исторический вестник. 1887. №4. С.234.
19. Памятник врачу Студицкому и трем казакам 1-го Таманского казачьего полка, павшим в деле с текинцами 21 июля 1880 г. на Бендесенском перевале // Туркестанская военная газета. 1909. 6 декабря. №371. С.1–2.
20. Преображенский И.В. За братьев славян. По поводу 25-летия священной войны 1877–1878 гг. СПб., 1903.
21. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам туркестанской и ташкентской. Ташкент. 1912. С.169.
22. Романюк С.К. Москва. Утраты. М., 1992. С.119–120.
23. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т.19. СПб., 1913. 629 с.
24. Садовень В.В. Русские художники баталлисты XVIII–XIX веков. М., 1955. С.357.
25. Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М., 2006. С.280–281.
26. Флягинский, штабс-капитан. Постановка памятника кавказским стрелкам, убитым 28 августа 1879 г. при штурме крепости Геок-Тепе // Русский инвалид. 1900. 22 августа. №184. С.2–3.
27. Цимбаев Н.И. Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982.
29. Южаков Ю.Д. Шестнадцатилетняя годовщина взятия Ташкента. (Воспоминания старого туркестанца). СПб., 1881.

Великий реформатор приходит не с тем, чтобы рушить, а с тем, чтобы создать, разрушая...

В.Г.Белинский

Революция... есть расплата за грехи
прошлого, есть знак того, что не было
творческих духовных сил реформи-
рования общества.

Н.А.Бердяев

Нина Хайлова

**«ИЗВЛЕЧЬ ИЗ ПУЧИНЫ
ЗАБВЕНИЯ
СТАРЫЙ ЛОЗУНГ:
"В ЕДИНЕНИИ – СИЛА"»:**

**НАДЕЖДЫ И ТРЕВОГИ ЛИБЕРАЛОВ-
ЦЕНТРИСТОВ НАКАНУНЕ СОЗЫВА
I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ¹**

УДК
93/94

На основе материалов периодической печати, а также архивных источников анализируется этап становления политических организаций российских либералов-центристов (между кадетами и октябристами), связанный с их участием в избирательной кампании по выборам в I Государственную думу. В центре внимания – не только партии и другие объединения «умеренных прогрессистов», созданные в Петербурге и Москве (Партия демократических реформ, Клуб независимых, Умеренно-прогрессивная партия, Партия «свободомыслящих», Демократический союз конституционалистов-демократов, Союз мирного обновления), но и некоторые провинциальные организации, возникшие в русле «срединного» течения в русском либерализме начала XX в. В статье предпринята попытка объяснить суть феномена либерального центризма.

The author analyzes the first stage of the formation of political organizations of Russian liberal centrists (between cadets and Octobrists) in January-April 1906, during the election campaign for the first State Duma. Conclusions of the article are based on materials from periodicals and archival sources. The author focuses not only on Moscow and St. Petersburg, but also on other regions of the country, where the mentioned parties, unions, clubs were formed (Partiya demokraticeskikh reform, Klub nezavisimyh, Umerenno-progressivnaya partiya, Partiya «svobodomyshlyashchih», Demokraticeskij soyz konstitucionalistov-demokratov, Soyz mirnogo obnovleniya). The article attempts to explain the phenomenon of liberal centrism.

Ключевые слова: либералы-центристы Петербурга и Москвы; провинциальные политические организации либералов-центристов; избирательная кампания по выборам в I Государственную думу.

Key words: liberal centrists of St. Petersburg and Moscow; the provincial organization of liberal centrists; election campaign for the first State Duma in Russia.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

¹ Продолжение. Начало см.: №6. 2019. С.138.

Слухи о реформах и подготовке соответствующего царского манифеста распространялись с конца 1904 г. «Душа полна чем-то смутным и неопределенным, в чем шевелится и страх, и надежды...» [2, д.25, л.202], – записал в своем дневнике московской городской голова кн. В.М.Голицын, один из лидеров либеральной оппозиции. Его размышления той поры были созвучны настрою и других авторитетных деятелей из числа прогрессистов², которым в недалеком будущем предстояло идейно и организационно обозначить «центр» в либеральном лагере.

Характеризуя переживаемую эпоху как «бесспорно небывало-историческую» [2, д.25, л.217 об.], кн. В.М.Голицын предвидел роковые препятствия для «мирного обновления» России. «Не скомкают ли все это по-чиновничьи» [2, д.25, л.213], – многоопытный управленец вовсе не исключал подобного развития событий. «Очень естественным» представлялось ему желание «служилых» людей «уничтожить всякие реформы», поскольку «их стремления основаны на преданности к самодержавию, но только не царскому, а своему, сиречь к произволу» [2, д.25, л.264]. С другой стороны, кн. В.М.Голицын признавал слабые стороны большинства участников освободительного движения: отсутствие «настоящей, деловой, служебной школы», а также характерное для них «отрицание существующего строя» в сочетании с «бессилием выработать ... что-либо положительное, имеющее заменить непригодное» [2, д.25, л.245]. В связи с этим он не считал панацеей «призыв» представи-

Портрет кн. В.М.Голицына
(худ. В.А.Серов, 1906)

² Термин «прогрессисты» широко трактовался современниками. Чаще всего он использовался как синоним слова «либерал», обозначая всех сторонников прогресса (как партийных, так и беспартийных). В начале XX в., в период складывания российской многопартийности, прогрессистами называли также определенную когорту либералов – «строгих конституционалистов», занимавших срединную позицию между кадетами и октябристами. Тогда же по мере фиксации в российских словарях «левого» тренда в развитии западного «прогрессизма» (в Германии, Испании) стала появляться новая «краска» в определении «прогрессистов» – как членов политических партий, занимающих «середину между либералами и радикалами».

телей оппозиции в ряды вершителей «государственного дела» [2, д.25, л.247].

Автор дневника выражал беспокойство и по поводу отсутствия в массовом сознании россиян опоры для реформ, т.е. готовности к «единодушной и самоотверженной» преобразовательной деятельности. Рассматривая в качестве «поучительного примера для подражания» Германию XIX века, кн. В.М.Голицын в то же время с горечью констатировал коренное отличие ситуации на родине: «Германию создали не правительство, не чиновники, не армия, а общество, его умы, его живые силы, а главное – народное воспитание, личное, гражданское и политическое. В течение сорока лет мы систематически унижали, развращали народ, общество, и вот плоды этого мы и пожинаем» [2, д.25, л.259 об.].

В предчувствии перемен

Грозной опасностью для реализации назревших перемен князь считал также «перегрев» психологической атмосферы в обществе, небывалую «пертурбацию в умах», лишившую всех «сколько-нибудь думающих» людей «спокойствия и самообладания» [2, д.25, л.249 об.]. Фиксируя приметы «патологической» эпохи, кн. В.М.Голицын, по сути, свидетельствовал о той самой «революции в умах», на которую делали ставку либералы [32; 33, с.34–35; 36, с.131–133]. Он категорически отвергал распространенную тогда (и сохраняющуюся поныне) трактовку акций массового недовольства в стране как «чего-то случайного, вызванного беспокойными умами или преступными внушениями». Участник и «летописец» событий пореформенных десятилетий, автор дневника возлагал особую ответственность за судьбу страны на двух последних царствующих особ – Александра III и Николая II. Он не сомневался в том, что стремительный рост общественного движения есть не что иное, как «неизбежный, логический плод царствовавшего у нас в течение двадцати четырех лет режима, плод, который настолько созрел, что малейшего толчка было довольно для того, чтобы он упал на землю. Толчок этот дан был войной [русско-японской, 1904–1905 гг.]» [2, д.25, л.246].

В конце сентября 1905 г. кн. В.М.Голицын свидетельствовал об углублении кризиса – перерастании борьбы против правительства в «междоусобие общества» [2, д.26, л.37]. «Все разбилось, все раздробилось, и фактически движение находится в руках революционной партии» [2, д.26, л.56 об.–57 об.], – читаем запись в дневнике от 16 октября

1905 г. В этот день кн. В.М.Голицын принял решение о добровольном уходе с поста городского головы. Однако, несмотря на мрачный настрой («нам, людям умеренным, нечего более делать»), «старейшина» московского самоуправления и впоследствии оставался авторитетной фигурой среди прогрессистов, по мере сил способствуя сплочению единомышленников.

«Надо поскорее опомниться и безотлагательно взяться за труд»

«Великим днем» в истории России и собственной судьбе кн. В.М.Голицын называл дату обнародования первой российской конституции – Манифеста 17 октября

1905 г. Это событие было встречено с ликованием всеми либералами. Однако наиболее умеренные из них не разделяли бескомпромиссную установку учредительного съезда Конституционно-демократической партии (12–18 октября 1905 г.) на продолжение «штурма» власти с целью созыва Учредительного собрания «на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием» [36, с.83].

«Надо поскорее опомниться, возвратиться к спокойствию и самообладанию и безотлагательно взяться за труд» [2, д.26, л.59 об.], – записал кн. В.М.Голицын в дневнике 18 октября 1905 г. Но уже спустя несколько дней он констатировал назревание «чрезвычайно опасного» явления – «столкновения революции и контрреволюции». В связи с этим – буквально «крик» его души: «Неужели наше общественное сознание так расшатано, что мы уже не в силах твердою ногой стать на открытый путь и следовать ему? Неужели мы способны только на предъявление требований, на гоньбу за идеалами, на отрицание, а раз требования получили удовлетворение, идеалы готовы осуществиться, дело принимает положительную форму, хотя, быть может, неполную и несовершенную, мы оказываемся бессильными и вновь требуем, идеализируем, отрицаем?» [2, д.26, л.61 об.–62].

Надежды бывшего московского городского головы пробудил очередной общероссийский съезд земских и городских деятелей, проходивший в ноябре 1905 г. в московском доме князей Долгоруковых. «Разговоры там принимают все более благоразумное и правильное направление» [2, д.26, л.75 об.], – отметил он под впечатлением от посещения одного из заседаний. Он всей душой был на стороне «громادного большинства съезда», признавшего необходимость «полной амнистии по политическим и религиозным преступлениям», а также отмены

смертной казни. Его настрою соответствовал призыв к созданию «сильной власти, но честной и ответственной перед законом», и в связи с этим – предложение гр. П.А.Гейдена «как можно скорее» издать законы: «об учреждении при губернаторах и в уездах Советов из местных общественных деятелей, а также – о судебной ответственности всякой административной власти» [18, с.441].

С учетом «места и времени»

Особый отклик у кн. В.М.Голицына нашли выступления известных земских деятелей (гр. П.А.Гейден, М.А.Стахович, В.Д.Кузьмин-Караваев), а также либеральной интеллигенции умеренных взглядов (кн. Е.Н.Трубецкой, М.М.Ковалевский). Он полностью разделял их мнение о неприемлемости лозунга Учредительного собрания, призывы не поддаваться «нервно-истерическому настроению» и сосредоточиться на созидательной работе, взаимодействуя с властью на реальной, деловой основе, с учетом условий «места и времени»³. Кн. Е.Н.Трубецкой, заявивший на съезде о необходимости объединения ответственности вокруг кабинета С.Ю.Витте («министерства Манифеста 17 октября»), по сути озвучил заветную мысль самого кн. В.М.Голицына [18, с.476]⁴. Близкой ему была и позиция гр. П.А.Гейдена по вопросу организационного самоопределения земцев-единомышленников: совет не примыкать «ни вправо, ни влево», а образовать «срединную партию», стоящую на почве Манифеста 17 октября 1905 г., и, набравшись терпения, «на первое время» довольствоваться тем, что дано этим документом [18, с.461–462].

Портрет М.М.Ковалевского
(худ. О.Э.Браз,
руб. XIX-XX вв.)

³ Так, М.М.Ковалевский, сославшись на свой опыт 18-летнего вынужденного пребывания во Франции и признавшись в симпатиях к республиканской форме правления, тем не менее заявил, что не видит на своей родине предпосылок для установления таких же порядков: «Во Франции я – республиканец, в России – монархист» [18, с.459–460].

⁴ Согласно записи в дневнике кн. В.М.Голицына от 13 ноября 1905 г., в идеале было бы целесообразно «съезду поехать *in cogrore* в Петербурга и составить из себя, под председательством Витте, подготовительную государственную думу, хотя бы только для производства выборов и для успокоения всякого рода движений» [2, д.26, л.78].

«Полная беспрограммность» власти, ее «полумеры и колебания» [2, д.26, л.84б., 89 об.], а также действия левых радикалов, не встречавшие безусловного осуждения со стороны кадетского руководства, – все это в конце ноября 1905 г. побудило гр. П.А.Гейдена, Д.Н.Шипова и их соратников-москвичей заложить организационные основы «Союза 17 октября». Что касается кн. В.М.Голицына, то и он поначалу собирался примкнуть к близкому ему кругу деятелей, рассчитывая быть полезным в рядах политической партии, «работоспособной и пригодной для созидательного труда» [2, д.26, л.94]. Однако вскоре сбылись его опасения: этот идеал оказался недостижим. Сказывалось отсутствие привычки к политической деятельности и к политическим организациям. Давала о себе знать резкая конфронтация даже внутри одного и того же идейного течения. К тому же становление российской многопартийности было затруднено ограничением политических свобод. Скепсис кн. В.М.Голицына по поводу политических партий разделяли тогда многие. Вместе с тем приближение выборов в I Думу настоятельно требовало от всех тех, кто был неравнодушен к судьбе страны, солидарных усилий для проведения в парламент своих кандидатов.

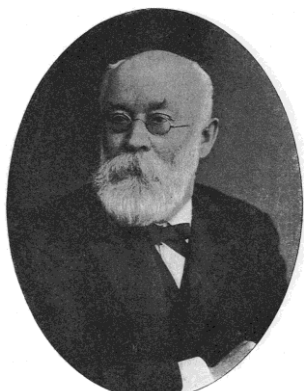
**«Умеренные прогрессисты»,
«центровики»**

В результате, начиная с января 1906 г., в либеральном пространстве между кадетами и октябристами образовался целый ряд политических организаций либералов-центристов, по определению современников – «умеренных прогрессистов», «центровиков». Их практически повсеместная активизация стала ответом на вызов времени – потребность образования «фактического центра» («конституционного») в политической жизни России, призванного играть роль опоры и для правительства, и для общества на очередном историческом перевале [2, д.26, л.150 об.].

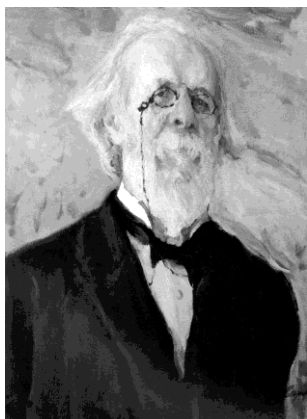
**Партия демократических
реформ**

Первым наиболее заметным опытом политического самоопределения либералов-центристов стала Партия демократических реформ (ПДР), заявившая о себе в январе 1906 г. Она была создана петербургской интеллигенцией, имевшей тесную связь с земством и объединившейся вокруг журнала «Вестник Европы». Среди членов Организационного комитета партии – выдающиеся юри-

сты К.К.Арсеньев и Д.В.Стасов, их младший сподвижник на профессиональном поприще, известный земец и публицист В.Д.Кузьмин-

К.К.Арсеньев

Портрет Д.В.Стасова
(худ. В.А.Серов, 1908)

Караваев, основатель и многолетний редактор «Вестника Европы» М.М.Стасюлевич, ученый-обществовед с мировым именем М.М.Ковалевский, авторитетные экономисты И.И.Иванюков, А.С.Посников, инженер-кораблестроитель К.П.Боклевский, знаменитый химик Н.А.Меншуткин. Редакторский круг газеты «Русские ведомости» стал «площадкой» для формирования московского отделения ПДР (председатель – В.Ю.Скалон, оставивший яркий след в истории российского земства). Либерально-центристское направление прослеживалось и в ряде других периодических изданий, например, публикациях «Биржевых ведомостей». С.М.Проппер, редактор-издатель этой газеты, гласный Петербургской городской думы, упоминался как член ПДР в списке лиц, которых «декреформаторы» и Партия «свободомыслящих» рекомендовали в выборщики по Петербургу во время избирательной кампании в I Государственную думу [19, с.50; 3, т.XIV, л.153 об.:683–684].

Еще в ноябре 1905 г. идеологи «Вестника Европы» заявили о своей солидарности с кадетской партией, поддержав ее стремление к «мирному развитию демократической идеи на почве широкой личной свободы и столь же широкого служения общему, т.е. народному благу». «Правее к.-д. партии мы

не видим ни готовности вступить на путь крупных реформ в области рабочего и аграрного законодательства, ни готовности допустить местные автономии; левее ее мы не видим решимости действовать исключительно мирными средствами» [6, с.366], – так соратники М.М.Стасюлевича обозначили границы своих политических пристрастий.

Вместе с тем разногласия с кадетами по ряду вопросов (организационных, программных, тактических) не позволили им найти для себя нишу в рамках Конституционно-демократической партии. Так, идеологи ПДР в дискуссии с П.Н.Милюковым указывали на бесперспективность заимствования западного опыта «выстраивания» массовой централизованной партии – с жесткой организационной структурой, строгой партийной дисциплиной. В связи с этим они ссылались на кризис данной партийной модели на рубеже XIX–XX вв., засвидетельствованный, в частности,

Проппер С.М.

М.Я.Острогорским. Кроме того, лидеры ПДР обращали внимание и на такое препятствие для возникновения в России политических партий упомянутого типа, как фактическое отсутствие в стране политической жизни. По мнению М.М.Ковалевского, П.Н.Милюков грешил слишком смелым отождествлением «наших скорее политико-философских, чем деловых, общественных течений с западными партиями», стремился «ввести в рамки партии то, что выдерживает уподобление разве с порою разливающимся, порою высыхающим потоком» [15].

В воззвании ПДР «К русскому обществу» в январе 1906 г. подчеркивалось, что «партия, только что выступающая на политическую арену, не должна рассчитывать на безусловное повиновение: слишком мало еще доказана ее жизнеспособность, нет твердой уверенности в безусловно правильном выборе ею путей и средств действия. Решимость примкнуть к партии в момент ее организации вызывается сочувствием основным началам ее программы, выраженным точно и ясно. Соглашаясь работать в духе этих начал, каждый знает, чего они от него требуют и чего не допускают; подчиняясь же партийной дисциплине, он рискует сделаться невольным исполнителем решений, которых он не предвидел и не одобряет» [19, с.28].

Создатели ПДР определяли политическую партию как «свободный, изменчивый в своем составе союз, участники которого, неся ответственность каждый за себя, всецело сохраняют свою индивидуальность» [7, с.353]⁵. Характерной чертой ПДР была аморфная («рыхлая») внутренняя

⁵ Предложенная идеологами ПДР «поисковая» модель партийного строительства, дале-

структура. В ее Уставе отсутствовала строгая регламентация партийной жизни. «Демреформаторы» допускали параллельное членство в других политических объединениях, разделявших начала Манифеста 17 октября. Жизнь подтвердила их правоту: на практике все либеральные партии, в том числе и кадетская, отличались неустойчивостью своего состава, нередкими переходами членов (причем не только на низовом уровне, но и в «высших» партийных этажах) из одной партии в другую. В этом прослеживалась не только принципиальная установка либералов на защиту прав и свобод личности, но и сложившаяся ранее традиция политических объединений как «бытовых союзов» (на основе «дружбы и родства»). Соответственно, последние «не могли быть жестко структурированы и требовать строгой дисциплины от своих сочленов» [38, с.93].

Лидеров ПДР не смущало сравнение их организации с «политическим салоном». Они последовательно разъясняли, что видят свою задачу не в том, чтобы «идти сомкнутыми рядами в бой», а в создании условий для свободного политического самоопределения соотечественников, сплочения единомышленников на широкой либерально-демократической платформе. Со страниц прессы звучал призыв ПДР: «Партия обращается как ко всем тем, кто включил уже свое имя в число той или другой программы, так и к тем, кто не состоит еще членом ни одной партии, и говорит всем: *познай прежде всего самого себя*, выясни хорошенько оттенки собственной мысли, определи более точно природу и размер тех перемен, наступления которых ты желаешь, и, если предлагаемые нами реформы покажутся тебе достаточно широкими и определенно очерченными, включи свое имя в число наших единомышленников» [16].

В публичных выступлениях М.М.Ковалевский подчеркивал особенность ПДР – «широкую терпимость ко всем взглядам». Он сравнивал ее с одной из протестантских сект, которая допускала «самую широкую свободу мнений» и провозглашала одним из своих догматов «нетерпимость к нетерпимости мнений» [3, т.ХІІІ, л.130:570–574]⁶.

кая от трактовки партии как «боевой машины», итурмующей высоты власти, в целом, «вписывалась» в универсальную трактовку политической партии (как «группы лиц, объединенных общими взглядами и стремлениями в области политики и общественной жизни»), представленную на страницах российских словарей начала XX в.

⁶ *Приведем еще ряд характерных высказываний М.М.Ковалевского на этот счет. «Терпимость – это религия будущего. Терпимость основана на уважении к ближнему, как к равному себе. Без терпимости нет свободы» [11, стб.2579], – этими словами немецкого философа Г.Гауптмана русский ученый-политик, по сути, выразил собственное кредо. «Всякое бывает», – так характеризовал М.М.Ковалевский свой способ суждения о людях*

Особый подход «демреформаторов» к партийному строительству отразился и на представлении о том, какой должна быть программа партии. Они предлагали рассматривать этот документ не как ограниченный набор жестких позиций, «сборник правил, которые все одинаково обязательны для каждого члена партии»⁷, а лишь как «выражение, взглядов, могущих служить исходной точкой для общей деятельности», а также ориентир «для более строгого отграничения партии как слева, так и справа» [19, с.83].

Трактовка основного партийного документа как своего рода «эскиза» общественного переустройства сочеталась у «демреформаторов» с убежденностью в том, что он должен содержать вполне конкретные ответы на «злобы дня». Примечательно, что в программе ПДР раньше, чем у кадетов, был зафиксирован ряд ключевых положений, в частности, определен тип государственного устройства России (конституционная монархия). Своеобразно была подчеркнута мысль о ведущей роли государства в жизни общества: в отличие от Партии народной свободы, раздел «Государственное устройство» предшествовал положениям об основных правах граждан [19, с.21–22; 25, с.326–328]. Важнейшие принципы аграрной программы кадетов (частичное отчуждение помещичьих земель, создание государственного земельного фонда для решения проблемы крестьянского малоземелья) также впервые были сформулированы А.С.Посниковым, автором аграрной программы ПДР [19, с.24–26]. «Несомненно, что аграрная программа конституционно-демократической партии, а также партии демократических реформ оказали сильное влияние на многие другие аграрные программы, стоящие и правее и левее» [40], – замечал член кадетского ЦК В.Е.Якушкин.

Принципиальную позицию лидеры ПДР занимали и по вопросам тактики. Это – неизменная приверженность мирному пути обновления

и вещах, не приемля слишком категоричных убеждений [34, с.284]. Он как-то сказал, что всегда старался следовать наставлению Иоанна Златоуста: «Убеждай с кротостью». На собственном опыте лидер ПДР пришел к выводу о том, что «можно ненавидеть ложное учение, но не человека, его исповедующего. Любовь – высшая учительница; она одна может содействовать освобождению людей от заблуждения» [17, с.10].

⁷ *Для того, чтобы стать членом ПДР, достаточно было заявить о поддержке основных положений программы. М.М.Ковалевский присоединился к «демреформаторам» именно на этом условии. К тому же очевидно, что эта организация наиболее соответствовала его идеалу «партии здравого смысла, избегающей всяких крайностей, выше всего ставящей науку и свободное исследование, считающей утопией всякую попытку вызвать переворот в общественном укладе, по крайней мере, переворот быстрый и внезапный, и подготавливающей лучшее будущее распространением в массах знания и уравнением... условий борьбы и конкуренции из-за приобретения необходимого достатка» [14, с.267–268].*

России, категорическое неприятие насилия как «сверху» (административный произвол), так и «снизу». «Демреформаторы» не раз критиковали кадетов за «поклоны влево», призывали выступить с осуждением революционного террора.

«Стремление законными путями к распространению своих взглядов и осуществлению своих идеалов», — именно в этом основатели ПДР видели главный смысл партийной деятельности [7, с.353]. «Вся наша сила в убеждении и слове... Парламентская трибуна — кафедра, которой нет равной» [13], — подчеркивал М.М.Ковалевский особое значение работы в органах народного представительства.

Принципиальной установкой ПДР был курс на создание коалиции прогрессивных сил. Идеологи «демреформаторов» продолжали убеждать участников освободительного движения в необходимости сохранять ту связь, которая «долго еще должна и может соединять, в известных пределах, прогрессивные элементы русского общества», поскольку «слишком еще сильны враги прогресса, слишком еще велика потребность в дружном противодействии попыткам остановить или повернуть назад быстро завертывшееся колесо русской истории» [8, с.893].

Взгляды ПДР находили отклик в разных уголках страны. В начале февраля 1906 г. К.К.Арсеньев свидетельствовал о том, что «особенно успешно идет дело присоединения новых членов из провинции» [3, т.XIV, л.43:209]. По сообщениям прессы, весной 1906 г. отделения ПДР были созданы в ряде городов Центральной России, Сибири, Крыма, Кавказа, Прибалтики.

Партия «свободомыслящих» Наряду с ПДР, накануне и в период избирательной кампании в I Думу в Петербурге проявили себя и другие политические организации либералов-центристов. В ноябре 1905 г. по инициативе служащего Главного управления землеустройства и земледелия, крупного специалиста по садоводству, виноградарству и виноделию А.С.Романовского-Романько, межевого инженера А.В.Успенского, а также их соратников (около 50 чел.) была образована Партия «свободомыслящих». По данным Департамента полиции, в середине 1906 г. ее численность в столице выросла до 650 чел., а в целом по России — до 6000 человек [1, д.1305, л.5]. Членами этой партии были известные ученые (физиолог академик И.Р.Тарханов, крупный специалист в области геологии нефти и газа Н.Н.Тихонович), публицисты, руководители пе-

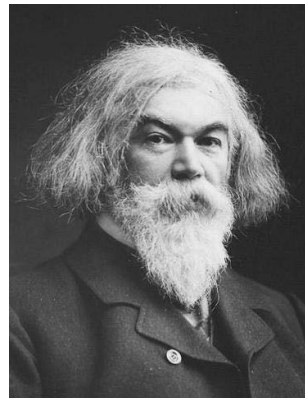
риодических изданий (редактор журнала «Вопросы колонизации» Г.Ф.Чиркин, редактор журналов «Молочное хозяйство», «Деревня», «Крестьянское хозяйство» Е.С.Каратыгин, редактор-издатель журналов «Домашний доктор», «Фельдшер», «Литературный медицинский журнал» Б.А.Окс), писатель И.И.Ясинский и др.

Программа «свободомыслящих» была близка к ПДР. В частности, они заимствовали практически без изменений аграрный раздел основного документа «демреформаторов» [29, с.27–30; 3, т.XIV, л.129:599, 130 об.:607]. Руководство партии признавало и близость своих взглядов с Конституционно-демократической партией. Но «свободомыслящие» идут дальше, подчеркивал А.С.Романовский-Романько, т.к., «кроме народной свободы, требуют еще народовластия, коренных реформ, преследующих культурно-просветительные цели, слабо намеченные в программе Конституционно-демократической партии. Расходятся они еще и в решении национального вопроса: "свободомыслящие" высказываются против автономии, но признают необходимость всемерной защиты национальных языков и культур» [3, т.XIV, л.130 об.:607].

«Наша тактика всецело опирается на присущее нам чувство политической ответственности, – разъяснял Н.Н.Тихонович на одном из предвыборных собраний в феврале 1906 г. – Мы не видим ни в массе народа, ни в его отдельных классах той степени сознательного восприятия совершающихся кругом событий, которая позволяла бы без риска выставить на своем знамени радикальную ломку социальных и экономических отношений, глубоко укоренившихся в привычках народа. ... Жизнь требует, чтобы предварительно произошла полная переоценка существующих отношений, и лишь в меру этой переоценки меняется уклад жизни». Характеризуя задачи своих соратников, Н.Н.Тихонович обращал особое внимание на необхо-

Портрет И.Р.Тарханова
(худ. И.Репин)

Ясинский И.И.

димось «вовлечь народ в активную политическую жизнь, организовать сознательную оппозицию взамен наличного бессознательного недовольства».

«Свободомыслящие» призывали все прогрессивные партии забыть «хотя бы на время о нашей национальной слабости» («как говаривал Петр Великий, русскому люду хлеба не нужно, он жив тем, что грызется между собою») и прекратить раздоры, объединившись на выборах в первый русский парламент «под общим знаменем в одну грозную армию народной свободы» [3, т. XIV., л. 72 об.:321–322]. Примечательна «самохарактеристика» партии как центристской. «Не принадлежа ни к крайним правым, ни к крайним левым, партия "свободомыслящих" стоит на почве мирных и коренных реформ», – заявлял А.С.Романовский-Романько [3, т. VI, л.51:297–298].

Стремясь к реализации своих целей, «свободомыслящие» с апреля по июль 1906 г. издавали еженедельную газету «Мирское дело» (тираж 3000 экз.), распространяли воззвания и другую печатную продукцию общественно-политического содержания, устраивали митинги, участвовали в диспутах и т.д. Был образован специальный партийный комитет, который организовывал помощь безработным (бесплатные столовые и др.). Совершенствование своей тактики они связывали с изучением политического опыта «свободомыслящих» в Германии и других государствах.

Несмотря на «боевой» настрой партии и определенный отклик на ее деятельность в обществе (в т.ч. среди рабочих), среди современников встречался отзыв о «свободомыслящих» как «кучке людей, объединенных добрыми пожеланиями и малоиндивидуальной программой», которым предстояло «вливать свои малочисленные голоса в прогрессивное море, не выдвинув ни одного кандидата из своей среды» [3, т. XIV, л.98 об.:460]. Так и случилось: ни один из членов организации в I Думу не был избран. Уже в декабре 1906 г. партия фактически прекратила существование, а часть лиц, разделявших ее взгляды, примкнула к кадетам [28, с.843–844].

**Демократический союз
конституционалистов-
демократов**

«Мир, свободная работа обновления и протест против всякой тирании», – под таким лозунгом объединились столичные либералы-центристы, учредившие Демократический союз конституционалистов-демократов (ДИСК, Союз народной правды). Он

был образован в конце ноября 1905 г. – начале 1906 г. по инициативе присяжного поверенного, редактора-издателя журнала «Трезвость и бережливость» Д.Н.Бородин. В состав Бюро Союза входил К.Ф.Жаков, ставший впоследствии видным философом и этнографом.

Членами ДИСКа могли быть «лица, желающие активно проводить в жизнь идеи Союза, а также все сочувствующие его целям».

Выступая за «обновление всего строя гражданской жизни на началах правды и человечности», Союз на первое место в своей программе ставил «предоставление земли трудящемуся на ней населению», неотложное разрешение рабочего вопроса («возвращение человеку его прав на человеческое существование, прав человека и гражданина»), широкое распространение просвещения [27, с.22].

Успех в решении поставленных задач ДИСК связывал с объединением «отдельных, однородных по основным политическим положениям организаций, партий и союзов для дружной совместной работы». На первом этапе предполагалось путем привлечения «наибольшего числа единомышленников» создать сильную центральную организацию. Следующим шагом в самоопределении Союза должно было стать формирование сети отделений в губерниях и уездах. Важным условием эффективной работы Союза считалось установление между его членами «взаимной поддержки как в частной жизни, так и в общественной» [27, с.25].

При организации действовал Клуб рабочих (Ораниенбаумская ул., д. 11), где устраивались лекции, литературно-музыкальные вечера, имела библиотека. С целью приобретения «возможно большего числа единомышленников» ДИСК устраивал также бесплатные столовые для безработных (с «лекциями, чтениями и разными развлечениями для рабочих», бесплатной раздачей книг) [3, т.XIV, л.287:1240]. Несмотря на недостаток средств и преследования со стороны полиции, Союз проявлял активность еще накануне выборов в III Думу.

Союз мирного обновления

В отличие от ДИСКа, конституционно-монархическому Союзу мирного обновления, также действовавшему в столичном регионе, удалось выдержать лишь первый предвыборный «марафон». В состав руководства Союза вошли врач-психотерапевт М.Н.Нижегородцев (председатель организации), писатель и публицист Б.Б.Глинский, историк Я.Г.Гуревич, философы Я.Н.Колубовский, Э.Л.Радлов и др.

Э.Л.Радлов

Глинский Б.Б.

Союз провозгласил своими задачами:

«1) изучение выдвигаемых русской жизнью социальных, экономических и политических вопросов и распространение среди всех слоев населения сведений по этим вопросам;

2) идейную борьбу за свободу личности, законность, правопорядок и против насилия и всяких попыток к ограничению гражданской свободы, откуда бы они ни исходили;

3) протест против неправды, обмана и других недопустимых с точки зрения общественной этики приемов политической борьбы и агитации и

4) возбуждение перед законодательной властью и правительством всех тех вопросов, разрешение которых необходимо для проведения и развития указанных начал».

Для достижения поставленных целей Союз предполагал «организацию учреждений справочного и совещательного характера по социальным, экономическим и политическим вопросам», издание собственного периодического органа («и, в особенности, народной газеты»), а также «общедоступных книг, брошюр, листовок, картин и т.д.» [3, т. XIV, л.32:144].

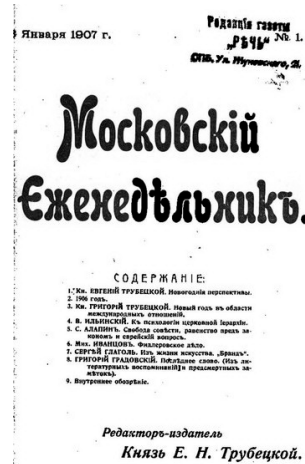
Клуб независимых

Наряду с Петербургом, еще одним центром «собираения» либерально-центристских сил стала Москва. Там практически одновременно с ПДР на схожей идейной платформе возник Клуб независимых. Возглавил эту внепартийную организацию умеренных прогрессистов кн. В.М.Голицын. Членами ЦК Клуба были избраны кадеты (гласный московской городской Думы Н.И.Астров, историк, писатель и правовед С.А.Котляревский, известный психиатр Н.Н.Баженов, крупный земский деятель Н.Н.Львов), член московско-

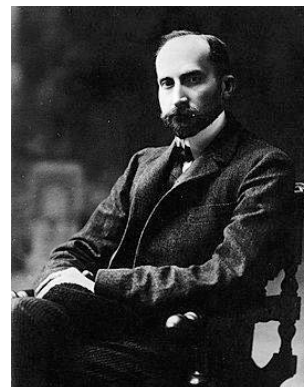
го ЦК «Союза 17 октября», доктор медицины И.Ф.Огнев, а также их беспартийные единомышленники. Среди последних – немало профессоров Московского университета с «громкими» именами (философ и психолог Л.М.Лопатин, математик Б.К.Млодзеевский, метеоролог Г.К.Рахманов, невропатолог В.К.Рот и др.). Одним из лидеров Клуба являлся философ и публицист кн. Е.Н.Трубецкой, покинувший к тому времени ряды Конституционно-демократической партии. Он стал редактором-издателем «Московского еженедельника» – неофициального органа, выражавшего взгляды членов Клуба.

Подчеркивалось, что Клуб, с одной стороны, «объединяет в себе лиц, не принадлежащих к партиям, а с другой стороны, может быть использован в агитационных целях всеми теми партиями, которые в своих программах сочетают конституционный монархизм с демократическими началами». Организаторы Клуба рассматривали его как платформу для образования в будущем новой партии. Первостепенной же целью провозглашалось создание условий для политического самоопределения сторонников эволюции России на путях «мирного прогресса, конституционной борьбы» и обеспечения приоритета интересов широких народных масс в ходе реформ [19, с.410].

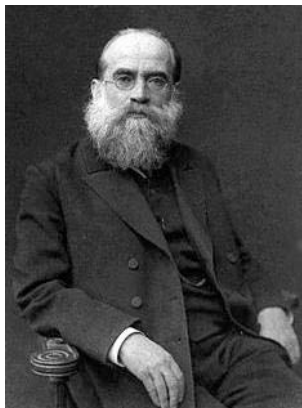
Близкий по программным установкам к Конституционно-демократической партии, Клуб считал своим преимуществом «большой реализм политики». Предполагалось устройство при нем отделений для разработки актуальных вопросов общественного переустройства (прежде всего, касающихся развития местного самоуправления).

Обложка Московского еженедельника

Львов Н.Н.

Лопатин Л.М.

По сообщениям прессы, уже в феврале 1906 г. руководство московских «независимых» получало много заявлений о желании открыть филиальные отделения их организации в разных городах России. Этот процесс продолжался и впоследствии. Клуб сыграл роль своего рода «инкубатора» для Партии мирного обновления, заявившей о себе в период работы I Думы, и прекратил свое существование в мае 1908 г.

Умеренно-прогрессивная партия

Одним из первых опытов партийного самоопределения предпринимателей в русле либерально-центристского течения стала Умеренно-прогрессивная партия (УПП). Она была образована в Москве вслед за обнародованием Манифеста 17 октября 1905 г. «Срединное» положение УПП в либеральном лагере было образно представлено нижегородским кадетом Е.М.Ещиным: «Три архитектора осматривали один и тот же дом. Один сказал, что нужен небольшой ремонт, да и то если пожелает хозяин, другой начал настаивать на более серьезном ремонте – поломке печей и пр. Третий архитектор категорически заявил, что старый дом подгнил в самом основании своем и на его месте необходимо возвести новое здание, воспользовавшись из старого лишь некоторым материалом, который в нем остался крепким, нетронутым. В этом новом здании будет тепло, светло, хорошо. Эти три архитектора – Союз 17 октября, умеренные прогрессисты и конституционалисты-демократы, старый же дом – обветшалый государственный строй, а хозяин – старое правительство» [3, т. VI, л.9 об.:57].

«Умеренным прогрессистам» удалось открыть в Москве пять участковых комитетов (Пятницкий, Тверской, Сушевский, Мясницкий и Арбатский). По заявлениям организаторов партии, к марту 1906 г. ее программа «в некоторых местностях России» объединила «многочисленные массы» [19, с.47]. Характерно, что далеко не единичными были случаи

создания политических организаций «умеренно-прогрессивных элементов» под другими названиями, но на платформе, близкой УПП. Комитеты партии были организованы, в частности, в Ростове-на-Дону, Иваново-Вознесенске, Пскове, Кимрах (Тверская губ.), Тотьме (Вологодская губ.), Юхнове (Смоленская губ.), Ялтинском уезде (Таврическая губ.). По сведениям прессы, основной контингент членов УПП был сосредоточен в Нижнем Новгороде и насчитывал до 500 чел. [3, т. VI, л. 9 об.:57]. Среди наиболее активных членов нижегородской организации УПП – председатель уездной земской управы А.А.Остафьев (он же руководитель местного комитета партии), а также присяжный поверенный Д.В.Серебровский, присяжный поверенный П.И.Абрамов, купец П.И.Лельков, агент пароходного общества «Кавказ и Меркурий» Н.И.Доливо-Добровольский и др. [3, т. XV, л. 138–138 об.].

Несмотря на определенные организационные успехи, деятели УПП констатировали явную недостаточность собственных сил партии для эффективной деятельности на выборах в Государственную думу. К тому же УПП с первых шагов была существенно ослаблена выходом из состава ее руководства братьев П.П. и В.П.Рябушинских. Они тогда сделали «ставку» на свое участие в Торгово-промышленной партии (ТПП), которая быстро превратилась в крупнейшую партию делового мира [20, с. 14]. В связи с возникшей ситуацией В.И.Горнунг, член Организационного бюро УПП, доверенный фирмы «В.Перлов» и владелец виноторговых предприятий, еще во второй половине января 1906 г. обратился к лидерам ПДР с предложением о сотрудничестве. В результате в марте 1906 г. произошло организационное слияние УПП и ПДР под двойным названием – «Партия демократических реформ (народного благоденствия)» [19, с. 47–49]⁸.

Горнунг В.И.

⁸ Предложение о переименовании ПДР в «Союз народного благоденствия» (с тем, чтобы сделать название партии более доступным пониманию широких масс) внес М.М.Ковалевский в феврале 1906 г. [21].

На началах «справедливости, любви и сплоченности»

Накануне выборов в I Думу организации либералов-центристов, различавшиеся степенью «притяжения» к полюсам либерального лагеря (кадетам и октябристам), стали характер-

ной чертой политической жизни не только в Петербурге и Москве, но и в других регионах страны. Приведем лишь несколько примеров.

Так, в ноябре–декабре 1905 г. в Перми по инициативе «чинов местного окружного суда» образовалась Конституционно-либеральная партия Прикамья. Ее возглавил земский и общественный деятель, присяжный поверенный Н.В.Павлов. Членами комитета партии стали также врач В.Ф.Предтеченский, купец А.П.Гаврилов, заводчики В.Е.Тупицын и И.В.Сорокин, начальник коммерческой службы Пермской железной дороги Скворцов и др. Партия состояла из лиц, «не во всем сочувст-

Павлов Н.В.

вующих» кадетской программе. Обращалось внимание на особенности новой политической группы: признание возможности автономии окраин; отстаивание всеобщего, но не прямого избирательного права; предложение решать аграрно-крестьянский вопрос путем «принудительного отчуждения частновладельческих земель по справедливой оценке и законодательного урегулирования арендных отношений».

Основные направления деятельности партии заключались в следующем: участие в избирательной кампании с целью проведения в Государственную думу «кандидатов, солидарных с принятой партией программой и стремящихся к обеспечению основных гражданских свобод, на условиях конституционного устройства России»; «защита гражданской свободы от всякого рода произвола и насилий»; поддержание постоянного взаимодействия между членами партии и ее исполнительными органами путем созыва общих и местных собраний. С целью пропаганды идеи освободительного движения, ознакомления «сознательных слоев населения» со своей программой партия устраивала лекции и собрания, планировала издание собственного печатного органа, распространяла разного рода агитационные материалы («листочки, брошюры и т.д.»), в т.ч. через сеть самостоятель-

но организуемых «дешевых библиотек») [23; 3, т.VI, л.259–335 об.; т.XV, л.163–165, 376 об.–379 об.].

По инициативе виленского римско-католического епископа барона Э. фон Роппа в начале февраля 1906 г. в г. Вильно была создана Конституционно-католическая партия Литвы и Белоруссии. Она объединяла литовских помещиков, часть римско-католического духовенства, часть интеллигенции и мещанства, тяготеющих к польской культуре и Польше, находила отклик в среде рабочих и крестьян. Как отмечалось в прессе, программа этой партии во многом была близка Партии центра в Германии и гораздо радикальнее «Союза 17 октября» [3, т.I, л.159 об.:1163].

Либералы-центристы Литвы и Белоруссии пропагандировали свои взгляды на страницах собственных органов печати. «Успех партии получился сразу выдающийся, и она насчитывала тысячи членов среди различных слоев населения всего Северо-Западного края» [3, т.XV, л.11], – отмечалось в прессе. Сопратники Э. фон Роппа характеризовали свою деятельность как «легальную и успокоительную». Тем не менее их партия, организованная на принципах «справедливости, любви и сплоченности», подвергалась преследованиям со стороны властей, как «не отвечающая интересам государственной политики в крае». В связи с этим уже в марте 1906 г. она была вынуждена прекратить свою деятельность «до того момента, когда в государстве, в котором зарождается политическая жизнь, партии легального направления смогут возникать не только на почве государственной политики в крае, но и сообразуясь с волею местного населения, согласно его потребностям» [3, т.I, л.161:1178, л.161 об.:1184].

На началах «правды и справедливости» была разработана и программа Союза обновления (Бессарабия), который также выступал за «единение всех любящих родину граждан в целях борьбы с реакционной и революционной анархией и дружной созидательной работы». В программе Союза содержалось требование не только расширения общегражданских свобод, но и «полного раскрепощения» церкви, постановки ее на «истинно-христианские начала» [3, т.I, л.103:696–697].

Э. фон Ропп

В Новочеркасске тогда же заявила о себе Донская прогрессивная партия во главе с известным общественным деятелем И.Н.Ефремовым. Местные прогрессисты устраивали предвыборные собрания (впрочем, по сообщениям прессы, «не отличавшиеся многолюдством»), распространяли среди населения воззвания [3, т.XV, л.50–51].

«Партия древних»

«Особость» феномена либерального центризма во многом была обусловлена социальным составом его приверженцев, личностными характеристиками идеологов. Фактически

располагая общей с другими либеральными организациями электоральной базой (крайне разнородной, включавшей в себя прежде всего средние городские слои, с опорой на либерально-демократическую интеллигенцию и земских деятелей), партии, представлявшие «центр центра», «притягивали» к себе, в основном, «зрелых» людей, прошедших «школу жизни». Если средний возраст членов «самой молодой» из либеральных партий, кадетской, составлял 35–45 лет, то, например, ПДР нередко называли не только «профессорской», но и «партией древних», намекая на возрастной диапазон руководства (61–80 лет). В партиях либералов-центристов (как и в «Союзе 17 октября») весомый процент составляли чиновники (в том числе крупные)⁹, а также предприниматели¹⁰. Однако при всей разнородности этого контингента, он все же (в отличие от представителей тех же социальных слоев в составе «Союза 17 октября») характеризовался выраженным радикализмом и сближался по своему политическому настрою чаще всего с кадетами, стремившимися ускорить процесс модернизации, способствовать формированию социально-ориентированной рыночной экономики.

---

⁹ Так, к ПДР примкнули члены руководства Департамента окладных сборов Министерства финансов (К.И.Ровинский, начальник 2-го отделения, и А.Н.Веснин, начальник 3-го отделения), а также И.М.Тютрюмов, тов. обер-прокурора, обер-прокурор 2-го департамента Сената. В Партии «свободомыслящих» состояли Г.Ф.Чиркин (служащий Переселенческого управления Главного управления земледелия и землеустройства), С.С.Шилкин (чиновник при канцелярии Комитета министров).

¹⁰ В состав руководства московского комитета ПДР входил, в частности, С.П.Фармаковский, член Совета съездов горнопромышленников Урала, управляющий делами крупнейшего на Урале синдиката железозаводчиков «Кровля». Немало предпринимателей было избрано в ЦК Клуба независимых в Москве. Среди них – представители известных предпринимательских династий (В.А.Бахрушин, А.С.Вишняков, В.А.Абрикосов и др.).

**Дух независимости
и склонность к поиску
компромиссов**

Целый ряд лидеров центристского течения в русском либерализме был связан по происхождению с дворянским сословием. В лице своего передового отряда оно, как известно, сыграло определяющую роль в формировании «общества» в России, наложив на него отпечаток в виде характерных политико-психологических, мировоззренческих установок и поведенческих моделей, среди которых особое место занимали дух независимости и склонность к поиску компромиссов [30, с.102]. Представляется, что характерные черты, отличавшие идеологов либерального централизма (строго принципиальная позиция по этическим вопросам, высокая «планка» требований к себе и окружающим), имели под собой также «дворянскую» основу (понятие о чести, совести, долге, патриотизме, верности слову и т.д.). Отсюда – их неизменный интерес к проблеме политики и нравственности, подчеркивание чрезвычайной важности вопроса о роли религии и церкви в «повестке дня» общественных преобразований. Именно в политических организациях либералов-центристов эта тема, пожалуй, впервые в истории российской многопартийности была обозначена как одна из приоритетных. Признанный вклад в обоснование позиции либералов-центристов по данному вопросу внесли деятели круга «Московского еженедельника» во главе с кн. Е.Н.Трубецким.

Фактор профессионализации

Среди «патриархов» срединного течения в русской либеральной мысли и практике начала XX в. примерно половину составляли люди с высшим юридическим образованием. Много присяжных поверенных и их помощников, а также юристконсультов входило в состав (в т.ч. руководящий) политических организаций либералов-центристов не только в Москве и Петербурге, но и в провинции. Их общественно-политическая деятельность, отличавшаяся особой энергией и последовательностью, ориентацией на практику, несла на себе явственный отпечаток правового (юридического) профессионального мышления [12; 31, с.12–19]. Это обостренное чувство справедливости, признание незыблемости приоритета прав человека, стремление к решению задач общественного переустройства с помощью юридиче-

ских средств и способов при условии соблюдения принципа преемственности правовой культуры и критического отношения к зарубежным заимствованиям в законодательной сфере. Прагматичный подход сочетался у них с верой в «святость буквы и духа закона», склонностью к порядку и законопослушности. Присущая труду юристов коллективность (в силу взаимопереплетения их работы с деятельностью других специалистов, различных ведомств и т.д.) также имела немаловажное значение в выдвижении их на политическом поприще в роли активистов-консолидаторов.

«Малое стадо»

Главные ориентиры либералов-центристов – ценности «здорового смысла» (гуманизм, разум, солидарность), а потому взгляды этих деятелей не вписываются в рамки какого-

либо идеологического направления. Вместе с тем имеются все основания для идентификации их как либералов, поскольку осевой проблемой общественного переустройства они признавали обеспечение прав и свобод Личности [37, с.19, 25]. Однако значимым фактором, который позволяет объединить их в одно «течение», является не столько содержание партийных деклараций, сколько ментальный склад, тип темперамента. Именно нравственно-психологические характеристики «центровиков»¹¹ создавали предпосылки для их взаимодействия с беспартийными прогрессистами, а также «наведения мостов» с представителями других политических лагерей (эта деятельность приносила определенные плоды даже в период революционной Смуты, но во многом была рассчитана на перспективу). Вместе с тем такие качества либералов-центристов, как, например, неприятие любого насилия (в том числе партийного диктата), затрудняли процесс их внутри- и межпартийной консолидации, порождали «фракционную» обособленность соратников. Впрочем, сами они трактовали последнюю как полезный корректив

¹¹ *Типичный либерал-центрист – это редкий нравственный тип личности, для которого органически чужды разного рода моральные сделки и лицемерие, неприемлемо «плыть по течению». «К такого рода метаморфозам я чувствую себя совершенно неспособным», – признавал кн. В.М.Голицын, считая себя в этом смысле «отставшим от времени» [2, д.26, л.80 об.]. Подобный настрой был присущ целому ряду «зачинателей» либерального центризма. Характерными чертами «малого стада» (так, по аналогии с евангельской притчей, кн. В.М.Голицын называл близких ему «по духу» общественных деятелей) являлись также доброжелательность и открытость, постоянная саморефлексия, «недоверие к себе или сомнение в себе» [2, д.26, л.81–81 об.], критическое мышление.*

партийной односторонности, условие существования политического «многоголосья», без которого, по их убеждению, невозможно глубокое постижение реальности и прогресс.

**«Утверждение партии
правительством –
явный абсурд...»**

Несмотря на «миролюбивый» настрой и стремление к легальной деятельности, ни одна из упомянутых нами партий либералов-центристов, вышедших на политическую арену весной 1906 г., не была «удостоена» официальной регистрации. Все они фактически оказались на нелегальном положении и находились под постоянным подозрением у властей. «Утверждение партии правительством – явный абсурд как потому, что правительство является здесь судьёю в собственном деле, так и потому, что отказом в утверждении не прекращается, а лишь затрудняется деятельность партии, – не переставал разъяснять К.К.Арсеньев. – ...Все партии законны; незаконными могут быть только действия. ... Реестр партий, с правдивой их оценкой, может быть составлен только историей» [10; 9; 7, с.353–354]. Ему же приходилось не раз выступать в защиту т.н. малых партий, реагируя на уничижительные характеристики и насмешки по их адресу, в том числе со стороны кадетов. Оппоненты заявляли о том, что подобные объединения бесперспективны, фатально обречены на небытие. Однако К.К.Арсеньев, ссылаясь на опыт политической жизни ряда европейских государств, был уверен в том, что эти партии имеют реальный шанс занять свою нишу в общественном движении: «В критические моменты парламентской жизни каждая из них будет, без сомнения, примыкать к наиболее симпатичной для нее крупной группе; но в обыкновенное время вполне мыслима самостоятельная работа малочисленных организаций, более подвижных, менее связанных партийной дисциплиной» [5, с.207]. Благодарной задачей для небольших партий, по мнению К.К.Арсеньева, могла бы служить детальная разработка тех вопросов общественной жизни, которые им наиболее близки и интересны. Именно на это и ориентировались многие организации, возникшие в русле «срединного» течения в русском либерализме. Их опыт подтвердил правоту лидера ПДР.

«Генералы без армии»

Организационные особенности политических объединений либералов-центристов не позволяют с точностью определить численность их

рядов. Оценить реальные силы (а главное – потенциал развития) партийных и иных структур, созданных в русле «срединного» течения в русском либерализме, помогает информация об обширной географии их распространения. Кроме того, сравнительно малая численность либерально-центристского «актива» не исключала его значительного влияния на умы современников, попадая в резонанс с достаточно массовыми настроениями. В связи с этим критику умеренных прогрессистов, нашедшую отражение в характерных ярлыках («генералы без армии» и т.п.), не следует воспринимать как «приговор».

Примечательно, что уже среди современников были те, кто проницательно отмечал «значительный интерес, как практический, так и научный», тех «промежуточных партий», которые в силу ряда причин тогда оказывались «эффемерными» [29, с.7]¹². Представляется, что в наши дни очевидна роль ПДР и близких ей организаций как своеобразной лаборатории политической мысли и практики. Заслуживает внимания их опыт (так и оставшийся не завершенным до 1917 г.) создания либеральной партии «почвенного» типа, по словам кн. Е.Н.Трубецкого, «партии исторического смысла» [3, т.ХIII, л.130 об.:573], т.е. максимально адаптированной к своеобразию России. Взгляды лидеров ПДР на партийное строительство трактуются в новейшей историографии как попытка разработки модели массовой партии нового типа, разновидности «сетевой» структуры – с гибкой системой членства, неформальной системой лидерства, значительной самостоятельностью местных отделений, настроенной на взаимодействие со всеми конструктивными деятелями и группами, разделяющими ее ценности и стремления [35]. В организационных принципах либералов-центристов просматриваются контуры т.н. «универсальной партии», стремящейся к «собиранию» большинства населения на широкой идейной платформе.

Одновременно деятели либерального «центра» занимались поиском оптимальных форм внепартийного объединения близких политических сил. С этой целью в 1906 г. по инициативе М.М.Ковалевского в России были возрождены масонские ложи. «Новейшее масонство задумывалось не как новая партия или сверхпартия, а как средство внедрения в политически активную часть общества идеи согласия и компромисса.

¹² В некоторых обзорах итогов развития российской многопартийности, опубликованных весной 1917 г., партии либералов-центристов (ПДР «с примкнувшей к ней Умеренно-прогрессивной партией», Партия «свободомыслящих» и Партия прогрессистов) были включены в число «всех сколько-нибудь значительных [выделено в тексте. – Н.Х.] политических группировок» [24, с.3, 7–22].

Принципы масонства, противопоставленные нетерпимости и фанатизму, должны были, согласно этому замыслу, получив известное распространение, приостановить дробление сил оппозиции» [26, с.165], – подчеркивается в современных публикациях. В качестве «площадок» для расширения круга единомышленников умеренные прогрессисты использовали также политические Клубы, «Общества обывателей и избирателей».

«Потенциальное сообщество» Объективно отражая интересы большинства населения, идеологи прогрессистов в то же время признавали, что пока не могут рассчитывать на его активную поддержку. Очевидным для них был тот факт, что «заботы» основного слоя общества (по выражению «Московского еженедельника», «равнины», или «центра», «среднего класса») «крайне немногочисленны и несложны и сводятся к возможности мирно жить и делать свои делишки. Политика сама по себе, специально, его не интересует, и для него часто безразлична форма государственного порядка, для него важен *порядок*, прочный, обеспечивающий существование». Конкретизируя представление о «центре» в обществе, публицисты упомянутого издания разъясняли: «Это – ученый, желающий беспрепятственно заниматься своей наукой, художник, желающий работать в своей студии, торговец, чиновник, приказчик и т.д., наконец, тот, кто называется просто "обывателем". Такие представители "равнины" найдутся в каждом классе общества, в каждой профессии, даже в каждой партии, поскольку партии состоят не только из активных и вполне сознательных членов, но и из пассивных, малосознательных элементов» [4, с.39–40]. Подчеркивалось, что представители «равнины» в случае пробуждения у них «политического инстинкта» предпочитали организационно примыкать к партиям более многочисленным (а значит, согласно обыденным представлениям, более успешным и перспективным).

Представляется, что упомянутый весьма масштабный контингент населения можно охарактеризовать как «потенциальное сообщество», для институционализации которого (превращения в организованные структуры общения и солидарности, в том числе политические партии) обычно требуется много ступеней и переходных форм, а также соответствующие условия [39, с.547]. Несмотря на то, что в России начала XX в. невозможно было рассчитывать на решение столь грандиозной

задачи, прогрессисты сохраняли надежду на «грядущее торжество» в общественном сознании «центра над крайностями».

На пути к «прогрессивному блоку»

А каковы же были характерные черты и итоги первого «боевого крещения» либералов-центристов – их участия весной 1906 г. в предвыборной кампании? Еще в январе ПДР

выступила с призывом к единомышленникам «извлечь из пучины забвения старый и временно забытый лозунг: "в единении – сила"» [22], образовать «прогрессивный блок» на выборах. Партия предлагала действовать единым фронтом всем тем участникам «левого центра политической армии», кто, подобно ей, резко отграничил себя от крайних левых партий отрицанием возможности внезапного переворота в общественном строе, а от правых партий – «решительным разрывом с остатками бюрократического режима и признанием необходимости коренных преобразований не только политических, но и социальных» [19, с.27–28].

Предвыборное заседание петербургской интеллигенции. Март 1906 г.

Малочисленность организаций либералов-центристов не позволяла им, действуя в одиночку, рассчитывать на успех у избирателей. Методом «проб и ошибок» происходило сближение прогрессистов как с «себе подобными», так и более крупными политическими силами, в том числе кадетами и октябристами. Так, в Петербурге представители Союза мирного обновления и ДИСКА первоначально заключили предвыборное соглашение с Объединенным комитетом конституционно-монархических партий, куда вошли «Союз 17 октября», Прогрессивно-экономическая партия, Партия правового порядка и Всероссийский торгово-промышленный союз. Однако уже в конце февраля либералы-центристы вышли из блока «для более успешного свободного развития своей деятельности в прогрессивном демократическом духе». В частности, деятели ДИСКА признали своим «непростительным промахом» присоединение к упомянутому предвыборному союзу: «Блок нас погубил, мы испортили свою репутацию» [3, т. XIV, л. 287:1240; 27, с. 22–25].

ПДР удалось наладить в столице взаимодействие с Партией «свободомыслящих» и выставить общий список кандидатов. Однако их сближения с кадетами не произошло из-за тактических разногласий¹³. Вместе с тем, как отмечалось в столичной прессе, «блеск» имен лидеров «демреформаторов» (К.К.Арсеньев, Н.А.Меншуткин), включенных конституционными демократами в их избирательные списки, усилил привлекательность «партии П.Н.Милюкова» в глазах населения и, таким образом, способствовал ее успеху. Несмотря на высокую «конкурентоспособность» и ряда других кандидатур от ПДР (А.Н.Турчанинов, Ф.К.Эвальд), прошедших в выборщики по Петербургу, ни один из них в Думу не попал. Очевид-

Меншуткин Н.А.

¹³ Идея «прогрессивного блока» представляла для кадетов интерес, прежде всего, с позиций укрепления «руководящей и направляющей» роли собственной партии. Самостоятельность ПДР являлась для лидеров конституционных демократов «раздражающим» фактором. «Несговорчивость» «демреформаторов» привела к тому, что кадеты заняли жесткую позицию по вопросу о количестве кандидатов от либералов-центристов в предполагаемом общем списке выборщиков. Камнем преткновения в межпартийных переговорах по вопросу о создании блока стало и выдвинутое соратникам П.Н.Милюкова требование обязательного голосования выборщиков от ПДР и «свободомыслящих» на завершающем этапе избирательной кампании за назначенных кадетским руководством кандидатов от этой партии.

но, далеко не последнюю роль в этом сыграл принцип партийной дисциплины: кадетские выборщики, которых оказалось подавляющее большинство, на заключительном этапе выборов проголосовали «как надо», т.е. за список, намеченный руководством их партии.

Что касается Москвы, то предпринятая ПДР в феврале 1906 г. попытка сближения с «активом» Клуба независимых не дала ожидаемых результатов¹⁴. Московское отделение ПДР и члены упомянутого Клуба выступили на выборах заодно с кадетами, проголосовав за кандидатов Партии народной свободы.

Гораздо успешнее сложилась судьба кандидатов от ПДР в регионах. Партия все-таки оказалась представленной в I Думе именами своих лидеров (М.М.Ковалевский¹⁵, В.Д.Кузьмин-Караваев¹⁶), а также авторитетных местных деятелей¹⁷. Примечательно, что взгляды, с проповедью которых выступала ПДР, находили ощутимый отклик и поддержку в провинции, в т.ч. в рядах кадетской партии¹⁸, а также «Союза 17 октяб-

¹⁴ С агитационной целью Москву посетили тогда М.М.Ковалевский и А.С.Посников. Однако «левизна» аграрного проекта ПДР отпугнула землевладельцев – членов Клуба независимых. Во время выступления А.С.Посникова представители дворянства испытали состояние, близкое к шоку, выслушивая его объяснения по поводу того, что за отдельными помещиками следовало бы оставить не более 50 десятин земли. При этом он заявил, что только желание достигнуть соглашения побудило его пойти на уступку: сохранить за владельцами по 100 десятин земли.

¹⁵ Заметное влияние на окончательное решение М.М.Ковалевского участвовать в выборах в I Думу оказал историк В.О.Ключевский. Кандидатура М.М.Ковалевского получила наибольшее количество голосов по Харьковской губ. Сочувствовавшие ему избиратели отметили полное соответствие ученого основным, неформальным, требованиям к народным представителям: обладать обширными познаниями и государственным умом, «быть честными, самостоятельными и состоятельными, дабы не зависеть от разных случайных явлений материального характера, иметь дар слова и политические убеждения ни крайних левых, ни крайних правых, но они должны быть прогрессивными, либеральными» [14, с.352; 3, т.IX, л.337 об.:2110].

¹⁶ В.Д. Кузьмин-Караваев был избран от Тверской губернии, причем его кандидатура также прошла большинством голосов (85 из 116-ти), опередив таких видных кадетских деятелей, как Ф.И.Родичев, И.И.Петрункевич [3, т.IX, л.149 об.:1064].

¹⁷ От Рязанской губ. был избран земский деятель В.К.Федоровский. Примечательно отражение в прессе «эволюции» его партийности на протяжении избирательной кампании: сначала он характеризовался как член кадетской партии, затем – как примыкающий к ней, но отрицающий «автономию Польши и национализацию земли», а накануне начала работы Думы – как член ПДР [3, т.VII, л.212 об.:1236]. Политическая позиция либералов-центристов импонировала казачеству. Их посланниками в I Думе стали члены ПДР И.П.Лаптев (от Сибирского казачьего войска), А.М.Скасырский (от Области войска Донского).

¹⁸ В разгар избирательной кампании в I Думу о своей солидарности со взглядами М.М.Ковалевского заявил, в частности, В.А.Караулов, лидер правой группы Красноярско-

ря»¹⁹. Нередкой была и ситуация, сложившаяся на выборах в Перми. Там местная Конституционно-либеральная партия вступила в блок с Партией народной свободы. Однако, несмотря на «первенствующую роль» последней в избирательной кампании, кадеты имели в губернии «средний успех», уступив по числу поданных голосов беспартийным и членам «умеренных» партий. Избранные в I Думу члены Конституционно-либеральной партии (В.Н.Грамматчиков, Н.В.Павлов, Н.С.Селиванов) примкнули в нижней палате к Группе депутатов – членов ПДР.

Грамматчиков В.Н.

«Эта партия агитировала лучше, шире...»

Окончательный перевес сил в пользу кадетов на выборах в I Думу в Москве и Петербурге (и в других местностях) объяснялся не в последнюю очередь большей отлаженностью пропагандистской кампании и материальными возможностями этой партии. Важнейшую роль в ее победе сыграл и тот факт, что именно кадеты выделялись среди участников предвыборной борьбы наиболее радикальной критикой действий правительства. Заслуживают внимания и мысли Д.Н.Шипова (в ту пору еще члена ЦК «Союза 17 октября»), который обратил внимание на весьма тонкий, но важный психологиче-

го отделения Конституционно-демократической партии [3, т. XI, л. 222:1350–227 об.:1362].

¹⁹ Так, сочувствовавший принципам ПДР («безусловно конституционный образ правления, отрицание необходимости Учредительного собрания, отрицание как непреложной истины – четырехчленной формулы») харьковский октябрист кн. А.Д.Голицын, участник выборов в I Думу, на одном из предвыборных собраний разъяснил, почему он не счел для себя возможным примкнуть к кадетской партии, где «много лиц, к которым он относится с глубоким уважением». Во-первых, он характеризовал эту организацию как «партию на случай», имея в виду неустойчивость, изменчивость ее воззрений. Во-вторых, его настоятельно присутствия среди соратников П.Н.Миллюкова приверженцев республиканского строя («недаром этот вопрос дебатировался на съезде 12 января»). В-третьих, «у них борьба скорее за право идейное, чем за право материальное. Большинство членов – теоретики, бездушные идеологи. Их обещания – это оппозиция, демонстрации, манифестации и забастовки и пренебрежение к делу». И это – в то время, как, по мнению кн. А.Д.Голицына, следовало «осторожнее относиться к теории и выбирать людей, которые будут делать дело» [3, т. IX, л. 339 об.: 2121].

ский фактор, серьезно разделявший отечественных конституционалистов. «Конечно, эта партия, – заметил Д.Н.Шипов, имея в виду кадетов, – агитировала лучше, шире [...] и эти более совершенные приемы агитации понятны со стороны людей, которые видят в вечной борьбе все значение своей деятельности. Люди, исходящие из такого руководящего начала, конечно, всегда будут бороться успешнее, чем те, которые не видят в борьбе цели, а смотрят на нее как на неизбежное зло» [3, т. V, л.220:1319].

Избиратели у подъезда Городской думы во время выборов выборщиков в Первую Государственную думу. Петербург, 20 марта 1906

Первые итоги

Наиболее влиятельные силы либерального центризма в лице ПДР смогли преодолеть сложности начального этапа организационного становления, совпавшего с первой избирательной кампанией в нижнюю палату российского парламента. В стране, охваченной революционной стихией, либералы-центристы взяли на себя роль «медиаторов», призывая к конструктивному сотрудничеству все здравомыслящие политические силы, независимо от партийных перегородок и административных барьеров. Несмотря, в целом, на про-

вал этой «затеи», именно деятели «центра центра» задали тогда вектор развития нарождавшегося народного представительства. Уже в течение зимы–весны 1906 г. они продемонстрировали политически активной части населения собственную модель строительства свободной России, составившую впоследствии конкуренцию реформистским проектам кадетов и октябристов. Избирательная кампания по выборам в I Думу подтвердила факт, несомненный для «демреформаторов» с самого начала: партийные лозунги не вошли еще «в плоть и кровь русского народа»²⁰. Предвыборная деятельность позволила либералам-центристам «замерить» степень востребованности своих идей, стала отправной точкой для дальнейших шагов.

(Продолжение следует)

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.102 (Департамент полиции). ОО. 1906. 1 отд.
2. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф.75 (кн. В.М.Голицын).
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.1072 (Собрание материалов по истории выборов в I Государственную думу).
4. Алексеев В.П. Реакция и общество // Московский еженедельник. 1906. №35. 18 ноября. С.39–51.
5. Арсеньев К.К. Ближайшее будущее наших партий // Московский еженедельник. 1906. №7. 22 апреля. С.205–207.
6. [Арсеньев К.К.] [Внутреннее обозрение] // Вестник Европы. 1905. №11. С.360–374.
7. [Арсеньев К.К.] [Внутреннее обозрение] // Вестник Европы. 1907. №1. С.346–360.
8. [Арсеньев К.К.] [Из общественной хроники] // Вестник Европы. 1905. №4. С.889–902.
9. Арсеньев К.К. К вопросу о легализации партий // Страна. 1907. №6. 7 января.
10. Арсеньев К.К. Легализация партий // Страна. 1907. №4. 5 января.

²⁰ В прессе того времени содержались многочисленные примеры, подтверждавшие данный вывод. «Мы должны по человечеству выбирать, а не по партии», – приводила одна из газет мнение старика [3, т. XIV, л. 256:1129]. Показательна и ситуация, имевшая место на выборах в Москве: «Когда простому люду предлагали бюллетени "конституционно-демократической" партии, они отказывались их брать и брали между тем очень охотно бюллетени партии "народной свободы"» [3, т. V, л. 191 об.:1192; т. XII. л. 76:396]. Обычным явлением в прессе того времени были упоминания о лидерах ПДР как «конституционалистах-демократах», а сама партия «преподносилась» читающей публике как «одно из разветвлений партии "к.-д."».

11. Гауптман Г. Терпимость // Запросы жизни. 1912. №45. Стб.2579–2582.
12. Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. / сост. К.А.Барышева, О.Л.Дубовик, И.И.Нагорная, А.А.Попов; отв.ред. О.Л.Дубовик. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. Т.4. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения. 585 с.
13. Ковалевский М.М. Взгляд в ближайшее будущее // Страна. 1906. №73. 16 мая.
14. Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 784 с.
15. Ковалевский М.М. Оставшиеся за флагом // Страна. 1906. №54. 23 апреля.
16. Ковалевский М.М. Партия до и после начала парламентской жизни // Страна. 1906. №5. 24 февраля.
17. Ковалевский М.М. Русская конституция. СПб.: тип. С.М.Проппера, 1906. 48 с. [Политическая библиотека «Биржевых ведомостей». Вып.5].
18. Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. / отв.ред. В.В.Шелохаев, сост. Д.Б.Павлов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 648 с.
19. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / отв.ред. В.В.Шелохаев, сост. Н.Б.Хайлова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 528 с.
20. Партии российских промышленников и предпринимателей: Документы и материалы. 1905–1906 гг. / отв.ред. В.В.Шелохаев, сост. В.Ю.Карнишин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 248 с.
21. [Партийная жизнь] // Страна. 1906. №1. 19 февраля.
22. [Передовая статья] // Страна. 1906. №4. 23 февраля.
23. Потемкина Л.И. Пермская конституционно-либеральная партия 1905–1907 гг. // Вестник Пермского университета. Серия: Лингвистика. 1998. №2. С.134–141.
24. Программы политических партий в России / под ред. И.В.Владиславлева. М.: б.и., тип. О.Л.Сомовой, 1917. 80 с.
25. Программы политических партий России. Конец XIX–начало XX вв. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. 464 с.
26. Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 256 с.
27. Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных сведений о российских политических партиях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах / сост. В.Иванович [псевд.]; ред. Г.Фальборк и В.Чарнолуский. СПб.: типо-лит. Б.М.Вольфа, 1906. 252 с.
28. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв.ред. В.В.Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 1087 с.
29. Сборник программ политических партий в России / с предисл. В.В.Водовозова. Вып.2. СПб.: кн.маг. «Нашей жизни», 1906. 72 с.
30. Секиринский С.С. «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. / отв.ред. В.В.Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С.99–110.

31. Соколов Н.Я. Профессиональная культура юристов. Понятие. Сущность. Содержание: учебное пособие. М.: Проспект, 2017. 320 с.
32. Соловьев К.А. Концепция революции в кадетской публицистике 1905–1907 гг. // История государства и права. 2017. №19. С.39–45.
33. Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906–1917 годах. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
34. [Социально-экономическое обозрение:] Поль Дешанель и М.М.Ковалевский о синдикализме и парламентаризме // Запросы жизни. 1912. №5. Стб.281–288.
35. Хайлова Н.Б. Либералы-центристы о проблемах партийного строительства в России в начале XX в. // Власть. 2012. №11. С.166–169.
36. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 863 с.
37. Шелохаев В.В. Либерализм в России: перспективы изучения // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Сборник материалов Международной научной конференции. 28–29 сентября 2018 г., Орел, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева / под общ. ред. д.и.н., профессора В.В.Шелохаева. Орел: ОГУ, Издатель Александр Воробьев, Издательский Дом «ОРЛИК», 2018. С.16–28.
38. Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Политические партии России начала XX в.: особенности явления и перспективы изучения // Россия XXI. 2019. №5. С.84–101.
39. Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 609 с.
40. Якушкин В.Е. Аграрный вопрос в Государственной думе // Страна. 1906. №159. 13 сентября.

Настоящая жизнь – постоянное,
бесконечное разнообразие.

Мильфорд Прентис

Россия будет голодать по знающим и способным людям, – на всех поприщах: от бухгалтерии до медицины, от профессуры до агрономии, от церкви до армии. И особенно – в политике.

И.А.Ильин

Рой Медведев

**«МИР КОГДА-НИБУДЬ
БУДЕТ ЕДИНЫМ,
НО ПРИ ЭТОМ –
МНОГОЦВЕТНЫМ...»¹**

УДК
94(47).08:35

В интервью автор дает свои ответы на вопросы об отношениях Китая, России и США, успехах и неудачах России и Китая в послевоенный период, на рубеже XX и XXI столетий и в наши дни. Также автор излагает собственное мнение о социализме с китайской спецификой.

In an interview, the author gives his answers to questions about the relations of China, Russia and the USA, the successes and failures of Russia and China in the post-war period, at the turn of the 20th and 21st centuries and today. The author also sets out his own opinion on socialism with Chinese characteristics.

Ключевые слова: Китай; Россия; США; отношения этих стран; китайский социализм; опыт СССР; опыт Китая; Дэн Сяопин; Си Цзиньпин.

Key words: China; Russia; USA; relations of these countries; Chinese socialism; USSR experience; China experience; Deng Xiaoping; Xi Jinping.

E-mail: ecc@ecc.ru

---

¹ От редакции: Предлагаем ответы известного историка и публициста Р.Медведева на вопросы журнала ЦК КПК «Современный мир и социализм».

Журнал «Современный мир и социализм» –
политический и идеологический журнал ЦК КПК.
Пекин.

Уважаемый Рой Александрович!

Здравствуйте. У нас есть к Вам несколько вопросов для социального интервью. Просим Вас ответить.

Вопрос

В 1991 году СССР распался. Как, по-Вашему, нашла ли Россия к настоящему времени свой путь?

Ответ

К сожалению, этого пока не произошло. Россия продолжает пока находиться в поиске собственного пути устойчивого развития. Попытка провести в стране за несколько лет что-то вроде капиталистической революции и перестроить, да еще путем «шоковой терапии», всю нашу прежнюю планово-директивную государственную социалистическую экономику на основе поспешно введенной частной собственности и рынка, закончилась уже в 1992–1998 гг. полной неудачей и глубоким кризисом.

Новое руководство страны строило свою экономическую политику в основном на принципах прагматизма, реализма и просто здравого смысла. Но оно не отказалось и от тех концепций монетаризма, а позже и глобализма, которые копируют разработанные в США «чи-кагские модели», модные там в конце XX века.

Но экономика – это не точная наука, и каждая страна должна разрабатывать свою «модель» – с учетом собственных преимуществ и недостатков, географии и природы, исторического опыта, психологии нации и т.д. Нам надо разработать свою собственную «российскую модель» с ее региональными вариантами. Этого сделано не было. Поэтому успехи России в экономическом развитии в последние 30 лет невелики.

Россия сознательно отказалась в эти годы от ясного государственного регулирования экономических процессов. В результате многие из них шли стихийно и анархически, а, стало быть, и очень противоречиво. У нас в последние 30 лет сложилась очень сложная многоукладная экономика, где, кажется, можно найти всё, и где законы дей-

ствуют слабо. Во многих отраслях нашей экономики возобладал государственный сектор. Я называю его сектором государственного капитализма – по причинам, которые было бы долго объяснять. Это практически вся наша военная промышленность, атомная энергетика, космическая отрасль, гидроэнергетика и линии электропередач. К государственному сектору относятся в России все железные дороги и мосты, большая часть регулярного международного авиасообщения («Аэрофлот»), судостроения и гражданского авиастроения. Все самые крупные и главные банки страны – это государственные банки. К государственному сектору относится почтовая связь, все виды специальной связи, все главные телевизионные каналы. Все главные медицинские и образовательные услуги населению предоставляются государством. До 80% газовой и нефтяной промышленности, а также нефтепроводы и газопроводы – это тоже государственный сектор. По некоторым оценкам, он составляет у нас около 50% ВВП, по другим данным – до 70% ВВП. Мы считаем, что это около 60% ВВП, то есть даже больше, чем в Китае.

Но и частно-капиталистический сектор победил у нас в стране в очень важных отраслях. Частный сектор доминирует у нас в торговле, в угольной отрасли и металлургии, в таксомоторном транспорте, в автобусном международном транспорте. Вся туристическая отрасль – это частный сектор. Общественное питание и большая часть пищевой промышленности – это частная отрасль. Полиграфическая промышленность, целлюлозно-бумажная промышленность, большая часть издательского дела, в том числе газеты и журналы, охранный бизнес – это частный бизнес. В целом частный бизнес дает стране около 25% ВВП. Средний и малый бизнес – это также всегда частный сектор.

В России работают тысячи иностранных предприятий – в производстве автомобилей и сельхозтехники, строительных материалов, лекарств, домашней техники, одежды и обуви, мебели, напитков, в общественном питании и в торговле, в банковом бизнесе, в разного рода услугах. Считается, что иностранный сектор дает стране до 10% ВВП.

Остальные 5%, а по некоторым подсчетам и 10% ВВП в России производятся на смешанных государственно-частных предприятиях и на предприятиях российско-иностранного сектора. Сохранилось в России и небольшое число социалистических предприятий. Их в на-

шей печати называют народными предприятиями, – они принадлежат всему коллективу. Большую часть городского хозяйства принято называть сектором муниципального социализма. Это общественный транспорт, водоснабжение, уборка улиц и т.д. Наиболее крупным предприятием такого рода является метрополитен, который многие экономисты относят к городскому, но государственному, железнодорожному транспорту.

Немалую роль играет в России и натуральное хозяйство. В нашей стране имеется более 69 миллионов небольших огородов и садов, площадью в 600–10000 кв. метров. Они принадлежат главным образом жителям городов. Здесь производится до 70% всего картофеля и до 50% многих овощей и фруктов. Продукция идет не на продажу, а для личного и семейного потребления. В основном – эта работа для пенсионеров. Но и многие, более молодые люди, приезжают сюда на выходные дни, сочетая полезный физический труд и отдых. В деревне – это более крупные личные подсобные хозяйства, обычно в 2,5 тысячи кв. метров. Здесь есть обычно коровы, мелкий скот и птица, но также – для семейного потребления. Налогов в этом натуральном хозяйстве не платят.

Я привел не все виды хозяйственной активности в современной России. Здесь многое переплетено. Часть акций государственных компаний может принадлежать иностранному и частному бизнесу. Мелкие фермерские хозяйства в деревне объявляют себя индивидуальными подсобными хозяйствами. Они продают часть своей продукции, но не платят налоги. Велика роль индивидуальной трудовой деятельности – «самозанятость». Это частные врачи, репетиторы, домашняя прислуга, ремонт, уход за больными и детьми. Таким трудом занято до 10–12 миллионов человек. Все это не капитализм и не социализм. Я называю это многоукладным хозяйством, которое сложилось стихийно и в котором только сейчас власти пытаются установить какой-то порядок.

Вопрос

Каковы, по-Вашему, основные успехи и просчеты современной России в период искания своего пути?

Ответ

За последние 20 лет Россия добилась в некоторых отраслях немалых успехов, но разного рода неудач также было немало. Назову лишь некоторые из этих успехов и неудач.

Россия достигла больших успехов в государственном военном производстве. Это стало ответом на западное давление на нашу страну, а значимые результаты были достигнуты при опоре на очень большие достижения Советского Союза еще в период «холодной войны» в 1960–1980 годы. У нас сохранились с тех пор большие производственные мощности, и очень квалифицированные кадры ученых, изобретателей, конструкторов и инженеров. Очень помогли в сохранении российского ВПК и заказы из Индии, других стран и, особенно, Китая.

Большое развитие в последние 20 лет получила атомная энергетика. Нас многому научила Чернобыльская катастрофа. Россия создала самый большой в мире атомный ледокольный флот и сумела продвигаться в освоении Северного Морского Пути, который уже начал перевозить десятки миллионов тонн грузов. Развивалась нефтепереработка и нефтехимия. В последние 5–6 лет большие успехи показывает российский аграрный сектор, особенно зерновое хозяйство, птицеводство и свиноводство. Значительного развития достигла торговая отрасль. Советский Союз был страной всеобщего дефицита. Сегодня дефицита нет, и полки наших магазинов полны товаров. Успешно развиваются угольная и металлургическая промышленность. Мы производим много строительных материалов и много строим. Этот список успехов России можно продолжать долго. Но очень велик и список наших неудач.

Главная неудача: в России почти не увеличивается, а в последние 4–5 лет даже уменьшается реальный уровень жизни населения и реальные доходы рабочих и служащих. Этот рост был в 2004–2008 гг., но потом почти прекратился... Сохранение положительной динамики наблюдается лишь в меньшей части регионов. Растет, и очень заметно, различие в доходах 10–20% богатой и очень богатой части населения и 10–20% бедной или даже очень бедной части населения. Во многих регионах страны ухудшился уровень образования и здравоохранения. Очень медленно развивается российская наука.

Россия отстала от очень многих стран в производительности труда и в применении новых технологий. У нас почти нет суперкомпьютеров. Еще в советское время наша страна отстала в электронике и особенно в микроэлектронике, во всех областях интернет-бизнеса, в производстве роботов. Наше технологическое отставание от передовых стран увеличивается. Мы не производим своих смартфонов и айфонов, домашних компьютеров.

Россия очень сильно отстала от многих стран в легкой промышленности, в машиностроении и станкостроении, в производстве лекарств, в производстве мебели и домашней техники. Мы отстаем в производстве легковых машин и современной медицинской техники. И этот список наших неудач и просчетов можно продолжить.

Вопрос

В последние годы в России электоральная поддержка КПРФ стала ниже, и только «Единая Россия» является настоящей большой партией. Как Вы оцениваете сегодняшнюю партийную политику в России?

Ответ

КПРФ является сегодня единственной настоящей оппозиционной партией. Она резко критикует и правительство, а часто и Президента, в Государственной Думе и в своей печати. У КПРФ очень большая печать – много газет и в Москве, и во всех крупных городах и регионах. Эта партия весьма достойно защищает интересы бедной части населения – и рабочих, и служащих, и интеллигенции, и крестьян. Однако на выборах фракция КПРФ получила лишь 40–45 мест из общего числа мест 450. Причин такого положения много, и я назову только самое главное.

Во-первых, КПРФ идеализирует все советское прошлое. Получается так, что до 1985-го года в стране все дела шли хорошо, а только после 1985-го года стало все ухудшаться. Но это не так. И в Советском Союзе основная часть населения жила очень бедно. Зарплаты были очень низкими, а товаров было очень мало. Мы могли покупать только товары советского производства и очень плохого качества. Я не мог купить себе хороший костюм и хорошую пишущую машинку. Мой сын не мог купить себе даже самую дешевую автомашину и квартиру для молодой семьи (а деньги были). Никто из нас не мог поехать на отдых или как турист в другие страны. Во всей стране, кроме Москвы, не было в продаже мяса, масла, хороших продуктов.

Плохим было медицинское обслуживание. Зарплата учителей и врачей была очень низкой. В это же время, особенно во времена Л.Брежнева, была очень сильная коррупция, а у тех, кто стоял у власти, было много привилегий.

Во-вторых, КПРФ очень активно и навязчиво защищает культ Сталина. Если пользоваться формулой Дэн Сяопина, было 40% правильных действий, 40% ошибочных действий и 20% сознательных преступлений. Было уничтожено физически около миллиона достойных коммунистов, работавших с Лениным, тысячи командиров Красной Армии, одержавших победу в Гражданской войне. Я и моя семья никогда не простим уничтожение Сталиным Военно-Политической Академии, которая готовила комиссаров для Красной Армии. Тогда было расстреляно или погибло в лагерях более 400 слушателей, преподавателей и руководителей Академии – а все они отличились в Гражданской войне. Мой отец – комиссар дивизии – умер в лагере на Колыме вместо того, чтобы воевать против напавшей на СССР фашистской армии Гитлера. Всех комиссаров реабилитировали только через 20 лет – в 1956–58 гг., но мало кто мог уже работать, а большинства не было в живых.

Жестокие репрессии происходили и в 1939–1941 гг., и после войны.

Всех военнопленных, а также пропавших без вести, – а это были миллионы солдат и офицеров, считали изменниками, а не участниками войны. Статус участников войны эти люди получили только в 1965–1967 гг., через 20 лет после окончания войны, т.е. тогда, когда большинства уже не было в живых. Таких примеров прямых преступлений Сталина можно привести многие сотни. А в КПРФ реабилитируют сегодня даже Лаврентия Берия, которого в народе считают одним из главных палачей при Сталине. Да, конечно, Берия был главным организатором при создании советской атомной бомбы. Но это происходило, прежде всего, потому, что секреты для производства атомной бомбы получала советская разведка, а все главные заводы и рудники, необходимые для производства атомной бомбы, создавались заключенными, в основном недавними военнопленными, большинство которых потом погибло.

В-третьих, население России связывает не только создание, но и распад Советского Союза, прежде всего, с Коммунистической парти-

ей. У КПСС была в стране неограниченная власть, но она умудрилась ее потерять. И Михаил Горбачев, и Борис Ельцин сделали свою политическую карьеру именно в Коммунистической партии. И они же ее сознательно разрушили изнутри.

В-четвертых, у современной КПрФ нет популярных в стране политических лидеров и нет убедительной позитивной программы. На президентских выборах 2018 года у КПрФ был очень слабый кандидат, да еще миллионер, который имел очень большие деньги в швейцарских банках. По сути, это был не коммунист, а капиталист. К тому же у него была очень короткая и неубедительная программа.

Что касается «Единой России», то она вообще не является настоящей политической партией. У нее нет идеологии и нет политической программы. У «Единой России» нет никакой печати – ни газет, ни журналов. У этой партии нет популярных лидеров. Премьер Дмитрий Медведев – только формальный лидер партии, а ее фактическим лидером является никому неизвестный бывший губернатор Псковской области Андрей Турчак. Он возглавлял Псковскую область 10 лет, но она была всегда самой отсталой и бедной в России. Партия «Единая Россия» не участвует в выборах президента. Она, однако, не участвует в дебатах и не выступает по телевидению. Сам Владимир Путин считает себя беспартийным, выступая в роли национального лидера от лица всего народа, т.е. от всех слоев и от всех партий. «Единая Россия» контролирует деятельность российского парламента, но все главные указания она получает не от своих лидеров, а от Администрации Президента. «Единая Россия» – это партия 1,5 миллионов чиновников – федеральных, региональных и муниципальных. Она заявляет о себе как о правоцентристской партии «среднего класса». Но в России средний класс – это очень узкий слой (если судить по доходам). Это только 25–30% населения.

«Справедливая Россия» считает себя социалистической партией. Но у нее также нет ясной социалистической программы и нет популярных лидеров-социалистов. На президентских выборах эта партия поддерживает В.Путина и не выставляет своей программы. У этой партии нет своей печати, ее представители не выступают по телевидению. Так что население страны мало что знает об этой партии и о ее лидере Сергее Миронове.

Что касается ЛДПР Владимира Жириновского, то это партия одного человека. Кроме Жириновского в партии нет вообще никаких руководителей и политиков. Жириновский – это русский (не российский, а только русский) националист. У него нет ясной программы, и он известен только своими частыми скандалами. Все выборы он лично проигрывает, даже на выборах губернатора Рязанской области он получил только 3-е место. Это активный, но самовлюбленный политик, которого всерьез никто в России не воспринимает.

В России есть еще 50 очень мелких партий, но это большей частью общественные организации, а не партии.

Вопрос

После «холодной войны» Россия и западные державы не стали реальными партнерами. Какие причины, по Вашему мнению, мешали созданию партнерства между ними?

Ответ

Запад и, прежде всего, США одержали верх в «холодной войне», прежде всего, в идеологическом, политическом и отчасти в экономическом отношениях, но не в военном отношении. Россия была разорена с финансовой точки зрения. Но она оставалась самой большой по территории и природным богатствам страной мира, а по населению – самой большой страной Европы. Страна не была разрушена, она сохраняла все виды стратегического ядерного вооружения и способность к возрождению при ином руководстве. Между тем Запад стал рассматривать Россию как полностью побежденную страну и стремился навязать ей внешнее управление, лишить ее суверенитета и своего голоса в международных делах. Главными целями США и Англии были:

- 1. Лишить Россию полностью ее атомного оружия.*
- 2. Не считать Россию не только мировой державой, но даже полноценной европейской, – т.е. региональной державой и одним из центров силы в мире.*
- 3. Отколоть от России все страны СНГ, т.е. страны постсоветского пространства, и посорить Россию со всеми соседними странами.*
- 4. По возможности расколоть Россию на несколько менее крупных государств, отделив от нее Северный Кавказ, Урал, Сибирь и Дальний Восток.*

5. Не просто покупать у России ее нефть и газ, а приобрести у нее все крупные нефтяные компании – Западно-Сибирскую нефть, передать международный «Бритиш-Петролиум», выкупить недорого у России «ЮКОС» и «Сибнефть», компанию на Сахалине, а также крупные металлургические компании. И переговоры на этот счет уже велись.

Никаких инвестиций для развития своей экономики Россия не получила. Не слишком большая финансовая помощь предоставлялась России ненадолго, только в форме займов, которые надо было отдавать с процентами. На Россию на Западе стали смотреть только как на рынок сбыта.

Многие российские олигархи, возникшие и разбогатевшие на разграблении страны, были на все это согласны, но даже Ельцин слабо сопротивлялся такой политике. Коммунистическая идеология в российском народе потеряла авторитет, но сохранились патриотизм, национализм и желание видеть Россию не жалкой полуколонией Запада, а самостоятельной и великой державой. Партнерство с Западом на его условиях было просто невозможно.

Вопрос

Из-за кризиса в Крыму в 2014 году отношения между Россией, европейскими странами и США резко обострились. Как Вы сегодня оцениваете российско-американские отношения и российско-европейские отношения? Как они будут развиваться?

Ответ

Уже 5-дневная война России и Грузии в августе 2008-го года была подготовлена американскими инструкторами с целью оторвать от России не только Абхазию и Южную Осетию, но и все Закавказье. Но поражение Запада не послужило уроком Западу.

И Майдан, и государственный переворот в Киеве были организованы на западные деньги. Целью этой акции было включение Украины в НАТО и превращение Крыма в базу НАТО на Черном море. Россия потерпеть этого не могла. Тем более что в Крыму живет по преимуществу русское население, как и в Донецкой и Луганской области. Ответ России был быстрым и эффективным, Крым перешел в состав Российской Федерации. Образовались на юго-востоке независимые ДНР и ЛНР, которые Россия будет защищать. Все это крайне ухудшило отношения США и России. Против России были введены

санкции, но и вступление Украины в НАТО и в Европейский Союз стало невозможным. Без сотрудничества с Россией долгое существование Украины как благополучного государства оказалось проблематичным, и как Европа, так и США теряют к Украине интерес.

Отношения США и России еще долго будут очень плохими. Сохраняется лишь сотрудничество в немногих отраслях – мы покупаем у США нужные нам лекарства, они покупают у нас некоторые металлы и двигатели для крупных ракет. Еще работает совместная межконтинентальная станция в космосе. Отношения могут даже ухудшиться, если к власти в США придет Демократическая партия. С Европой наши отношения улучшаются. У нас налажено взаимопонимание с Финляндией, Австрией, Италией, Сербией, Венгрией. Динамично развивается сотрудничество с Францией. У нас большая торговля с Германией, с Нидерландами, с Швейцарией. На сегодня Европа – наш главный торговый партнер. Европе очень нужны российские энергоресурсы, а России – европейские станки, локомотивы, лекарства, технологии. Россия становится важным звеном в отношениях Европы и Азии. Напротив, отношения Европы и США начинают ухудшаться по многим линиям. Россия перестает покупать американские «Боинги» и покупает европейские ЭАРБАСЫ.

Вопрос

В настоящее время в СНГ существует ряд проблем. Что Вы думаете о будущем этой международной организации?

Ответ. Несмотря на непростую ситуацию, сложившуюся на постсоветском пространстве, главные трудности остались позади... Я думаю, что отношения в СНГ будут улучшаться, так как это выгодно всем странам-членам Содружества.

Вопрос

2019-й год в Китае – юбилейный. Мы отмечаем 70-летие создания КНР. С 1978-го года в Китае начались реформы. Как вы оцениваете преобразования, которые проводились в России и в Китае после 1948, и особенно после 1978 года?

Ответ

И Россия, и Китай сильно продвинулись вперед в период с 1949 по 1978-й годы. Наши государства преодолели разрушительные последствия Второй мировой войны, восстановили науку, образование, здравоохранение.

В 1980-м году Китай был еще очень бедной страной и не считался сверхдержавой. Но уже в 1978–1982 г. благодаря Дэн Сяопину и его ближайшим соратникам Китай сумел найти оптимальную стратегию экономического развития. Это была новая версия социализма – «с китайской спецификой». В 1980-е годы Китай начал свой подъем, и за 10 лет увеличил в 2 раза и свой валовой продукт, и уровень жизни населения. Я все это видел осенью 1992 года, когда по приглашению ЦК КПК был гостем Китая и побывал в главных городах. Но и в это время Китай оставался все еще бедной страной – по главным улицам городов шел поток не автомобилей, а велосипедов, и только в юго-восточных провинциях наблюдалась другая картина.

В 1990-е годы развитие Китая ускорилось. А в 2002 году, во время моего второго приезда сюда, я уже увидел другую страну. В Пекине был новый аэропорт, новые дома и дороги, по которым шел поток автомобилей.

В 2000–2010 гг. развитие Китая было еще более успешным, и оно продолжается до сих пор, несмотря на противодействие США. По многим показателям Китай вышел на первое место в мире.

К сожалению, в России мы видим другую картину. В 1980–1985 годы в СССР вообще не было устойчивого руководства, во главе страны были старые и больные люди, и народ назвал это время «пятiletкой почетных похорон». Но и Горбачев не нашел верного пути развития и оказался под влиянием стран Запада, особенно США. От дружбы и сотрудничества с Китаем он отказался. В 1991 году Советский Союз вообще распался и перестал существовать как великая социалистическая держава. В 1990-е годы в России и других странах СНГ мы наблюдали общий упадок и даже потерю части суверенитета. Положение стало меняться только с 2000-го года – с приходом к руководству В.Путина. Однако и в последние 20 лет Россия развивается в экономическом отношении очень медленно. Страна восстановила свою военную мощь, но отстает в других сферах – в экономике, образовании, здравоохранении, в уровне жизни народа. Но с 2001 года после договора о дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем наши отношения стали меняться к лучшему, и это поможет и России найти правильный путь в будущее. Сейчас, когда я пишу эту страницу, Си Цзяньпин является почетным гостем России, он прибыл в Рос-

сию вчера и улетит завтра, но уже подписано много важных соглашений.

Вопрос

После 1978 года экономика Китая развивалась очень быстро. Но в последние годы развитие экономики в стране замедлилось. Как Вы оцениваете эту перемену?

Ответ

Китай в 1995–2012 гг. развивался не просто быстро, а очень быстро, прибавляя по 10% ВВП каждый год. Это было то «китайское чудо», которое удивило мир гораздо больше, чем «германское чудо» и «японское чудо». В последние годы темпы развития Китая сократились до 6–6,5% ежегодного прироста. Но и это совсем не «средний уровень», а очень быстрый рост. И в этом есть не только плюсы, но и большие минусы. Возникает опасность нарушения равновесия между Китаем и соседними странами, а также между провинциями самого Китая. Старшие поколения начинают хуже понимать более молодые поколения. Становится трудно сочетать традиции и инновации, древнее и современное. Ценности культуры и этические ценности, а в Китае их накоплено немало, не могут по своей природе измениться так же быстро, как технологии. Но и технологии должны исчерпать все заложенные в них возможности, прежде чем их нужно будет заменить новыми технологиями. Надо удвоить и адаптировать к условиям Китая многие достижения других культур и цивилизаций, а этот процесс не может быть очень быстрым. Поэтому темпы развития в 5–6% в год я считаю вполне достойными. Это выше среднемировых показателей, и Россия о таких темпах может сегодня только мечтать. Застой Китаю сегодня не грозит, его развитие должно быть устойчивым и взвешенным экологически.

Вопрос

В 2013 году Китай заявил о стратегии «один пояс – один путь»². Россия является одним из самых важных партнеров Китая. Скажите, пожалуйста, как российские ученые оценили эту стратегию? Как Вы оцениваете работу Китая в осуществлении этой стратегии?

---

² «Один пояс, один путь» – международная экономическая инициатива КНР; строго говоря, это совокупность различных мегапроектов, которые должны способствовать укреплению позиций Китая в геоэкономической картине мира. (Прим. ред.)

Ответ

Как российские ученые, так и российские политики сразу же очень положительно оценили китайскую стратегию «один пояс – один путь», выдвинутую китайским лидером Си Цзиньпином. Российский президент принял активное участие в двух международных саммитах, посвященных данному проекту. Однако наша страна присоединилась к стратегии «один пояс – один путь» только частично. Возникает много проблем, которые еще надо обсудить и согласовать. Известно, что Россия вот уже больше 10 лет осуществляет свою интеграционную инициативу «Евразийский Экономический Союз» – ЕАЭС. Как сочетать ЕАЭС и «один пояс – один путь»? В ЕАЭС сегодня входят 5 стран. Но хотят вступить в этот союз также Монголия, Узбекистан, и даже Иран и Сингапур. Это может быть крупный экономический союз, сравнимый с Европейским Союзом. Россия не может быть только транзитной территорией, через которую проходит «один пояс – один путь». Россия сама может стать важным интеграционным центром на пространствах Евразии.

Для России очень важно сопряжение большого китайского проекта «Один пояс – один путь» (и его части – «Морской шелковый путь») с большим российским проектом «Северного морского пути» (СМП), над осуществлением которого Россия работает уже около 90 лет – с начала 1930-х годов. Этот российский СМП должен соединить большие порты Северной Европы (Гамбург, Роттердам и другие) через Мурманск, Ямал, Игарку, Камчатку и др. с портами Японии, Шанхая, Вьетнама и Сингапура – до Индии. Этот Северный морской путь гораздо короче южного, но и гораздо сложнее. В 2019-м году по нашим северным морям уже провезено 40 млн. тонн груза, и через 2–3 года будет уже 80 млн. тонн. Идет освоение природных богатств северных областей и северного шельфа – там много и нефти, и газа. У нас есть уже мощный ледокольный флот и танкеры, и газозавозы ледокольного класса. Создаются большие заводы по сжижению газа и т.д. В России – это большей частью государственный проект. Однако в нем участвует частная компания «Новотэк», а также «Норильский никель». Есть и иностранные участники. В частности, китайские компании вложили в проект 20% капитала. Включилась в него и французская компания «Тоталь».

Но общее руководство проектом должна осуществлять Россия, у нее для этого накоплен большой опыт и кадры. Существует и проект высокоскоростной железной дороги – от Москвы до Пекина (или даже от Берлина до Пекина). Но этот проект пока заморожен по многим причинам. В России увеличился провоз разного рода грузов транзитом из Европы в Китай и обратно по обычным железным дорогам. В строительстве сверхскоростных дорог у России нет пока ни нужного опыта, ни большой нужды. Мы пока отказались от сверхскоростной дороги Москва – Казань и готовим такую дорогу по линии Москва – Санкт-Петербург. Нам хватает пока скоростных (до 200 км в час), а не сверхскоростных (до 450 км в час) железных дорог. Мотивов здесь много. Сверхскоростные дороги требуют другой технологии. Нельзя просто переоборудовать железную дорогу Москва – Казань в сверхскоростную. Надо строить их параллельно. У самой России нет таких грузов, которые надо везти сверхсрочно в Китай или в Европу. При наших больших фантазиях, при малой заселенности территорий и небогатом населении в России будет мало пассажиров для сверхскоростных железных дорог. Если такие дороги нужны Европе и Китаю, то Россия может им предоставить транзит и получать транзитные платежи. Но все строительство будет идти за их счет (а не на основе кредита). Все это мои личные соображения.

Совсем иначе обстоят дела с хорошими автомобильными дорогами из Европы через Белоруссию, Прибалтику, Россию и Казахстан в Китай. Эти дороги нужны всем, их строить дешевле и проще, и работа по этому проекту уже идет. Готовятся, насколько я знаю, два проекта по разным маршрутам (срок окончания – 2024-й год). Один проект с участием частного капитала – это будет платная дорога, но с умеренной оплатой. Обе дороги – скоростные. Какому проекту отдать приоритет – этот вопрос еще не решен. Возможно, со временем построят две дороги – это выгодный для всех проект.

Вопрос

Россия и Казахстан являются главными участниками Союза Евразии и активно работают с целью развития этой организации. Но, кроме этого, Россия и Казахстан задействованы в проекте «Один пояс – один путь». Как Вы считаете, что необходимо для развития сотрудничества на указанных направлениях?

Ответ

Надо делать все то, о чем говорил много раз Си Цзиньпин – строить отношения между ЕАЭС и Проектом «Один пояс» на принципах взаимной пользы и общей выгоды. Реализация этого великого проекта должна привести к улучшению условий жизни и работы и в Китае, и в России, и в Казахстане. Для этого нужно учитывать условия каждой страны – а у всех они разные.

Казахстан – очень своеобразная страна. При населении немногим меньше 20 миллионов человек Казахстан занимает территорию в 2 млн. 75 тысяч кв. км. Это 9-я по размерам страна мира, где есть пригодные для жизни, но еще не заселенные земли. Таких стран осталось всего 4 – Россия, Австралия, Канада и Казахстан. При этом самих казахов живет в Казахстане всего 11–12 млн. человек. Еще 6–7 млн. казахов живут за пределами Республики, и около 2-х миллионов – в Китае.

Казахи – бывшие кочевники, и на оседлый образ жизни они перешли только 150–160 лет назад – после присоединения к России.

Казахи – сильная, одаренная нация, но им трудно освоить сегодня такую большую территорию и создать полноценную национальную культуру и экономику. Российская культура и русский язык пользуются в Казахстане большим влиянием, и это закреплено в Конституции Казахстана. Расширяется и экономическая интеграция. Растет здесь и влияние Китая. Однако располагаясь между «Драконом» (Китай) и «Медведем» (Россия), Казахстан боится потерять свою идентичность, когда разумная интеграция перерастает в ассимиляцию, а такая угроза есть. Казахские степи очень велики, но они плохо приспособлены для земледелия. Уже большая кампания по освоению «целинных и залежных земель» (1954–1960 гг.) принесла Казахстану больше вреда, чем пользы.

Когда Китай берет в аренду 5000–10000 гектаров казахской земли и ведет хозяйство с помощью одних китайцев, как принято в Китае, то на этом участке потом долго ничего не растет. Нужно вести хозяйство вместе с казахами и создавать свои новые способы обработки земли. В странах, вошедших в проект «Один пояс, один путь», нужно как можно больше привлекать и учить местное население, а не заменять их почти полностью китайскими работниками. Во всяком случае,

так говорит оппозиция. Земля после китайской аренды должна быть лучше, чем до аренды.

В технологии, науке, в экономике интеграция происходит с неизбежностью законов природы. Однако языки, культура, традиции, расы и нации должны быть сохранены. Мир когда-нибудь будет единым, и слова Си Цзиньпина о единой судьбе человечества – это очень верные слова. Но мир должен быть при этом многоцветным, а не одноцветным. Русские должны оставаться русскими, китайцы – китайцами, а казахи – казахами. Китай недавно помог Сербии построить новый мост через Дунай. Это было очень важно для Сербии. Но в печати писали, что проект составлялся китайскими инженерами и осуществлялся китайскими рабочими. Если это было так, то это неправильно. В Сербии много хороших инженеров и рабочих. Нужно было, чтобы строителей было половина китайцев, а половина сербов. В Африке может быть иначе, но и в Африке нужно построить не только новую железную дорогу, но и подготовить для нее хороших железнодорожников. Но, может быть, у меня недостаточная информация и я в чем-то ошибаюсь...

Вопрос

2 октября 1949 года СССР признал правительство КНР, – с тех пор прошло уже 70 лет. Как Вы оцениваете отношения между нашими двумя странами в настоящее время? Что, по-Вашему, они должны делать, чтобы улучшить сотрудничество?

Ответ

Отношения Китая и России в настоящее время являются лучшими, чем за все те 70 лет, которые прошли с момента нашего признания Китая. И эти отношения продолжают улучшаться с каждым годом. Об этом свидетельствует и визит Си Цзиньпина в начале июня 2019 года в Москву и Санкт-Петербург. Этот визит продолжался три дня, и лидеры беседовали друг с другом больше 15 часов. Наши отношения – это сегодня отношения всеобъемлющего стратегического партнерства, и наши экономики во многом дополняют друг друга. Конечно, наше желание сотрудничать связано и со все более сильным давлением на Китай и Россию со стороны Соединенных Штатов. Эта страна не хочет расставаться с положением мирового гегемона, которое ей удалось занять с 1991-го года – после распада Советского Союза. Но

и без этого фактора у наших стран есть много проблем, которые нам легче и проще решать вместе.

Вопрос

Сегодня не только в Китае, но и в России много людей, в том числе ученых, которые считают, что тесное сотрудничество налажено между нашими правительствами, но не между народами. Отмечается слабость торговых и культурных связей. Как Вы оцениваете данную ситуацию?

Ответ

Эта ситуация изменится, но для этого нужно много лет. С Европой Россия сотрудничает уже почти 400 лет, а с Китаем только 40 лет.

Для таких больших стран – это очень небольшой срок. Между нашими руководителями происходят частые встречи и переговоры о сотрудничестве, а на уровне простых людей, в частности, в бизнесе и культуре, этих встреч очень мало. У нас все же разные цивилизации. Они могут обогатить одна другую, но это долгий процесс.

В России десятки миллионов людей знают сегодня английский, французский или немецкий языки. Но только 30–40 тысяч, и в основном молодых, людей знают китайский язык. Очень мало переводчиков. Мы не знаем китайской литературы и поэзии, не смотрим китайских фильмов. Наши ученые не могут читать китайские журналы. Мы плохо знаем историю Китая и традиции китайского бизнеса. В Китае знают Россию лучше, чем в России знают Китай. Со временем это изменится, и Китай нас многому научит.

Вопрос

После распада СССР экономика и доходы России еще сильно зависят от экспорта энергии. Как вы считаете, это положение будет мешать развитию экономики и общества России?

Ответ

Не только экономика России, но и экономика всего Советского Союза с 1970–1980-х гг. очень зависела от экспорта четырех видов сырья – нефти, газа, угля и хлопка. Эти товары были тогда на 90% источником получения валюты. На полученную валюту СССР покупал нужное нам промышленное оборудование (то, что нам соглашались продать). Мы покупали во всем мире много зерна, мяса (своего не хватало), а также небольшое количество потребительских товаров, которые потом продавали по завышенным ценам и в специальных

магазинах – для пополнения бюджета. Много валюты шло и на поддержку союзников СССР по Варшавскому Пакту, а также другим дружественным странам – Кубе, Вьетнаму, Анголе, Египту и некоторым другим. Это было одной из главных причин бедности советского населения и его недовольства. На вооружение и армию уходило 30–40% советского ВВП.

Сегодня положение дел значительно лучше, хотя и оно еще не идеально. Мы продолжаем экспортировать нефть, газ и уголь, т.е. энергоресурсы. Но Россия продавала в последние годы странам Азии и Африки вооружения на 15 млрд. в год. Мы продаем зерно и различные культуры, много мяса – свинины и птицы (это успехи российского аграрного сектора). Россия строит за границей более 10 АЭС – это успехи нашей атомной энергетики. Мы продаем излишки металлургии (алюминий, медь, цинк, никель, титан, сталь). Наш экспорт значительно расширили. Но у нас все еще слабо развита высокотехнологическая отрасль и производство высококачественных потребительских товаров. Быстро эту проблему решить трудно.

Вопрос

Что, по-Вашему, нужно сделать для того, чтобы улучшить торговлю России и Китая?

Ответ

Наша торговля в 2018 году достигла 108 млрд. долларов. Это для России хороший уровень, но мы хотим поднять его до 200 млрд. долларов. Россия может увеличить экспорт в Китай энергоресурсов. Мы можем увеличить экспорт аграрной продукции, удобрений, продукции пищевой промышленности. Надо значительно расширить потоки туристов. Вместе с Китаем Россия создает широкофюзеляжный пассажирский лайнер и тяжелый вертолет. Нам надо развивать сотрудничество в космической отрасли, в лесоперерабатывающей промышленности, а также онлайн-торговлю и совместные предприятия. Недавно в Тульской области был построен китайский завод по производству легковых автомобилей. В Казани работает китайский завод по производству холодильного оборудования. Нам надо в 3–4 раза увеличить число российских студентов в вузах Китая, а в России – школ с преподаванием на китайском языке. У нас уже есть китайский банк и центры китайской торговли. Нам надо учиться предприимчивости у китайцев.

Вопрос

В последнее время Китай много работал в рамках «Сообщества единой судьбы человечества»³. Как в России ученые оценили эту идею?

Ответ

В Советском Союзе всегда считали, что у человечества будет одна судьба и что все народы должны объединиться в одну дружную семью и не будет границ. Как важный шаг к этой цели была создана ООН. В мире уже созданы десятки организаций, которые работают в рамках единой судьбы человечества. Это ВОЗ (всемирное здравоохранение), ВТО (всемирная торговля), ЮНЕСКО (всемирная культура). Есть международные организации по регулированию климата, по сохранению дикой природы, по регулированию воздушного движения, по сохранению прав человека и т.д. Есть международное право. Но в то же время в мире все время идут войны, в том числе кибервойны, гибридные войны, информационные. Есть еще страны, которые претендуют на мировую гегемонию и даже на мировое господство. Идет и тайная политическая борьба. Все это очень сложные проблемы, которые надо решать прежде, чем возобладает благородная идея «Сообщества единой судьбы человечества».

Вопрос

В последнее время между Китаем и Америкой появились конфликты в сфере торговли. Как, по-Вашему, эти конфликты будут влиять на мировую торговлю и экономику? И скажется ли это на российско-китайских и российско-американских отношениях?

Ответ

Между Китаем и США отдельные конфликты переросли уже в настоящую торговую войну, которая то немного затухает, то вновь усиливается. Эта война вредна для всех. Она приносит ущерб не только Китаю, но и самим Соединенным Штатам, так как многие нужные Америке товары производятся на американских предприятиях, перенесенных туда из Китая.

---

³ «Сообщество единой судьбы человечества» – одна из главных дипломатических концепций КНР 2010-х гг., по сути, являющаяся обобщением стратегических взглядов руководства страны на международные отношения.

В любом случае разного рода пошлины повышают цены на американские и китайские товары, что невыгодно покупателям и потребителям всех этих товаров.

Но кроме чисто торговой войны Соединенные Штаты открыли против Китая и настоящую технологическую войну. Предполагалось, что Китай будет только собирать новейшую ИТ-продукцию, а вся научно-технологическая и конструкторская база останется под контролем США. Но китайские ученые и инженеры сумели освоить все ступени производства и начали создавать собственные продукты полного цикла и строить предприятия-гиганты по типу «Хуайвей», которые мало уступают, а то и превосходят американские предприятия по типу «Google». Может быть, китайская продукция в чем-то уступает американской, но она много дешевле. В этом соревновании Китай начал догонять и перегонять США.

Общая торговая и технологическая война перерастает в настоящую «холодную войну» и по другим линиям (информационной, кибернетической). Она проявляется даже в попытке расколоть китайское общество (волнения в Гонконге, которые явно поддерживаются в США специалистами по «цветным» революциям).

В конфликте между США и Китаем Россия всегда стоит на стороне Китая, и это обстоятельство только усиливает наше сотрудничество.

Что касается российско-американских отношений, то они опустились в последние 3 года на такой низкий уровень, что дальше падать, кажется, уже некуда. В наших прогнозах мало кто ждет улучшения этих отношений. Если на выборах 2020-го года победу одержит не Трамп, а Демократическая партия, то будет, видимо, еще хуже, так как уровень русофобии у демократов еще выше, чем у республиканцев.

Вопрос

Какие проблемы, по мнению российских ученых, существуют в отношениях между Китаем и Россией? По каким вопросам Россия желает усилить сотрудничество с Китаем?

Ответ

Есть проблемы исторической памяти. Мы не идеализируем политику Российской Империи на Дальнем Востоке, но и не идеализируем политику Китайской Империи в Сибири и на Дальнем Востоке. Но

это проблемы для историков. Были конфликты идеологические и в советское время. Но еще мудрый Дэн Сяопин говорил М.Горбачеву: «Закроем прошлое и откроем будущее».

Не решены еще все проблемы контрабанды древесины из Сибири и Дальнего Востока в Китай, а также нелегального ввоза в Россию дешевой и некачественной одежды и обуви. После китайской аренды часть нашей земли остается непригодной для дальнейшего использования. По большей части здесь ведут работу криминальные структуры, борьба с которыми должна быть постоянной заботой наших правоохранительных органов.

Вопрос

После 18-го съезда КПК Китай начал проводить новые реформы. В КПК стала разрабатываться идеология китайского социализма. Как Вы оцениваете успехи Китая после упомянутого съезда? Каково Ваше отношение к идеям Генерального Секретаря КПК Си Цзиньпина?

Ответ

Я познакомился с идеями китайского социализма по работам российских ученых из Института Дальнего Востока и по материалам 18-го и 19-го съездов КПК. Особенно важным для меня было знакомство с большим докладом Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК и с новым Уставом КПК. Я всегда считал, что нет какого-то универсального и пригодного для всех стран социализма (как и капитализма), что он должен иметь свою национальную специфику и меняться с каждой новой эпохой. Поэтому я полностью разделяю и поддерживаю идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи.

Для меня очень важной является и идея социалистической демократии. Это признак развитого социализма. Но Си Цзиньпин справедливо отметил, что Китай находится пока еще на пути к этой цели. Демократия – это очень сложная система власти и управления.

Поспешное внедрение всех демократических институтов ведет к разрушению всех главных систем управления обществом, к хаосу и анархии.

Мы в России пережили это еще в 1917-м году во время Февральской революции.

Второй раз мы пережили это в 1990–1992 гг. после горбачевской «Перестройки» и ельцинской «демократической революции». Китай усвоил эти уроки.

Редакционная почта

Новая Россия заявляет о себе как о демократическом и правовом государстве. Это записано в статье №1 нашей Конституции. Но это не социалистическая, а одна из форм буржуазной демократии, где личные интересы, права и свободы стоят выше интересов всего общества и государства. Наша демократия допускает чрезмерное социальное неравенство. Она допускает чрезмерную бедность и нищету, с одной стороны, и паразитическое сверхпотребление, – с другой стороны. Это не пример для Китая, который построит свою социалистическую демократию, совмещенную со справедливостью.

Вопрос

Вы давно вступили в Компартию и много изучали марксизм и социализм. Что Вы думаете о будущем китайского социализма?

Ответ

Россия была первой страной, начавшей строить социализм. Было много гипотез, но каким будет настоящий социализм, еще никто не знал. Это признавал и Ленин. Он не раз говорил в 1917–1920 гг., что у нас еще нет даже кирпичей, из которых будет построен социализм. Он не раз менял свою точку зрения («единое предприятие», «военный коммунизм», НЭП как уступка и НЭП как генеральная линия, «кооперация как основа социализма»). Советский Союз был в этом отношении первопроходцем, и отчасти потому наделал много ошибок и часто менял свою «генеральную линию». Но Китай идет уже вслед за Советским Союзом и может избежать многих наших ошибок.

Я желаю Китаю и Си Цзиньпину новых больших успехов.

Москва, лето 2019 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургуиняна), МОФ-ЭТЦ
123001, г.Москва, ул.Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

ОТЧЕТ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМУЩЕСТВА ФОНДА ЗА 2019 ГОД

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:

- добровольные пожертвования,
- денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки от предпринимательской деятельности составила 5066 тыс. рублей. Добровольные пожертвования составили 7500 тыс. рублей, вступительных и иных взносов не поступало. Расходы по предпринимательской деятельности составили 3649 тыс. рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 208 тыс. рублей Чистая прибыль составила 180 тыс. руб. В 2019 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

Наши авторы

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАН,
лауреат Государственной премии СССР,
главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и
региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета
МИД России

Стамова Ирина Ивановна

преподаватель 6-й кафедры английского языка МГИМО-
Университета

Черникова Наталья Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории РАН

Татаринов Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и
международных отношений ГОУВПО ЛНР «Луганский
Национальный Университет имени Владимира Даля», г.Луганск,
ЛНР/Украина

Лاپин Владимир Викентьевич

доктор исторических наук, заведующий отделом Новой
истории Санкт-Петербургского института истории РАН,
профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный
сотрудник Центра «История России XIX – начала XX в.», Институт
русской истории Российской академии наук

Медведев Рой Александрович

кандидат педагогических наук, историк, писатель

Our authors

Mal'kov Victor Leonidovich

D.Sci., historian, Professor, Merited Scholar of the Russian Federation, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, USSR State Prize Winner, Chief Scholar of the Institute of the World History, Russian Academy of Sciences

Degoev Vladimir Vladimirovich

D.Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems and Regional Security, Professor of Moscow State Institute of International Relations–University

Stamova Irina Ivanovna

lecturer, 6th Chair of English, Moscow State Institute of International Relations-University

Chernikova Natal'a Vladimirovna

Ph.D., historian, research fellow of the Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Ph.D., historian, Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations of the Ukrainian National University of Lugansk “Lugansk Vladimir Dal University”, Lugansk, Lugansk People’s Republic of Ukraine / Ukraine

Lapin Vladimir Vikent'evich

D.Sci, historian, Professor of European University (Saint Petersburg), the Head of department New history of Saint-Petersburg Institute of History (RAS)

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., historian, assistant Professor, a senior fellow researcher at the Center “History of Russia in XIX–early twentieth century”, FGBUN Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Medvedev Roy Aleksandrovich

Ph.D., pedagogical sciences, historian, writer

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»
(подписка возможна с любого месяца)**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ESS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2019.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54

E-mail: russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 24.12.2019. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11½ печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 150 экз.) Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

1.2020 january-february

Geopolitics and International Policy Issues

Viktor Malkov

Acid Test for American Diplomacy.
President Wilson and his Consuls in Search
for “Russian Dilemma” (the end) _____ **6**

Russia in the World

Vladimir Degoev, Irina Stamova

Russian-European Relations as the Forerunner
of the Great Northern War (the Continued).
P.II. Russia and Saxony–Poland _____ **30**

Pages of History

Natalia Chernikova

High Court of Russian Empire:
Evolution of the Department
of Civil and Religious Affairs _____ **46**

Igor Tatarinov

To the Question About the Borders of the Great Troops
Don and Ukrainian Power in 1918 _____ **74**

Labels and Myths

Vladimir Lapin

The Memory of the “Conquest of Turkestan”. The War of Pre-Revolutionary Russia in the Symbolic Dimension ____96

Topical Archive

Nina Khailova

“To Remove Oblivion from the Abyss Old Slogan: “In Unity – power”: Hopes and Worries of the Liberal Centrists _____120

Readers' Letters

Roi Medvedev

“The World will Someday be United, but at the Same Time Multicolored...” ____156

РОССИЯ XXI